ГРЭМ ГРИН

★

ПОЧЕТНЫЙ КОНСУЛ

Роман

Посвящается с любовью Виктории Окампо, в память о счастливых неделях, которые я провел в Сан-Исидро и Мар-дель-Плата.

Все слито воедино:
добро и зло, великодушие и
правосудие, религия и политика...
Томас Харди

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Доктор Эдуардо Пларр стоял в маленьком порту на берегу Параны, среди подъездных путей и желтых кранов, глядя на перистую линию дыма, которая стелилась над Чако. Она тянулась между багровыми отсветами заката как полоса на государственном флаге. В этот час доктор Пларр был здесь в одиночестве, если не считать матроса, охранявшего здание порта. В такой вечер таинственное сочетание меркнущего света и запаха какого-то незнакомого растения в одних пробуждает воспоминания детства и надежды на будущее, а в других ощущение уже почти забытой утраты.

Рельсы, краны, здание порта — их доктор Пларр раньше всего увидел на своей новой родине. Годы тут ничего не изменили, разве что добавили полосу дыма, которая теперь тянулась вдоль горизонта по ту сторону Параны. А более двадцати лет назад, когда они с матерью приехали сюда из Парагвая на ходившем раз в неделю пароходе, завод, откуда шел дым, еще не был построен. Он вспоминал, как отец стоял на набережной в Асунсьоне, возле короткого трапа этого небольшого речного парохода, высокий, седой, со впалой грудью; он с наигранным оптимизмом утверждал, что скоро к ним приедет. Через месяц, а может быть, через три,— надежда скрипела у него в горле как ржавая пружина.

Четырнадцатилетнему мальчику показалось не то чтобы странным, а чуть-чуть чужеземным, что отец как-то почтительно поцеловал жену в лоб, будто это была его мать, а не сожительница. В те дни доктор Пларр считал себя таким же испанцем, как и его мать, хотя отец у него был родом англичанин. И не только по паспорту, он и по праву принадлежал к легендарному острову снегов и туманов, родине Диккенса и Конан Дойла, правда, у него вряд ли сохранились отчетливые воспоминания о стране, покинутой им в десять лет. Осталась книжка с картинками, подаренная ему перед самым отплытием родителями,— «Панорама Лондона», и Генри Пларр часто ее перелистывал, показывая своему маленькому Эдуардо серые фотографии Букингемского дворца, Тауэра и Оксфорд-стрит, забитой каретами, экипажами и дамами, подбирающими длинные подолы юбок. Отец, как позднее понял доктор Пларр, был эмигрантом, а эта часть света полна эмигрантов — итальянцев, чехов, поляков, валлийцев и англичан. Когда доктор Пларр еще мальчиком прочел роман Диккенса, он читал его как иностранец, воспринимая все, что там написано, словно это сегодняшний день, подобно тому как русские до сих пор думают, будто судебный пристав и гробовщик

по-прежнему занимаются своим ремеслом в том мире, где Оливер Твист сидит взаперти в лондонском подвале, подстерегаемый новыми бедами.

В четырнадцать лет он еще не мог сообразить, что заставило отца остаться на набережной старой столицы у реки. Ему понадобилось прожить немало лет в Буэнос-Айресе, прежде чем он понял, до чего непроста эмигрантская жизнь, сколько она требует документов и походов в присутственные места. Простота по праву принадлежала местным уроженцам, тем, кто принимал здешние условия жизни, какими причудливыми бы они ни были, как должное. Испанский язык — романский по происхождению, а римляне были народ простой. Machismo — культ мужской силы и гордости — испанский синоним virtus[1]. В этом понятии мало общего с английской храбростью или умением не падать духом в любых обстоятельствах. Быть может, отец, будучи иностранцем, пытался воображать себя macho, когда решил остаться один на один со все возрастающими опасностями по ту сторону парагвайской границы, но в порту он выражал лишь решимость не падать духом.

Маленький Пларр проезжал с матерью этот речной порт по дороге в большую шумную столицу республики на юге, почти в такой же вечерний час (их отплытие задержалось из-за политической демонстрации), и что-то в этом пейзаже — старые дома в колониальном стиле, осыпавшаяся штукатурка на улице за набережной, парочка, сидевшая на скамейке в обнимку, залитая луной статуя обнаженной женщины и бюст адмирала со скромной ирландской фамилией, электрические фонари, похожие на спелые фрукты над ларьком с прохладительными напитками,— так крепко запало в душу молодого Пларра как символ желанного покоя, что в конце концов, почувствовав непреодолимую потребность сбежать от небоскребов, уличных заторов, полицейских сирен, воя санитарных машин и героических статуй освободителей на конях, он решил переехать в этот маленький северный город, что не составляло труда для дипломированного врача из Буэнос-Айреса. Ни один из его столичных друзей или знакомых, с которыми он встречался в кафе, не мог понять, что его на это побудило; его убеждали, что на севере жаркий, сырой, нездоровый климат, а в самом городе никогда ничего не происходит, даже актов насилия.

— Может быть, климат такой нездоровый, что у меня будет побольше практики, — отвечал он с улыбкой, такой же ничего не выражавшей или притворной, как оптимизм его отца.

За годы долгой разлуки они получили в Буэнос-Айресе только одно письмо от отца. Конверт был адресован обоим: Señora e hijo[2]. Письмо пришло не по почте. В один прекрасный вечер, года через четыре после приезда, они нашли его под дверью, вернувшись из кино, где в третий раз смотрели «Унесенных ветром». Мать никогда не пропускала случая посмотреть эту картину. Может быть потому, что старый фильм, старые звезды хоть на несколько часов превращали гражданскую войну во что-то неопасное, спокойное. Кларк Гейбл и Вивьен Ли мчались сквозь годы, несмотря на все пули.

На конверте, очень мятом и грязном, значилось: «Из рук в руки», но чьи были эти руки, они так и не узнали. Письмо было написано не на их старой писчей бумаге с элегантно отпечатанным готическим шрифтом названием их estancia[3], а на линованном листке из дешевой тетради. Письмо, как и голос на набережной, было полно несбыточных надежд. «Обстоятельства,— писал отец,— должны вскоре измениться к лучшему». Но даты на письме не было, и поэтому надежды, вероятно, рухнули задолго до получения ими этого письма. Больше вестей от отца до них не доходило, даже слуха об его аресте или смерти. Письмо отец закончил с истинно испанской церемонностью: «Меня весьма утешает то, что два самых дорогих для меня существа находятся в безопасности. Ваш любящий супруг и отец Генри Пларр».

Доктор Пларр не отдавал себе отчета в том, насколько повлияло на его возвращение в этот маленький речной порт то, что теперь он будет жить почти на границе страны, где он родился и где похоронен его отец — будь то в тюрьме или на клочке земли, который сын его, вероятно, так никогда и не увидит. Тут ему надо лишь проехать несколько километров на северо-восток и поглядеть через излучину реки... Стоит лишь сесть в лодку, как это делают контрабандисты... Иногда он чувствовал себя дозорным, который ждет сигнала. Правда, у него была и более насущная при-

[1] Доблести *(лат.)*. Здесь и далее примечания переводчиков.

[2] Сеньоре и сыну *(исп.)*.

[3] Поместья *(исп.)*.

чина. Как-то раз он признался одной из своих любовниц: «Я уехал из Буэнос-Айреса, чтобы быть подальше от матери». Она и правда, потеряв свою красоту, стала сварливой, вечно оплакивала утрату estancia и доживала свой век в огромном, разбросанном, путаном городе с его fantàstica arquitectura[4] небоскребов, нелепо торчащих из узеньких улочек и до двадцатого этажа обвешанных рекламами кока-колы.

Доктор Пларр повернулся спиной к порту и продолжал вечернюю прогулку по берегу реки. Небо потемнело, и он уже не различал полосу дыма и очертания противоположного берега. Фонари парома, соединявшего город с Чако, были похожи на светящийся карандаш, карандаш этот медленно вычерчивал волнистую диагональ, преодолевая быстрое течение реки к югу. Три звезды висели в небе, словно бусины разорванных четок, — крест упал куда-то в другое место. Доктор Пларр, который сам не зная почему каждые десять лет возобновлял свой английский паспорт, вдруг почувствовал желание пообщаться с кем-нибудь, кто не был испанцем.

Насколько ему было известно, в городе жили только еще два англичанина: старый учитель, который называл себя доктором наук, хоть никогда и не заглядывал ни в один университет, и Чарли Фортнум — почетный консул. С того утра несколько месяцев назад, когда доктор Пларр сошелся с женой Чарли Фортнума, он чувствовал себя неловко в обществе консула; может быть, его тяготило чувство вины; может быть, раздражало благодушие Чарли Фортнума, который, казалось, так смиренно полагался на верность своей супруги. Он рассказывал скорее с гордостью, чем с беспокойством, о недомогании жены в начале беременности, будто это делало честь его мужским качествам, и у доктора Пларра вертелся на языке вопрос: «А кто же, по-вашему, отец?»

Оставался доктор Хэмфрис... Но было еще рано идти к старику в отель «Боливар», где он живет, сейчас его там не застанешь.

Доктор Пларр сел под одним из белых шаров, освещавших набережную, и вынул из кармана книгу. С этого места он мог присматривать за своей машиной, стоявшей у ларька кока-колы. Книга, которую он взял с собой, была написана одним из его пациентов — Хорхе Хулио Сааведрой. У Сааведры тоже было звание доктора, но на этот раз невымышленное — двадцать лет назад ему присудили почетное звание в столице. Роман, его первый и самый известный, назывался «Сердце-молчальник» и — написанный в тяжеловесном меланхолическом стиле — был преисполнен духа machismo.

Доктор Пларр с трудом мог прочесть больше нескольких страниц кряду. Эти благородные, скрытные персонажи латиноамериканской литературы казались ему чересчур примитивными и чересчур героическими, чтобы иметь подлинных прототипов. Руссо и Шатобриан оказали гораздо большее влияние на Южную Америку, чем Фрейд; в Бразилии был даже город, названный в честь Бенжамена Констана. Он прочел: «Хулио Морено часами просиживал молча в те дни, когда ветер безостановочно дул с моря и просаливал несколько гектаров принадлежавшей ему бедной земли, высушивая редкую растительность, едва пережившую прошлый ветер; он сидел подперев голову руками и закрыв глаза, словно хотел спрятаться в темные закоулки своего нутра, куда жена не допускалась. Он никогда не жаловался. А она подолгу простаивала возле него, держа бутыль из тыквы с матэ[5] в левой руке; когда Хулио Морено открывал глаза, он, не говоря ни слова, брал у нее бутыль. И лишь резкие складки вокруг сурового, неукротимого рта чуть смягчались — так он выражал ей благодарность».

Доктору Пларру, которого отец воспитывал на книгах Диккенса и Конан Дойла, трудно было читать романы доктора Хорхе Хулио Сааведры, однако он считал, что это входит в его врачебные обязанности. Через несколько дней ему предстоит традиционный обед с доктором Сааведрой в отеле «Националь», и он должен будет как-то отозваться о книге, которую доктор Сааведра так тепло надписал: «Моему другу и советчику, доктору Эдуардо Пларру эта моя первая книга, в доказательство того, что я не всегда был политическим романистом и чтобы открыть, как это можно сделать только близкому другу, каковы были первые плоды моего вдохновения». По правде говоря, сам доктор Сааведра был далеко не молчальником, но, как подозревал доктор

---

[4] Причудливой архитектурой *(исп.)*.
[5] Парагвайский чай.

Пларр, он считал себя Морено manqué[6]. Быть может, он не зря дал Морено одно из своих имен...

Доктор Пларр никогда не замечал, чтобы кто-нибудь еще в этом городе читал книги вообще. Когда он обедал в гостях, он там видел книги, спрятанные под стекло, чтобы уберечь их от сырости. Но ни разу не видел, чтобы кто-нибудь читал у реки или хотя бы в одном из городских скверов, разве что иногда проглядывал местную газету «Эль литораль». На скамейках сидели влюбленные, усталые женщины с сумками для продуктов, бродяги, но не читатели. Бродяга, как правило, важно занимал целую скамейку. Ни у кого не было охоты сидеть с ним рядом, поэтому, в отличие от остального человечества, он мог растянуться во весь рост.

Привычку к чтению на открытом воздухе доктор Пларр, вероятно, заимствовал у отца,— тот всегда брал с собой книгу, отправляясь работать на ферму, и на пропахшей апельсинами покинутой родине доктор Пларр прочел всего Диккенса, кроме «Рождественских рассказов». Люди, видевшие, как он сидит на скамейке с открытой книгой, смотрели на него с живым любопытством. Они, наверное, считали, что таков уж обычай у этих иностранных докторов. И в нем сквозило не столько что-то не очень мужественное, сколько явно чужеземное. Здесь мужчины предпочитали беседовать, стоя на углу, сидя за чашкой кофе или высунувшись из окна. И беседуя, они все время трогали друг друга руками, либо чтобы подчеркнуть свою мысль, либо просто из дружелюбия. На людях доктор Пларр не дотрагивался ни до кого, только до своей книги. Это, как и его английский паспорт, было признаком того, что он навсегда останется чужаком и никогда здесь не приживется.

Он снова принялся читать: «Сама она работала в нерушимом молчании, приемля тяжкий труд, как и непогоду, как закон природы».

В столице у доктора Сааведры был период, когда он пользовался успехом и у публики и у критики. Когда он почувствовал, что им пренебрегают рецензенты и — что еще обиднее — хозяйки салонов и газетные репортеры, он переехал на север, где его прадед был губернатором, а ему самому оказывали почтение как знаменитому столичному романисту, хотя тут уж наверняка мало кто читал его книги. Но, как ни странно, воображаемая география его романов оставалась неизменной. Где бы он ни жил, свое вымышленное место действия он еще в молодости выбрал раз и навсегда, проведя отпуск в одном приморском городке на крайнем юге, возле Трелью. В жизни он никогда не встречал такого Морено, но однажды в баре маленького отеля увидел человека, который молча сидел, меланхолически глядя на свою выпивку, и тут же вообразил себе очень ясно своего будущего героя.

Доктор Пларр все это узнал еще в столице от старого друга и ревнивого врага писателя; знание прошлого Сааведры ему пригодилось, когда он начал лечить своего пациента от приступов болтливой депрессии. Во всех его книгах снова и снова возникало одно и то же действующее лицо, биография его несколько менялась, но волевое тоскливое молчание сопутствовало ему всегда. Друг и враг, сопровождавший Сааведру в том давнем путешествии на юг, в сердцах воскликнул: «А вы знаете, кто был тот человек? Он был валлиец, валлиец. Где это слыхано: валлиец с machismo?! В тех краях уйма валлийцев. Да и был он просто пьян. Напивался каждую неделю, когда приезжал в город».

Паром двинулся к невидимому болотистому берегу, заросшему кустарником, а позже тот же паром вернулся назад. Доктору Пларру было трудно вникать в молчаливую душу Хулио Морено. Жена Морено в конце концов его бросила, променяв на батрака с его плантации, который был молод, красив и разговорчив, но в городе у моря, где ее любовник не мог получить работы, ей жилось плохо. Скоро он стал напиваться в барах, без умолку болтать в постели, и ее обуяла тоска по долгому молчанию и сухой, просоленной земле. Тогда она вернулась к Морено, который, не говоря ни слова, предложил ей место за столом, на котором стояла приготовленная им скудная еда, а потом молча сел в свое кресло, подперев голову рукой, а она встала рядом, держа бутыль с матэ. В книге после этого оставалось еще страниц сто, хотя доктору Пларру казалось, что история на этом могла и закончиться. Однако machismo Хулио Морено еще не нашло своего полного выражения, и когда он скупыми словами высказал жене свое намерение посетить город Трелью, доктор уже заранее знал, что там произойдет. Хулио Морено встретит в городском баре батрака, и между ними за-

---

[6] Несостоявшимся *(франц.)*.

вяжется драка на ножах, где победителем, конечно, будет более молодой. Разве жена не видела в глазах Морено, когда он уезжал, «выражение выбившегося из сил пловца, которого неуловимо влечет темное течение неотвратимой судьбы»?

Нельзя сказать, что доктор Сааведра писал плохо. В его стиле был свой тяжеловесный ритм, и барабанный бой судьбы звучал довольно внятно, но доктора Пларра часто подмывало сказать своему меланхолическому пациенту: «Жизнь совсем не такая. В жизни нет ни благородства, ни достоинства. Даже в латиноамериканской жизни. Не бывает ничего неотвратимого. В жизни полно неожиданностей. Она абсурдна. И потому, что она абсурдна, всегда есть надежда. Что ж, когда-нибудь мы даже можем открыть средство от рака или от насморка». Он перевернул последнюю страницу. Ну да, конечно, Хулио Морено истекал кровью среди разбитого кафеля на полу бара в Трелью, а его жена (как она туда так быстро добралась?) стояла возле него, хотя на этот раз и не держала бутыли с матэ. «Только резкие складки вокруг сурового неукротимого рта разгладились, еще прежде чем закрылись от безмерной тягости жизни его глаза, и она поняла, что он рад ее присутствию».

Доктор Пларр с раздражением захлопнул книгу. Южный Крест лежал на своей поперечине в этой усыпанной звездами ночи. Глухой черный горизонт не просвечивался ни городскими огнями, ни телевизионными мачтами, ни освещенными окнами. Если он пойдет домой, грозит ли ему еще телефонный звонок?

Когда он вышел от своей последней пациентки — жены министра финансов, страдавшей легкой лихорадкой, — он решил не возвращаться домой до утра. Ему хотелось быть подальше от телефона, пока не станет слишком поздно для звонка не по врачебной надобности. В этот день и час его могли побеспокоить только по одной причине. Он знал, что Чарли Фортнум обедает у губернатора — тот нуждался в переводчике для своего почетного гостя — американского посла. А Клара, которая уже преодолела свою боязнь телефона, вполне могла позвонить ему и позвать к себе, пользуясь отсутствием мужа, но ему вовсе не хотелось ее видеть именно в этот вторник. Его влечение к ней парализовало беспокойство. Он знал, что Чарли мог неожиданно вернуться, — ведь обед рано или поздно должны были отменить, хотя о причине этого он не имел права знать заранее.

Доктор Пларр решил, что лучше ему быть где-нибудь подальше до полуночи. К этому времени прием у губернатора наверняка кончится и Чарли Фортнум отправится домой. Я не из тех, из кого так и брызжет machismo, уныло подумал доктор Пларр, хотя ему трудно было вообразить, чтобы Чарли Фортнум кинулся на него с ножом. Он встал со скамьи. Было уже достаточно поздно для визита к преподавателю английского языка.

Он не нашел доктора Хэмфриса, как ожидал, в отеле «Боливар». У Хэмфриса там был маленький номер с душем на первом этаже: окно выходило на патио с пыльной пальмой и фонтаном без воды. Дверь он оставлял незапертой, что, как видно, говорило о его вере в устойчивость существования. Доктор Пларр вспомнил, как по ночам в Парагвае его отец запирал даже внутренние двери в доме — в спальнях, уборных, пустых комнатах для гостей,— не от воров, а от полиции, от военных и правительственных убийц, хотя их вряд ли надолго задержали бы замки.

В комнате доктора Хэмфриса едва помещались кровать, туалетный стол, два стула, таз и душ. Между ними приходилось пробираться, как в набитом пассажирами вагоне подземки. Доктор Пларр заметил, что доктор Хэмфрис приклеил к стене новую картинку из испанского издания журнала «Лайф» — фотографию королевы верхом на лошади во время церемонии выноса знамени. Выбор этот вовсе не обязательно выражал тоску по родине или патриотизм: на штукатурке то и дело выступали сырые пятна, и доктор Хэмфрис прикрывал их первой попавшейся картинкой. Однако этот выбор все же свидетельствовал о некоторых его склонностях: ему было приятнее, просыпаясь, видеть лицо королевы, а не мистера Никсона (лицо мистера Никсона несомненно мелькало в том же номере «Лайфа»). В комнатке было прохладно, но прохладу пронизывала сырость. У душа за пластиковой занавеской сработалась прокладка, и вода капала на кафель. Узкая кровать была скорее прикрыта, чем застелена; мятая простыня казалась наскоро накинутой на чей-то труп, а москитная сетка свернулась наверху как серое дождевое облако. Доктору Пларру было жалко самозванного доктора филологии: любому человеку по своей воле — если кто-либо вообще в себе волен — вряд ли захотелось бы ожидать своего конца в такой обстановке. Отцу моему, поду-

мал он с тревогой, сейчас примерно столько же лет, сколько Хэмфрису, а он, быть может, доживает свой век в еще худшей обстановке.

За раму зеркала была сунута записка: «Пошел в Итальянский клуб». Хэмфрис, вероятно, ждал ученика и поэтому оставил дверь незапертой. Итальянский клуб помещался напротив, в когда-то пышном здании колониального стиля. Там стоял чей-то бюст, вероятно, Кавура или Мадзини, но камень был выщерблен и надпись стерлась; его установили между домом, чьи высокие окна были увиты каменными гирляндами, и улицей. Прежде в городе жило много итальянцев, но теперь от клуба осталось только название, бюст и внушительный фасад с датой XIX века римскими цифрами. Внутри было расставлено несколько столиков, где можно было недорого поесть, не платя членского взноса, а в городе проживал лишь один итальянец, одинокий официант, уроженец Неаполя. Повар был венгром и готовил только гуляш — блюдо, в котором легко было скрыть качество продуктов, что было мудро, потому что говядина получше отправлялась по реке в столицу, за восемьсот с лишним километров отсюда.

Доктор Хэмфрис сидел за столиком у открытого окна, заправив салфетку за потертый воротник. Какая бы ни стояла жара, он всегда носил костюм с жилетом и галстуком, словно писатель викторианской эпохи, живущий во Флоренции. На носу у него сидели очки в стальной оправе, видно, выписанные много лет назад, потому что он низко склонился над гуляшом, чтобы получше разглядеть, что ест. Седые волосы кое-где по-молодому желтели от никотина, а на салфетке были пятна почти такого же цвета от гуляша.

— Добрый вечер, доктор Хэмфрис, — сказал Пларр.

— Значит, вы нашли мою записку?

— Да я все равно заглянул бы сюда. Откуда вы знали, что я к вам приду?

— Этого я не знал, доктор Пларр. Но полагал, что кто-нибудь вдруг да заглянет...

— Я хотел предложить вам пообедать в «Националe»,— сказал доктор Пларр.

Он поискал глазами официанта, не предвкушая от обеда никакого удовольствия. Они были тут единственными посетителями.

— Очень мило с вашей стороны, — сказал доктор Хэмфрис. — С удовольствием приму ваше приглашение на другой день, если вы будете любезны его перенести. Гуляш здесь не так уж плох, правда, он надоедает, но зато сытный.

Старик был очень худ. Он производил впечатление прилежного едока, который тщетно надеется наполнить ненасытную утробу.

За неимением лучшего доктор Пларр тоже заказал гуляш. Доктор Хэмфрис сказал:

— Вот не ждал, что вас увижу. Я-то думал, что губернатор вас пригласит... Ему сегодня на обеде нужен человек, говорящий по-английски.

Доктор Пларр понял, почему в зеркальную раму воткнута записка. На приеме у губернатора в последнюю минуту могла произойти накладка. Так уже однажды было, и тогда туда вызвали доктора Хэмфриса... В конце концов в городе было всего три англичанина. Он сказал:

— Губернатор пригласил Чарли Фортнума.

— Ну да, естественно, — сказал доктор Хэмфрис,— нашего почетного консула.— Он подчеркнул эпитет «почетный» со злобой и уничижением.— Обед-то ведь дипломатический. А жена почетного консула, наверное, не смогла присутствовать по причине нездоровья?

— Американский посол не женат. Это не официальный обед — холостяцкая пирушка.

— Что ж, вполне подходящий случай, чтобы пригласить миссис Фортнум развлекать гостей. Она, верно, привыкла к холостяцким пирушкам. Да, но почему бы губернатору не пригласить вас или меня?

— Будьте объективны, доктор. Ни вы, ни я не занимаем официального положения.

— Но мы же гораздо лучше осведомлены об иезуитских развалинах, чем Чарли Фортнум. Если верить «Эль литораль», посол приехал осматривать развалины, а не чайные плантации или посевы матэ, хотя это мало похоже на истину. Американские послы обычно люди деловые.

— Новый посол хочет произвести впечатление,— сказал доктор Пларр.— Как знаток искусства и истории. Он не может позволить себе прослыть купчиком, который хочет перебить у кого-то сделку. Желает показать, что у него научный, а не коммерческий

интерес к нашей провинции. Секретарь по финансовым вопросам тоже не приглашен, хотя он немного говорит по-английски. Не то заподозрили бы, что речь пойдет о какой-то сделке.

— А сам посол неужели не говорит по-испански хотя бы настолько, чтобы произнести вежливый тост и несколько банальностей?

— По слухам, он делает большие успехи.

— Как вы всегда все знаете, Пларр. Я-то свои сведения получаю только из «Эль литораль». Он ведь завтра едет осматривать руины, а?

— Нет, он ездил туда сегодня. А ночью летит назад в Буэнос-Айрес.

— Значит, газета ошиблась?

— В официальной программе были неточности. Думаю, что губернатор хотел избежать каких-либо неприятностей.

— Неприятности у нас? Ну, знаете! За двадцать лет я не видел здесь ни одной неприятности. Они случаются только в Кордове. А гуляш ведь не так уж плох, а?— спросил он с надеждой.

— Едал и похуже,— сказал доктор Пларр, даже не пытаясь вспомнить, когда это было.

— Вижу, вы читали одну из книг Сааведры. Как она вам понравилась?

— Очень талантливо,— сказал доктор Пларр. Он, как и губернатор, избегал неприятностей, а в тоне старика почувствовал злобу, живучую и неугомонную,— всякая сдержанность давно была им утрачена от долголетнего пренебрежения окружающих.

— Вы правда в состоянии читать эту белиберду? И верите в их machismo?

— Пока я читаю, мне удается справиться с моим скепсисом,— осторожно выразился Пларр.

— Ох уж эти аргентинцы, все они верят, что их деды скакали с гаучо в прериях. У Сааведры столько же machismo, сколько у Чарли Фортнума. Это правда, что у Чарли будет ребенок?

— Да.

— А кто счастливый папаша?

— Почему им не может быть Чарли?

— Старик и пьяница? Вы же ее врач, Пларр. Ну, откройте хоть капельку правды. Я не прошу, чтобы всю.

— А почему вы так добиваетесь правды?

— В противовес общему мнению правда почти всегда бывает забавной. Люди стараются выдумывать только трагедии. Если бы вы знали, из чего сварганили этот гуляш, вы бы хохотали до упаду.

— А вы знаете?

— Нет. Все кругом сговариваются, чтобы скрыть от меня правду. Даже вы мне лжете.

— Я?

— Лжете относительно романа Сааведры и ребенка Чарли Фортнума. Дай ему бог, чтобы это была девочка.

— Почему?

— Гораздо труднее по сходству определить отца.— Доктор Хэмфрис стал вытирать куском хлеба тарелку.— Скажите, доктор, почему я всегда хочу есть? Я ем невкусно, но съедаю огромное количество того, что зовется питательной пищей.

— Если вы действительно хотите знать правду, я должен вас осмотреть, сделать рентген...

— Ой нет. Я хочу знать правду только о других. Смешными бывают только другие.

— Тогда зачем вы спрашиваете?

— Вступление к разговору,— сказал старик,— и чтобы скрыть смущение от того, что я беру последний кусок хлеба.

— Они что, экономят на нас хлеб?— Доктор Пларр крикнул через вереницу пустых столиков:— Официант, принесите еще хлеба!

Единственный здешний итальянец, шаркая, подошел к ним. Он принес хлебницу с тремя ломтиками хлеба и наблюдал с глубочайшей тревогой, как число их свелось к одному. Можно было подумать, что он — молодой член мафии, нарушивший приказ главаря.

— Вы заметили, какой он сделал знак? — спросил доктор Хэмфрис.

— Нет.

— Выставил два пальца. Против дурного глаза. Он думает, что у меня дурной глаз.

— Почему?

— Я как-то непочтительно выразился об их мадонне.

— Не сыграть ли нам, когда вы кончите, в шахматы? — спросил доктор Пларр. Ему надо было как-то скоротать время подальше от своей квартиры и телефона возле кровати.

— Я уже кончил.

Они вернулись в чересчур обжитую комнату в отеле «Боливар». Управляющий читал в патио «Эль литораль», расстегнув ширинку для прохлады. Он сказал:

— Доктор, вас спрашивали по телефону.

— Меня? — взволнованно спросил Хэмфрис.— Кто? Что вы ему сказали?

— Нет, профессор, спрашивали доктора Пларра. Женщина. Она думала, что доктор, может быть, у вас.

— Если она снова позвонит, не говорите, что я здесь, — сказал Пларр.

— Неужели вам не любопытно знать, кто это? — спросил Хэмфрис.

— Я догадываюсь, кто это может быть.

— Не пациентка, а?

— Пациентка. Но ничего срочного. Ничего опасного.

Доктор Пларр получил мат меньше чем за двадцать ходов и стал нетерпеливо расставлять фигуры снова.

— Что бы вы ни говорили, но вас что-то беспокоит, — сказал старик.

— Этот чертов душ. Кап-кап-кап. Почему вы не скажете, чтобы его починили?

— А что в нем плохого? Успокаивает. Усыпляет, как колыбельная.

Доктор Хэмфрис начал партию пешкой от короля.

— Е2 — Е4,— сказал он.— Даже великий Капабланка иногда начинал с такого простого хода. А у Чарли Фортнума новый «кадиллак», — добавил он.

— Да.

— Сколько лет вашему доморощенному «фиату»?

— Четыре или пять.

— Выгодно быть консулом, а? Имеешь разрешение каждые два года ввозить новую машину. У него наверняка есть генерал в столице, который ждет не дождется ее купить.

— Вероятно. Ваш ход.

— Если он сделает консулом и свою жену, они смогут ввозить по машине каждый год. А это целое богатство. В консульской службе есть половые ограничения?

— Я их правил не знаю.

— Как вы думаете, сколько он заплатил за свой пост?

— Это сплетни, Хэмфрис. Ничего он не заплатил. Наше министерство иностранных дел такими вещами не занимается. Какие-то очень важные лица пожелали осмотреть руины. Испанского они не знали. Чарли Фортнум устроил им хороший прием. Все очень просто. И удачно для него. С урожаями матэ дела у него шли неважно, и возможность покупать по «кадиллаку» через год сильно поправила его положение.

— Да, можно сказать, что он и женился на деньги от «кадиллака». Но меня удивляет, что за эту свою женщину ему пришлось заплатить целым «кадиллаком». Право же, хватило бы и малолитражки.

— Я несправедлив,— сказал Пларр.— Дело не только в том, что он обхаживал королевских особ. В нашей провинции тогда было много англичан, вы это знаете лучше меня. И один среди них попал на границе в беду, когда через нее перешли партизаны, а у Фортнума были связи. Он избавил посла от больших неприятностей. Ему, конечно, все же повезло, не все послы такие благодарные люди.

— Поэтому, если мы попадем в переплет, нам остается надеяться на Чарли Фортнума. Шах.

Доктору Пларру пришлось отдать королеву в обмен на слона. Он сказал:

— Бывают люди и похуже Чарли Фортнума.

— Вы уже попали в переплет, но Чарли Фортнум вас не спасет.

Доктор Пларр быстро поднял глаза от доски, но старик имел в виду только партию в шахматы.

— Снова шах, — сказал Хэмфрис. — И мат. — Он добавил: — Этот душ течет уже полгода. Вы не всегда так легко мне проигрываете, как сегодня.

— Вы стали лучше играть.

Глава II

Доктор Пларр отказался от третьей партии и поехал домой. Он жил на верхнем этаже желтого многоквартирного дома, выходившего на Парану. Этот дом был бельмом на глазу у старого колониального города, однако желтый цвет с годами все больше линял, да, впрочем, доктор и не мог позволить себе собственного дома, пока жива была мать. Просто не поверишь, сколько женщина может истратить в столице на пирожные.

Когда доктор Пларр закрывал ставни, реку пересекал последний паром, а когда лег в постель, то услышал шум самолета, медленно делавшего в небе круг. Шел он очень низко, словно лишь несколько минут назад оторвался от земли. Это явно не был реактивный самолет, пролетавший над городом по пути в Буэнос-Айрес или Асунсьон, да и час был чересчур поздний для дальнего пассажирского рейса. Пларр подумал, уж не самолет ли это американского посла, хотя и не ожидал его услышать. Он погасил свет и лежал в темноте, раздумывая о том, как легко могла сорваться вся их затея, пока шум самолета не стих, удаляясь на юг. Ему очень хотелось поднять трубку и набрать номер Чарли Фортнума, но он не мог придумать повода для звонка в такой поздний час. Нельзя же спросить, понравились ли послу руины? Хорошо ли прошел обед? Надеюсь, что у губернатора вам подали хорошие бифштексы? Он не имел обыкновения болтать с Чарли Фортнумом в такое время — Чарли слишком любил свою жену.

Пларр снова включил свет — лучше почитать, чем вот так мучиться неведением; он заранее знал, чем кончится книга доктора Сааведры, и она оказалась отличным снотворным. Движения по набережной уже почти не было; раз только с ревом пронеслась полицейская машина, но доктор Пларр скоро заснул, так и не погасив света.

Разбудил его телефонный звонок. Часы показывали ровно два часа ночи. Он знал, что ему вряд ли в это время позвонит кто-нибудь из пациентов.

— Слушаю, — сказал он. — Кто говорит?

Голос, которого он не узнал, ответил с большой осторожностью:

— Спектакль прошел удачно.

— Кто вы? Зачем вы это мне говорите? Какой спектакль? Какое мне до этого дело?

В голосе его от страха звучало раздражение.

— Нас беспокоит один из исполнителей. Он заболел.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Мы опасаемся, что роль была ему не под силу.

Они никогда еще не звонили ему так открыто и в такой подозрительный час. У него не было оснований опасаться, что телефон прослушивается, но они не имели права рисковать. За беженцами с севера в пограничном районе еще со времен партизанских боев велось — хоть и не слишком пристальное — наблюдение, отчасти для их же собственной безопасности: бывали случаи, когда людей насильно утаскивали через Парану домой в Парагвай, чтобы там их убить. Как, например, врача-эмигранта в Посадасе... С тех пор как ему сообщили план спектакля, этот случай — хотя бы потому, что там тоже был замешан его коллега врач, — не выходил у него из головы. Телефонный звонок к нему на квартиру мог быть оправдан лишь крайней необходимостью. Смерть одного из участников спектакля — по тем правилам, какие они сами для себя установили, — была в порядке вещей и ничего не оправдывала.

— Не понимаю, о чем вы говорите. Вы ошиблись номером, — сказал он.

Он положил трубку и лег, глядя на телефон, словно это была черная ядовитая гадина, которая непременно ужалит снова. Две минуты спустя так и случилось, и ему пришлось взять трубку, — это ведь мог быть самый обыкновенный пациент.

— Слушаю, кто говорит?

Тот же голос произнес:

— Вам надо приехать. Он при смерти.

Доктор Пларр, сдаваясь, спросил:

— Чего вы от меня хотите?

— Выйдите на улицу. Мы вас подберем ровно через пять минут. Если нас не будет, выйдите еще раз через десять минут. После этого выходите через каждые пять минут.

— Сколько на ваших часах?

— Шесть минут третьего.

Доктор надел рубашку и брюки; потом положил в портфель то, что могло ему понадобиться (скорее всего речь шла о пулевом ранении), и тихо спустился по лестнице в одних носках. Он знал, что шум лифта проникает сквозь тонкие стены каждой квартиры. В десять минут третьего он уже стоял возле дома, в двенадцать минут третьего он ждал на улице, а в восемнадцать минут опять вошел в дом. Страх приводил его в бешенство. Его свобода, а может быть, и жизнь находились в руках безнадежных растяп. Он знал только двух членов группы, они учились с ним в Асунсьоне, а те, с кем ты провел детство, кажется, так и не становятся взрослыми. У него было не больше веры в их деловую сноровку, чем тогда, когда они были студентами; организация, в которую они когда-то входили в Парагвае, — «Ювентуд феберенста» мало чего добилась, разве что погубила большинство своих членов в ходе плохо задуманной и дурно проведенной партизанской акции.

Однако именно эта любительщина и вовлекла его в то сообщество. В планы их он не верил и слушал их только по дружбе. Когда он расспрашивал, что они будут делать в тех или иных обстоятельствах, жестокость ответов казалась ему своего рода актерством (они все трое играли небольшие роли в школьной постановке «Макбета» — прозаический перевод не делал события пьесы более достоверными).

А теперь, стоя в темном вестибюле и напряженно вглядываясь в светящийся циферблат часов, он понимал, что никогда ни на йоту не верил, что они перейдут к действиям. Даже тогда, когда дал им точные сведения о том, где будет находиться американский посол (подробности он узнал у Чарли Фортнума за стаканом виски), и снабдил их снотворным, он ни на минуту не сомневался, что ничего не произойдет. И только когда, проснувшись утром, услышал голос Леона: «Спектакль идет удачно», — ему подумалось, что эти любители все же могут быть опасными. Кто же теперь умирал — Леон Ривас? Или Акуино?

Было двадцать две минуты третьего, когда он вышел на улицу в третий раз. За угол дома завернула машина и остановилась, но мотора не выключили. Ему махнули рукой.

Насколько он мог разглядеть при свете щитка, человек за рулем был ему незнаком, но его спутника он узнал и в темноте по жидкой бородке. Акуино отрастил эту бородку в полицейской камере и там же начал писать стихи, там же в камере он приобрел неудержимое пристрастие к чипа — непропеченным лепешкам из маниоки, — к ним можно пристраститься только с голодухи.

— Что случилось, Акуино?

— Машина не заводилась. Засорился карбюратор. Верно, Диего? А кроме того, там был полицейский патруль.

— Я спрашиваю, кто умирает?

— Надеемся, что никто.

— А Леон?

— В порядке.

— Зачем же ты позвонил? Ведь обещал меня не впутывать. И Леон обещал.

Он бы ни за что не согласился им помогать, если бы не Леон Ривас. Это по Леону он скучал почти так же, как по отцу, когда уплыл с матерью на речном пароходе. Леон был тем, чьему слову, как ему казалось, он всегда мог верить, хотя потом он как будто нарушил свое слово, когда по дошедшим до Пларра слухам стал священником, а не бесстрашным abogado[7], который защищает бедных и невинных, как Перри Мейсон[8]. В школьные годы у Леона было громадное собрание Перри Мейсонов, топорно переведенных языком классической испанской прозы. Он давал их читать только избранным друзьям, да и то нехотя и не больше чем по одной книжке за раз

[7] Адвокатом *(исп.)*.

[8] Герой серии детективных повестей американского писателя Э. С. Гарднера.

Секретарша Перри Мейсона Делла была первой женщиной, пробудившей у Пларра вожделение.

— Отец Ривас сказал, чтобы мы вас привезли, — объяснил человек, которого звали Диего.

Пларр заметил, что он продолжает называть Леона отцом, хотя тот вторично нарушил обет, покинув церковь и вступив в брак, правда, этот невыполненный обет мало занимал Пларра, который никогда не ходил к мессе, разве что сопровождая мать во время редких наездов в столицу. Теперь выходит, что после ряда неудач Леон пытается вернуться вспять, к первоначальному обету помогать бедноте, который он, правда, и не собирался нарушить. Он еще кончит abogado. Они свернули в Тукумаи, а оттуда в Сан-Мартин, но потом доктор Пларр уже старался не смотреть в окно. Лучше не знать, куда они едут. Если случится беда, меньше выдашь на допросе.

Они ехали так быстро, что могли привлечь к себе внимание. Пларр спросил:

— А вы не боитесь полицейских патрулей?

— Леон все их засек. Он изучал их маршруты целый месяц.

— Но сегодня ведь не совсем обычный день.

— Машину после найдут в верховьях Параны. Они будут обыскивать каждый дом на берегу и предупредят тех, в Энкарнасьоне, по ту сторону реки. Поставят заслоны на дороге в Росарио. Поэтому патрулей здесь осталось меньше. Им нужны люди в других местах. А тут они скорее всего не будут его искать, ведь губернатор ждет его дома, чтобы везти в аэропорт.

— Надеюсь, все это так.

Когда машина, накренясь, сворачивала за угол, доктор Пларр невольно поднял глаза и увидел на тротуаре шезлонг, в котором восседала тучная пожилая женщина; он ее узнал, равно как и маленькую открытую дверь у нее за спиной, — женщину звали сеньорой Санчес, и она никогда не ложилась спать, пока не уходил последний клиент. Это была самая богатая женщина в городе — так, по крайней мере, здесь считали.

Доктор Пларр спросил:

— Как прошел обед у губернатора? Сколько пришлось ждать?

Он представил себе, какая там царит растерянность. Ведь нельзя же обзвонить по телефону все развалины?

— Не знаю.

— Но кого-то вы же оставили для наблюдения?

— У нас и так было дел невпроворот.

Опять любительщина; доктор Пларр подумал, что Сааведра придумал бы сюжет получше. Изобретательности, не в пример machismo, явно недоставало.

— Я слышал шум мотора. Это был самолет посла?

— Если посла, то назад он полетел пустой.

— Кажется, вы не очень-то осведомлены, — сказал доктор Пларр. — А кто же ранен?

Автомобиль резко затормозил на краю проселка.

— Здесь мы выходим, — сказал Акуино.

Когда Пларр вышел, он услышал, как машина, дав задний ход, проехала несколько метров. Он постоял, вглядываясь в темноту, пока не увидел при свете звезд, куда его привезли. Это была часть бидонвиля[9], тянувшегося между излучиной реки и городом. Проселок был ненамного уже городской улицы, и он едва разглядел хижину из старых бензиновых баков, обмазанных глиной, спрятавшуюся за деревьями авокадо. Когда глаза его привыкли к темноте, Пларр сумел различить и другие хижины, притаившиеся между деревьями, словно бойцы в засаде. Акуино повел его вперед. Ноги доктора тонули в грязи выше щиколотки. Даже «джипу» быстро здесь не пройти. Если полиция устроит облаву, об этом станет известно заранее. Может быть, любители все же что-то соображают.

— Он тут? — спросил Пларр у Акуино.

— Кто?

— О господи, ведь тут на деревьях нет микрофонов. Да конечно посол!

— Он-то здесь. Но после укола так и не очнулся.

Они старались продвигаться по немощеному проселку как можно быстрее и ми-

---

[9] Поселок, построенный бедняками из случайных материалов.

новали несколько темных хижин. Стояла неправдоподобная тишина — даже детского плача не было слышно. Доктор Пларр остановился перевести дух.

— Здешние люди должны были слышать вашу машину,— прошептал он.

— Они ничего не скажут. Думают, что мы контрабандисты. И как вы знаете, они не очень-то благоволят к полиции.

Диего свернул в сторону, по тропинке, где грязь была еще более топкой. Дождь не шел уже два дня, но в этом квартале бедноты грязь не просыхала, пока не наступит настоящая засуха. У воды не было стока, однако доктор Пларр знал, что жителям приходится тащиться чуть не милю до крана с питьевой водой. У детей — а он лечил тут многих детей — животы были вздуты от недостатка белков в пище. Вероятно, он много раз ходил по этой тропинке, но как ее отличить от других?— когда он посещал здешних больных, ему всегда нужен был провожатый. Пларру почему-то вспомнилось «Сердце-молчальник». Драться с ножом в руке за свою честь из-за женщины было из другой, до смешного допотопной жизни, которая если и существовала теперь, то лишь в романтическом воображении таких, как Сааведра. Понятия чести нет у голодных. Их удел нечто более серьезное — битва за существование.

— Это ты, Эдуардо?— спросил чей-то голос.

— Да, а это ты, Леон?

Кто-то поднял свечу, чтобы он не споткнулся о порог. Дверь за ним поспешно закрыли.

При свете свечи он увидел человека, которого все еще звали отцом Ривасом. В тенниске и джинсах Леон выглядел таким же худым подростком, каким он знал в стране по ту сторону границы. Карие глаза были чересчур велики для его лица, большие оттопыренные уши придавали ему сходство с маленькой дворняжкой, которые стаями бродят по barrio popular[10]. В глазах светилась все та же мягкая преданность, а торчащие уши подчеркивали беззащитность. Несмотря на годы, его можно было принять за робкого семинариста.

— Как ты долго, Эдуардо,— мягко упрекнул он.

— Пеняй на своего шофера Диего.

— Посол все еще без сознания. Нам пришлось сделать ему второй укол. Так сильно он вырывался.

— Я же тебе говорил, что второй укол — это опасно.

— Все опасно,— ласково сказал отец Ривас, словно предостерегал в исповедальне от соблазнов плоти.

Пока доктор Пларр раскрывал свой чемоданчик, отец Ривас продолжал:

— Он очень тяжело дышит.

— А что вы будете делать, если он совсем перестанет дышать?

— Придется изменить тактику.

— Как?

— Придется объявить, что он был казнен. Революционное правосудие,— добавил он с горькой усмешкой.— Прошу тебя, пожалуйста, сделай все, что можешь.

— Конечно.

— Мы не хотим, чтобы он умер,— сказал отец Ривас.— Наше дело спасать человеческие жизни.

Они вошли в другую комнату — их было всего две,— где длинный ящик — он не понял, что это за ящик,— застелив его несколькими одеялами, превратили в импровизированную кровать. Доктор Пларр услышал тяжелое, неровное дыхание человека под наркозом — тот словно силился очнуться от кошмара. Он сказал:

— Посвети поближе.

Нагнувшись, он поглядел на воспаленное лицо. И долгое время не мог поверить своим глазам. Потом громко захохотал, потрясенный тем, что увидел.

— Ох, Леон,— сказал он,— плохо же ты выбрал профессию!

— Ты это к чему?

— Лучше вернись под церковную сень. Похищать людей не твоя стихия.

— Не понимаю. Он умирает?

— Не беспокойся,— сказал доктор Пларр,— он не умрет, но это не американский посол.

— Не...

— Это Чарли Фортнум.

[10] Квартал, околоток бедноты (*исп.*).

— Кто такой Чарли Фортнум?

— Наш почетный консул.— Доктор Пларр пронзнес это так же издевательски, как доктор Хэмфрис.

— Не может быть!— воскликиул отец Ривас.

— В жилах Чарли Фортнума течет алкоголь, а не кровь. Морфий, который я вам дал, не подействовал бы на посла так сильно. Посол остерегается алкоголя. Для сегодняшнего обеда пришлось добывать кока-колу. Мне это рассказывал Чарли. Немного погодя ои придет в себя. Пусть проспится.— Одиако не успел он выйти из комнаты. как человек, лежавший на ящике, открыл глаза и уставился на доктора Пларра, а тот уставился на него. Надо было все же удостовериться в том, что тебя узнали.

— Отвезите меня домой,— сказал Фортнум,— домой.— И перевернулся на бок в еще более глубоком забытьи.

— Он тебя узнал? — спросил отец Ривас.

— Почем я знаю?

— Если он тебя узнал, это сильно осложняет дело.

В соседией комнате зажгли вторую свечу, но никто не произносил ни слова, будто все ждали друг от друга подсказки, что делать дальше. Накоиец Акуино произнес:

— Эль Тигре будет недоволен.

— Чистая комедия, если подумаешь,— сказал доктор Пларр.— Наверное, тот самолет, что я слышал, был самолетом посла, и посол на нем улетел. Назад, в Бузнос-Айрес. Не пойму, как же на обеде у губернатора обошлись без переводчика.

Он перевел взгляд с одного лица на другое, но никто не улыбнулся в ответ.

В комнате было два незнакомых ему человека, но Пларр заметил еще и женщину, лежавшую в темиом углу,— сначала ои принял ее за брошенное на пол пончо. Один из незнакомцев был рябой негр, другой индеец — сейчас он накоиец заговорил. Слов понять Пларр не мог, говорил он не по-испански.

— Что он сказал, Леои?

— Мигель считает, что его надо утопить в реке.

— А ты что сказал?

— Я сказал, что если мертвеца найдут в трехстах километрах от машины, полицию это очень заинтересует.

— Дурацкая идея,— сказал доктор Пларр.— Вы не можете убить Чарли Фортнума.

— Я стараюсь даже мысленно не употреблять таких выражений, Эдуардо.

— Разве убийство для тебя теперь только вопрос семантики? Правда, семантика всегда была твоим коньком. В те дни ты объяснял мне, что такое троица, но твои объяснения были куда сложиее катехизиса.

— Мы не хотим его убивать,— сказал отец Ривас,— но что нам делать? Он тебя видел.

— Он ничего не будет помнить, когда проснется. Чарли все забывает, когда напивается. Как же вас угораздило совершить такую ошибку? — добавил доктор Пларр.

— Это я должен выясить,— ответил отец Ривас и заговорил иа гуараии [11].

Доктор Пларр взял одну нз свечей и подошел к двери второй комнаты. Чарли Фортнум мирно спал на ящике, словно у себя дома иа большой медной кровати, где обычно лежал на боку возле окна. Когда доктор спал там с Кларой, брезгливость заставляла его ложиться с левого края, ближе к двери.

Лицо Чарли Фортнума, сколько он его зиал, всегда выглядело воспаленным. У него было высокое давление, и он злоупотреблял виски. Ему шел седьмой десяток, но жидкие волосы сохранили пепельную окраску, как у мальчика, а румянец неопытному глазу мог показаться признаком здоровья. У иего был вид фермера, человека, который живет иа открытом воздухе. Он и правда владел поместьем в пятидесяти километрах от города, где выращивал немного зериа, а больше матэ. Он любил трястись от поля к полю на старом «лендровере», который звал «Гордостью Фортнума». «Ну-ка галопом,— говорил он, со скрежетом переводя скорость,— гопля!»

А сейчас он вдруг поднял руку и помахал ею. Глаза у иего были закрыты. Ему что-то снилось. Может, он думал, что машет своей жене и доктору, предоставляя им решать на веранде свои скучные медициискне дела. «Женские внутренности — никак

[11] Язык индейской народности Южной Америки.

в них не разберешься,— однажды сказал ему Чарли Фортнум.— Как-нибудь нарисуйте мне их чертеж».

Доктор Пларр быстро вышел в переднюю комнату.

— Он в порядке, Леон. Можете спокойно выкинуть его где-нибудь на обочине дороги, полиция его найдет.

— Этого мы сделать не можем. А что если он тебя узнал?

— Он крепко спит. Да и ничего не скажет мне во вред. Мы старые друзья.

— Я, кажется, понял, как это произошло,— сказал отец Ривас.— Сведения, которые ты нам дал, были довольно точными. Посол приехал из Буэнос-Айреса на машине; трое суток провел в дороге, потому что хотел посмотреть страну, посольство послало из Буэнос-Айреса за ним самолет, чтобы отвезти его назад после обеда у губернатора. Все это подтвердилось, но ты не сказал, что смотреть руины поедет с ним ваш консул.

— Я этого не знал. Чарли рассказал мне только про обед.

— Он и ехал-то не в машине посла. Тогда бы мы, по крайней мере, захватили обоих. Как видно, сел в свою машину, а потом решил вернуться, посол же оставался там. Наши люди ожидали, что пройдет только одна машина. Дозорный дал световой сигнал, когда она проехала. Он видел флаг.

— Британский, а не звездно-полосатый. Но Чарли не имеет права ни на тот, ни на этот.

— В темноте не разглядишь, но было сказано, что на машине будет дипломатический номер.

— Буквы были тоже не совсем те.

— И буквы, когда темно и машина на ходу, не очень-то различишь. Наш человек не виноват. Один, в темноте, вероятно, еще и напуган. Могло случиться и со мной и с тобой. Не повезло.

— Полиция, может, еще и не знает, что произошло с Фортнумом. Если вы его быстро отпустите...

В ответ на их настороженное молчание доктор Пларр заговорил, как адвокат в суде.

— Чарли Фортнум не годится в заложники,— сказал он.

— Он член дипломатического корпуса,— заметил Акуино.

— Нет. Почетный консул — это не настоящий консул.

— Английский посол вынужден будет принять меры.

— Естественно. Сообщит об этом деле своему начальству. Как и насчет любого британского подданного. Если бы вы захватили меня или старого Хэмфриса, было бы то же самое.

— Англичане попросят американцев оказать давление на Генерала в Асунсьоне.

— Будьте уверены, что американцы и не подумают за него заступаться. С какой стати? Они не пожелают сердить своего друга Генерала ради Чарли Фортнума.

— Но он же британский консул.

Доктор Пларр уже отчаивался убедить их, до чего незначительная персона этот Чарли Фортнум.

— У него даже нет права на дипломатический номер для своей машины,— ответил он.— Имел из-за этого неприятности.

— Ты его, видно, хорошо знал? — спросил отец Ривас.

— Да.

— И тебе он нравился?

— Да. В какой-то мере.

То, что Леон говорит о Фортнуме в прошедшем времени, было дурным признаком.

— Жаль. Я тебя понимаю. Гораздо удобнее иметь дело с чужими. Как в исповедальне. Мне всегда бывало неприятно, когда я узнавал голос. Куда легче быть суровым с незнакомыми.

— Что тебе даст, если ты его не отпустишь, Леон?

— Мы перешли границу, чтобы совершить определенную акцию. Многие наши сторонники будут разочарованы, если мы ничего не добьемся. В нашем положении непременно надо чего-то добиться. Даже похищение консула — это уже кое-что.

— Почетного консула,— поправил его доктор Пларр.

— Оно послужит предостережением более важным лицам. Может, они отнесутся серьезнее к нашим угрозам. Маленькая тактическая победа в долгой войне.

— Значит, как я понимаю, ты готов выслушать исповедь незнакомца и дать ему отпущение грехов перед тем, как его убьешь? Ведь Чарли Фортнум — католик. Ему будет приятно увидеть священника у своего смертного одра.

Отец Ривас сказал негру:

— Дай мне сигарету, Пабло.

— Он будет рад даже женатому священнику вроде тебя, Леон.

— Ты охотно согласился нам помогать, Эдуардо.

— Когда речь шла о после. Его жизни не угрожала никакая опасность. И они пошли бы на уступки. Притом — с американцем... это как на войне. Американцы сами поубивали прорву людей в Южной Америке.

— Твой отец один из тех, кому мы стараемся помочь, если он еще жив.

— Не знаю, одобрил ли бы он ваш метод.

— Мы этого метода не выбирали. Они нас довели.

— Ну что вы можете попросить в обмен на Чарли Фортнума? Ящик хорошего виски?

— За американского посла мы потребовали бы освобождения двадцати узников. За британского консула, вероятно, придется снизить цену наполовину. Пусть решит Эль Тигре.

— А где же он, черт бы его побрал, этот ваш Эль Тигре?

— Пока операция не кончена, с ним имеют связь только наши в Росарио.

— Наверное, его план не был рассчитан на ошибку. И не учитывает человеческую природу. Генерал может убить тех, кого вы просите освободить, и сказать, что они умерли много лет назад.

— Мы неоднократно обсудили эту возможность. Если они их убьют, то в следующий раз мы предъявим ему еще большие требования.

— Леон, послушай. Если вы будете уверены, что Чарли Фортнум ничего не вспомнит, право же...

— А как мы можем быть в этом уверены? У тебя нет такого лекарства, чтобы заглушить память. Он так тебе дорог, Эдуардо?

— Он — голос в исповедальне, который мне знаком.

— Тед,— окликнул его знакомый голос из задней комнаты.— Тед!

— Видишь,— сказал отец Ривас.— Он тебя узнал.

Доктор Пларр повернулся спиной к судьям и вышел в соседнюю комнату.

— Да, Чарли, я тут. Как вы себя чувствуете?

— Ужасно, Тед. Что это? Где я?

— У вас была авария. Ничего страшного.

— Вы отвезете меня домой?

— Пока не могу. Вам надо спокойно полежать. В темноте. У вас легкое сотрясение мозга.

— Клара будет беспокоиться.

— Не волнуйтесь. Я ей объясню.

— Не надо ее тревожить, Тед. Ребенок...

— Я же ее врач, Чарли.

— Конечно, дорогой, я просто старый дурак. Она сможет меня навестить?

— Через несколько дней вы поедете домой.

— Через несколько дней? А выпить что-нибудь тут найдется?

— Нет. Я дам вам кое-что получше, чтобы вы заснули.

— Вы настоящий друг, Тед. А кто эти люди там рядом? Почему вы светите себе фонариком?

— Не работает электричество. Когда вы проснетесь, будет светло.

— Вы заедете меня проведать?

— Конечно.

Чарли Фортнум минутку полежал спокойно, а потом спросил так громко, что его должны были слышать в соседней комнате:

— Ведь это же была не авария, Тед?

— Конечно, это была авария!

— Солнечные очки... где мои солнечные очки?

— Какие очки?

— Очки были Кларины,— сказал Чарли Фортнум.— Она их так любит. Не надо было мне их брать. Не нашел своих.— Он подтянул повыше колени и со вздохом повернулся на бок.— Важно знать норму,— произнес он и замер — точь-в-точь как состарившийся зародыш, который так и не сумел появиться на свет.

Отец Ривас сидел в соседней комнате, положив голову на скрещенные руки и прикрыв глаза. Доктор Пларр, войдя туда, подумал, что он молится, а может быть, только прислушивается к словам Чарли Фортнума, как когда-то прислушивался в исповедальне к незнакомому голосу, решая, какую назначить епитимью...

— Ну и шляпы же вы,— попрекнул его доктор Пларр.— Ну и любители!

— На нашей стороне только любители. Полиция и солдаты, вот те — профессионалы.

— Почетный консул да еще алкоголик — вместо посла!

— Да. Че Гевара тоже снимал фотографии как турист, а потом их терял. Тут хотя бы ни у кого нет аппарата. И никто не ведет дневник. На ошибках мы учимся.

— Твоему шоферу придется отвезти меня домой,— сказал доктор Пларр.

— Хорошо.

— Я завтра заеду...

— Ты здесь больше не понадобишься, Эдуардо.

— Тебе, может, и нет, но...

— Лучше, чтобы он тебя больше не видел, пока мы не решили...

— Леон,— сказал доктор Пларр,— неужели ты серьезно? Старый Чарли Фортнум...

— Он не в наших руках, Эдуардо. Он в руках правительства. И в божьих, конечно. Как видишь, я не забыл той моей трескотни, но мне еще ни разу не приходилось видеть, чтобы бог хоть как-то вмешивался в наши войны или в нашу политику.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

Доктор Пларр хорошо помнил, как он познакомился с Чарли Фортнумом. Встреча произошла через несколько недель после его приезда из Буэнос-Айреса. Почетный консул был в стельку пьян и не держался на ногах. Доктор Пларр шел в «Боливар», когда из окна Итальянского клуба высунулся пожилой джентльмен и попросил помочь.

— Проклятый официант ушел домой,— объяснил он по-английски.

Когда доктор Пларр вошел в клуб, он увидел пьяного, но вполне жизнерадостного человека, он, правда, не мог встать на ноги, но это его ничуть не смущало. Он заявил, что ему вполне удобно и на полу.

— Я сиживал и на кое-чем похуже,— пробормотал он,— в том числе на лошадях.

— Если вы возьмете его за одну руку,— сказал старик,— я возьму за другую.

— А кто он такой?

— Джентльмен, который, как видите, сидит на полу и не желает вставать, наш почетный консул, мистер Чарльз Фортнум. А вы ведь доктор Пларр? Рад познакомиться. Я — доктор Хэмфрис. Доктор филологии, а не медицины. Мы трое, так сказать, столпы местной английской колонии, но один из столпов рухнул.

Фортнум объяснил:

— Не рассчитал норму...— И добавил что-то насчет того, что стакан был не тот.— Надо пить из стакана одного размера, не то запутаешься.

— Он что-нибудь празднует? — спросил доктор Пларр.

— На прошлой неделе ему доставили новый «кадиллак», а сегодня нашелся покупатель.

— Вы здесь ужинали?

— Он хотел повести меня в «Националь», но такого пьяного не только в «Националь», но и в мой отель не пустят. Теперь нам надо как-нибудь довести его домой. Но он настаивает на том, чтобы пойти к сеньоре Санчес.

— Кто это, его приятельница?

— Приятельница половины мужчин этого города. Держит единственный здесь приличный бордель, так, по крайней мере, говорят. Лично я не судья в этих делах.

— Но бордели запрещены законом,— заметил доктор Пларр.

— Не у нас в городе. Мы ведь все же военный гарнизон. А военные не желают, чтобы ими командовали из Буэнос-Айреса.

— Почему бы не пустить его туда?

— Вы же сами видите почему: он не держится на ногах.

— Но ведь все назначение публичного дома в том, чтобы там лежать.

— Кое-что должно стоять,— неожиданно грубо сказал доктор Хэмфрис и сморщился от отвращения.

В конце концов они вдвоем кое-как перетащили Чарли Фортнума через улицу, в маленькую комнатку, которую доктор Хэмфрис занимал в отеле «Боливар». В те дни на ее стенах висело не так много картинок, потому что было поменьше сырых пятен и душ еще не тек.

Неодушевленные предметы меняются быстрее, чем люди. Доктор Хэмфрис и Чарли Фортнум в ту ночь были почти такими же, как теперь; трещины в штукатурке запущенного дома углубляются быстрее, чем морщины на лице, краски выцветают быстрее, чем волосы, а разруха в доме происходит безостановочно; она никогда не стоит на одном и том же уровне, на котором человек может довольно долго прожить, не меняясь. Доктор Хэмфрис находился на этом уровне уже много лет, а Чарли Фортнум, хоть и был лишь на подходе к нему, нашел верное оружие в борьбе со старческим маразмом: он заспиртовал жизнерадостность и простодушие своих молодых лет. Годы шли, но доктор Пларр почти не замечал перемен в своих старых знакомцах,— быть может, Хэмфрис медленнее преодолевал расстояние между «Боливаром» и Итальянским клубом, а на хорошо укупоренном благодушии Чарли Фортнума, как пятна плесени, все чаще проступала меланхолия.

В тот раз доктор Пларр оставил консула у Хэмфриса в отеле «Боливар» и пошел за своей машиной. Он жил тогда в той же квартире того же дома, что и теперь. В порту еще горели огни, там работали всю ночь. На плоскодонную баржу поставили металлическую вышку, и железный стержень бил с нее по дну Параны. Стук-стук-стук — удары отдавались как бой ритуальных барабанов. А с другой баржи были спущены трубы, соединенные под водой с мотором; они высасывали гравий с речного дна и с лязгом и грохотом перебрасывали его по набережной на островок в полумиле отсюда. Губернатор, назначенный последним президентом после coup d'état[12] этого года, задумал углубить дно бухты, чтобы порт мог принимать с берега Чако грузовые паромы более глубокой осадки и пассажирские суда покрупнее из столицы. Когда после следующего военного переворота, на этот раз в Кордове, он был смещен с поста, затею эту забросили и сну доктора Пларра уже ничто не мешало. Говорили, будто губернатор Чако не собирается тратить деньги на то, чтобы углубить дно со своей стороны реки, а для пассажирских судов из столицы верховья реки все равно чересчур мелки,— в сухое время года пассажирам приходилось пересаживаться на суда поменьше, чтобы добраться до республики Парагвай на севере. Трудно сказать, кто первый совершил ошибку, если это было ошибкой. Вопрос Cui bono?[13] не мог быть задан кому-нибудь персонально, потому что все подрядчики нажились и несомненно поделились наживой с другими. Работы в порту, прежде чем их забросили, дали людям заработать: в доме одного появился рояль, в кухне другого — холодильник, а в погребе мелкого, второстепенного субподрядчика, где до сих пор не видали спиртного, теперь хранились одна или две дюжины ящиков местного виски.

Когда доктор Пларр вернулся в отель «Боливар», Чарли Фортнум пил крепкий черный кофе, сваренный на спиртовке, которая стояла на мраморном умывальнике рядом с мыльницей и зубной щеткой доктора Хэмфриса. Консул выражался куда более вразумительно, и его стало еще труднее отговорить от посещения сеньоры Санчес.

— Там есть одна девушка,— говорил он.— Настоящая девушка. Совсем не то, что вы думаете. Мне надо ее еще раз повидать. В прошлый раз я никуда не годился...

— Да вы и сейчас никуда не годитесь,— сказал Хэмфрис.

— Вы ничего не понимаете! Я просто хочу с ней поговорить. Не все же мы такие похабники, Хэмфрис. В Марии есть благородство. Ей вовсе не место...

— Такая же проститутка, наверное, как и все,— сказал доктор Хэмфрис, откашливаясь.

[12] Государственный переворот *(франц.)*.

[13] Кому на пользу? *(Лат.)*

Доктор Пларр скоро заметил, что когда Хэмфрис чего-нибудь не одобряет, его сразу начинает душить мокрота.

— Вот тут вы оба очень ошибаетесь,— заявил Чарли Фортнум, хотя доктор Пларр и не думал высказывать какого-либо мнения.— Она совсем не такая, как другие. В ней есть даже порода. Семья ее из Кордовы. В ней течет хорошая кровь, не будь я Чарли Фортнум. Знаю, вы считаете меня идиотом, но в этой девушке есть... ну да, можно сказать, целомудрие.

— Но вы здешний консул, все равно — почетный или какой другой. Вам не подобает ходить в такие притоны.

— Я уважаю эту девушку,— заявил Чарли Фортнум.— Я ее уважаю даже тогда, когда с ней сплю.

— А ни на что другое вы сегодня и не способны.

После настойчивых уговоров Фортнум согласился, чтобы его усадили в автомобиль доктора Пларра.

Там он какое-то время мрачно молчал: подбородок его трясся от толчков машины.

— Да, конечно, стареешь,— вдруг произнес он.— Вы человек молодой. Вас не мучают воспоминания, сожаления о прошлом... Вы женаты? — внезапно спросил он, когда они ехали по Сан-Мартину.

— Нет.

— Я когда-то был женат,— сказал Фортнум,— двадцать пять лет назад, теперь уже кажется, что с тех пор прошли все сто. Ничего у меня не вышло. Она была из тех, из умниц, если вам понятно, что я хочу этим сказать. Вникнуть в человеческую натуру не умела.— По странной ассоциации, которой доктор Пларр не смог уловить, он перескочил на свое теперешнее состояние.— Я всегда становлюсь куда человечнее, когда выпью больше полбутылки. Чуть меньше — ничего не дает, а вот чуть больше... Правда, надолго этого не хватает, но за полчаса блаженства стоит потом погрустить.

— Это вы говорите о вине? — с недоумением спросил доктор Пларр.

Ему не верилось, что Фортнум может так себя ограничивать.

— О вине, виски, джине — все равно. Весь вопрос в норме. Норма имеет психологическое значение. Меньше полбутылки — и Чарли Фортнум одинокий бедняга и одна только «Гордость Фортнума» у него для компании.

— Какая гордость Фортнума?

— Это мой гордый, ухоженный конь. Но хотя бы одна рюмка сверх полбутылки — любого размера, даже ликерная, важна ведь определенная норма — и Чарли Фортнум снова человек. Хоть ко двору веди. Знаете, я ведь раз был на пикнике с королевскими особами, там, среди руин. Втроем выпили две бутылки и здорово, надо сказать, повеселились. Но это уже из другой оперы. Вроде той, про капитана Изкуиердо. Напомните мне, чтобы я вам как-нибудь рассказал про капитана Изкуиердо.

Постороннему было трудно уследить за ходом его ассоциаций.

— А где находится консульство? Следующий поворот налево?

— Да, но можно с тем же успехом свернуть через две или три улицы и сделать маленький круг. Мне, доктор, с вами очень приятно. Как, вы сказали, ваша фамилия?

— Пларр.

— А вы знаете, как меня зовут?

— Да.

— Мейсон.

— А я думал...

— Так меня звали в школе. Мейсон. Фортнум и Мейсон[14], близнецы-неразлучники. Это была лучшая английская школа в Буэнос-Айресе. Однако карьера моя там была далеко не выдающейся. Вернее сказать, я ничем не выдавался... Удачное слово, правда? Все было в норме. Не слишком хорош и не слишком плох. Никогда не был старостой и прилично играл только в ножички. Официально я там признан не был. Школа у нас была снобистская. Однако директор, не тот, которого я знал, тот был Арден, мы звали его Вонючкой, нет, новый директор, когда я был назначен почетным консулом, прислал мне поздравление. Я, конечно, написал ему первый и сообщил приятную новость, так что ему неудобно было игнорировать меня совсем.

— Вы скажете, когда мы подъедем к консульству?

— Да мы его, дорогой, проехали, но какая разница? У меня голова уже ясная Вы вон там сверните. Сперва направо, а потом опять налево. У меня такое настроение,

[14] «Фортнум и Мейсон» — известный гастрономический магазин в Лондоне.

что я могу кататься хоть всю ночь. В приятной компании. Не обращайте внимания на знаки одностороннего движения. У нас дипломатические привилегии. На машине номер К. Мне ведь не с кем поговорить в этом городе, как с вами. Испанцы. Гордый народ, но бесчувственный. В этом смысле совсем не такой, как мы — англичане. Нет любви к домашнему очагу. Шлепанцы, ноги на стол, стаканчик под рукой, дверь нараспашку... Хэмфрис парень неплохой, он ведь такой же англичанин, как мы с вами... а может, шотландец? Но душа у него менторская. Тоже удачное словечко, а? Вечно пытается меня перевоспитать в смысле морали, а ведь я не так уж много делаю дурного, дурного по-настоящему. Если я сегодня слегка нагрузился, значит, не тот был стакан. А как ваше имя, доктор?

— Эдуардо.

— А я-то думал, что вы англичанин!

— Мать у меня парагвайка.

— Зовите меня Чарли. Не возражаете, если я буду звать вас Тед?

— Зовите, как хотите, но ради Христа скажите наконец, где ваше консульство?

— На углу. Но не думайте, будто это что-то особенное. Ни мраморных вестибюлей, ни люстр, ни пальм в горшках. Всего-навсего холостяцкое жилье — кабинет, спальня... Обычное присутственное место. Это все, чем наши чинуши меня удостоили. Никакого чувства национальной гордости. Трясутся над каждым грошом, а сколько на этом теряют? Вы должны приехать ко мне в поместье, там мой настоящий дом. Почти тысяча гектаров. Точнее говоря, восемьсот. Лучшее матэ в стране. Да мы можем хоть сейчас туда съездить, отсюда всего три четверти часа езды. Хорошенько выспимся, а потом дернем для опохмелки. Могу угостить настоящим виски.

— Только не сегодня. У меня утром больные.

Они остановились возле старинного дома в колониальном стиле с коринфскими колоннами; в лунном свете ярко белела штукатурка. С первого этажа свисал флагшток, и на щите красовался королевский герб. Чарли Фортнум, нетвердо стоя на ногах, посмотрел вверх.

— Верно, по-вашему? — спросил он.

— Что верно?

— Флагшток. Кажется, он торчит чересчур наклонно.

— По-моему, в порядке.

— Жаль, что у нас такой сложный государственный флаг. Как-то раз, в день тезоименитства королевы, я вывесил его вверх ногами. Мне казалось, что чертова штука висит как следует, а Хэмфрис обозлился, сказал, что пожалуется послу. Зайдем, выпьем по стаканчику.

— Если вы доберетесь сами, я, пожалуй, поеду.

— Имейте в виду, виски у меня настоящее. Получаю «Лонг Джон» из посольства. Там предпочитают «Хэйг». Но «Лонг Джон» бесплатно выдает к каждой бутылке стакан. И очень хорошие стаканы, с делениями. Женская мера, мужская, шкиперская. Я-то, конечно, считаю себя шкипером. У меня в имении дюжины этих стаканов. Мне нравится название шкипер. Лучше, чем капитан,— тот может быть просто военным.

Он долго возился с замком, но с третьей попытки все же дверь открыл. Покачиваясь на пороге за коринфскими колоннами, он произнес речь, доктор Пларр с нетерпением ждал, когда наконец он кончит.

— Очень приятно провели вечерок, Тед, хотя гуляш был на редкость противный. Так хорошо иногда поболтать на родном языке, с непривычки уже заикаешься, а ведь на нем говорил Шекспир. Не думайте, что я всегда такой веселый, все дело в норме. Иногда я и радуюсь обществу друга, но на меня все равно нападает меланхолия. И помните, когда бы вам ни понадобился консул, Чарли Фортнум будет счастлив оказать вам услугу. Как и любому англичанину. Да и шотландцу или валлийцу, если на то пошло. У всех у нас есть нечто родственное. Все мы подданные этого чертова Соединенного Королевства. Национальность гуще, чем водица, хотя выражение это довольно противное: почему гуще? Напоминает о том, что давно пора забыть и простить. Вам, когда вы были маленький, давали инжирный сироп? Идите прямо наверх. В среднюю дверь на первом этаже, там большая медная дощечка, ее сразу заметишь. Сколько сил уходит на ее полировку, не поверите, часами приходится тереть. Уход за «Гордостью Фортнума» по сравнению с этим — детская игра.

Он шагнул назад в темный вестибюль и пропал из виду.

Доктор Пларр поехал к себе, в новый желтый многоквартирный дом, где рядом

в трубах шуршал гравий и визжали ржавые краны. Лежа в постели, он подумал, что в будущем вряд ли захочет встречаться с этим почетным консулом.

И хотя доктор Пларр не спешил возобновить знакомство с Чарли Фортнумом, месяца через два после их первой встречи он получил документы, которые полагалось заверить у британского консула.

Первая попытка его повидать окончилась неудачей. Он приехал в консульство часов в одиннадцать утра. Сухой, горячий ветер с Чако развевал национальный флаг на криво висевшем флагштоке. Пларр удивился, зачем его вывесили, но потом вспомнил, что сегодня годовщина заключения мира в предыдущей мировой войне. Он позвонил и вскоре мог бы поклясться, что кто-то за ним наблюдает сквозь глазок в двери. Он встал подальше на солнце, чтобы его можно было разглядеть, и сразу же дверь распахнула маленькая чернявая, носатая женщина. Она уставилась на него взглядом хищной птицы, привыкшей издали находить падаль; может быть, ее удивило, что падаль стоит так близко и еще живая. Нет, сказала она, консула нет. Нет, сегодня он не ожидается. А завтра? Может быть. Наверняка сказать она не может. Доктору Пларру казалось, что это не лучший способ отправлять консульскую службу.

Он часок отдохнул после ленча, а потом по дороге к больным в barrio popular, которые не могли встать с постели, если можно назвать постелью то, на чем они там лежали, снова заехал в консульство. И был приятно удивлен, когда дверь ему открыл сам Чарльз Фортнум. Консул при первом знакомстве говорил о своих приступах меланхолии. Как видно, сейчас у него и был такой приступ. Он хмуро, недоумевающе и с опаской смотрел на доктора, словно где-то в подсознании у него копошилось неприятное воспоминание.

— Ну?

— Я доктор Пларр.

— Пларр?

— Мы познакомились с вами у Хэмфриса.

— Правда? Да-да. Конечно. Входите.

В темный коридор выходили три двери. Из-под одной из них тянулся запах немытой посуды. Вторая, как видно, вела в спальню. Третья была открыта, и Фортнум повел доктора туда. В комнате стояли письменный стол, два стула, картотека, сейф, висела цветная репродукция с портрета королевы под треснутым стеклом — вот, пожалуй, и все. А стол был пуст, не считая стоячего календаря с рекламой аргентинского чая.

— Простите, что побеспокоил,— сказал доктор Пларр.— Я утром заезжал...

— Не могу же я здесь быть неотлучно. Помощника у меня нет. Куча всяких обязанностей. А утром... да, я был у губернатора. Чем могу быть полезен?

— Я привез кое-какие документы, их надо заверить.

— Покажите.

Фортнум грузно сел и стал выдвигать ящик за ящиком. Из одного он вынул пресс-папье, из другого бумагу и конверты, из третьего печать и шариковую ручку. Он стал расставлять все это на столе, как шахматные фигуры. Переложил с места на место печать и ручку — быть может, ненароком поместил королеву не по ту сторону короля. Прочитал документы якобы со вниманием, но глаза его тут же выдали: слова явно ничего ему не говорили; потом он дал доктору Пларру поставить свою подпись. После чего прихлопнул документы печатью и добавил собственную подпись: Чарльз К. Фортнум.

— Тысяча песо,— сказал он.— И не спрашивайте, что означает «К». Я это скрываю.

Расписки он не дал, но доктор Пларр заплатил без звука.

Консул сказал:

— Голова просто раскалывается. Сами видите: жара, сырость. Чудовищный климат. Один бог знает, почему отец решился тут жить и тут умереть. Что бы ему не поселиться на юге? Да где угодно, только не здесь.

— Если вам так плохо, почему не продать имущество и не уехать?

— Поздно. В будущем году мне стукнет шестьдесят один. Какой смысл начинать сначала в такие годы? Нет ли у вас в чемоданчике аспирина?

— Есть. А вода у вас найдется?

— Давайте так. Я их жую. Тогда они быстрее действуют.

Он разжевал таблетку и попросил вторую.

— А вам не противно их жевать?

— Привыкаешь. Если на то пошло, вкус здешней воды мне тоже не нравится. Господи, ну до чего же мне сегодня паршиво.

— Может, измерить вам давление?

— Зачем? Думаете, оно не в порядке?

— Нет. Но лишняя проверка в вашем возрасте не мешает.

— Беда не в давлении. А в жизни.

— Переутомились?

— Нет, этого бы я не сказал. Но вот новый посол, он меня донимает.

— Чем?

— Хочет получить отчет об урожаях матэ в нашем округе. Зачем? Там, на родине, никто парагвайского чая не пьет. Да сам небось и слыхом о нем не слыхал, а мне придется неделю работать, разъезжать по плохим дорогам, а потом эти типы в посольстве еще удивляются, почему я каждые два года выписываю новую машину! Я имею на нее право. Как дипломат. Сам за нее плачу и если решаю потом продать, это мое личное дело, а не посла. «Гордость Фортнума» на здешних дорогах много надежнее. Я за нее ничего не требую, а между тем, обслуживая их, она совсем выматывается. Ну и мелочные же людишки эти посольские! Они даже намекают, что я, мол, меньше плачу за это помещение!

Доктор Пларр раскрыл чемоданчик.

— А что это у вас за штука?

— Мы же решили измерить вам кровяное давление.

— Тогда лучше пойдем в спальню,— сказал консул.— Нехорошо, если нас увидит горничная. По всему городу пойдут слухи, что я при смерти. А тогда сбегутся все кредиторы.

Спальня была почти такая же пустая, как и кабинет. Постель смялась во время полуденного отдыха, и подушка валялась на полу рядом с пустым стаканом. Над кроватью вместо портрета королевы висела фотография человека с густыми усами, в костюме для верховой езды. Консул сел на мятое покрывало и закатал рукав. Доктор Пларр стал накачивать воздух грушей.

— Вы правда думаете, что мои головные боли — это что-то опасное?

Доктор Пларр следил за стрелкой на циферблате.

— Думаю, в ваши годы опасно столько пить.

Он выпустил воздух.

— Головные боли — это у меня наследственное. Отец страдал ужасными головными болями. Он и умер в одночасье. Удар. Вот он там, на стене. Прекрасно сидел на лошади. Хотел и меня научить, но я этих глупых скотов не выносил.

— А по-моему, мы говорили, что у вас есть лошадь. «Гордость Фортнума».

— Да какая же это лошадь, это мой «джип». Нет, на лошадь я ни за какие коврижки не сяду! Но скажите правду, Пларр, хоть и самую страшную.

— Эта штука не показывает ни самого страшного, ни самого невинного. Давление у вас, однако, слегка повышено. Я дам вам таблетки, но не могли бы вы пить хоть немного поменьше?

— Вот и отцу врачи всегда советовали то же самое. Он мне как-то сказал, что за те же деньги лучше купить стаю попугаев, они бы ничуть не хуже твердили одно и то же. Видно, я пошел в этого старого негодяя — во всем, кроме лошадей. Боюсь их смертельно. Он на меня за это злился, говорил: «Преодолей страх, Чарли, не то он тебя подомнет». А как вас по имени, Пларр?

— Эдуардо.

— Друзья зовут меня Чарли. Не возражаете, если я буду звать вас Тед?

— Если вам так хочется.

Трезвый Чарли Фортнум впал в такую же фамильярность, как и прошлый раз пьяный, правда, не сразу. Интересно, подумал доктор Пларр, часто ли они пойдут по тому же кругу, если их знакомство не оборвется, и на каком круге они окончательно станут друг для друга Чарли и Тедом?

— Знаете, тут в городе кроме нас еще только один англичанин. Некто Хэмфрис, учитель английского. Знакомы с ним?

— Да мы ведь вместе провели вечер. Не помните? Я вас еще проводил домой.

Почетный консул посмотрел на него чуть не со страхом.

— Нет. Не помню. Ровно ничего. Это плохой признак?

— Ну, с кем этого не бывает, если здорово напьешься.

— Когда я вас увидел за дверью, ваше лицо мне показалось знакомым. Поэтому я и спросил, как вас зовут. Подумал, что мог что-нибудь у вас купить и забыл отдать деньги. Да, надо будет поостеречься. На время, конечно.

— Вреда вам от этого не будет.

— Кое-что я помню очень хорошо, но я как мой старик — он ведь тоже многое забывал. Знаете, как-то раз я свалился с лошади; она вдруг стала на дыбы, чтобы меня испытать, эта скотина. Мне было всего шесть лет, и она знала, что я еще маленький; было это возле дома, и отец сидел тут же, на веранде. Я боялся, не рассердится ли он, но еще больше испугался, когда увидел, что он сверху смотрит, как я лежу на земле, и не помнит, кто я такой. Он даже не рассердился, а только был встревожен и ничего не понимал; потом он вернулся на свое место, сел и снова взял свой стакан. А я обогнул дом, пошел на кухню (с поваром мы дружили) и больше ни разу не сел на эту проклятую лошадь. Теперь-то я, конечно, его понимаю. У нас ведь с ним много общего. Он тоже все забывал, когда напивался. Вы женаты, Тед?

— Нет.

— А я был женат.

— Да, вы говорили.

— Я был рад, что мы разошлись, но все же хотел бы, чтобы сначала у нас был ребенок. Когда нет детей, в этом, как правило, виноват мужчина?

— Нет. Думаю, что тут бывают виноваты как тот, так и другая.

— Я, наверное, сейчас уже бесплоден, а?

— Почему? Годы в этом деле не играют роли.

— Если бы у меня был ребенок, я бы не заставлял его перебарывать страх, как это делал мой отец. Ведь чувство страха — это естественное свойство человека, правда? Если ты подавляешь страх, ты подавляешь свою натуру. Природа вроде сама соблюдает равновесие. Я прочел в какой-то книге, что, если бы мы перебили всех пауков, нас бы задушили мухи. А у вас есть дети, Тед?

Имя Тед раздражало доктора Эдуардо Пларра. Он сказал:

— Нет. Если вы хотите звать меня по имени, я бы попросил вас звать меня Эдуардо.

— Но ведь вы такой же англичанин, как я!

— Я только наполовину англичанин, и та половина либо в тюрьме, либо мертва.

— Отец?

— Да.

— А ваша мать?

— Живет в Буэнос-Айресе.

— Вам повезло. Есть для кого копить. Моя мать умерла, когда меня рожала.

— Это еще не повод, чтобы губить себя пьянством.

— Да, это еще не повод, Тед. Я упомянул о матери так, между прочим. Кому нужен друг, если нельзя с ним поговорить?

— Друг не обязательно хороший психиатр.

— Эх, Тед, по-моему, вы человек недобрый. Неужели вы никогда никого не любили?

— Смотря что называть любовью.

— Вы чересчур много рассуждаете,— сказал Чарли Фортнум.— Это у вас от молодости. А я всегда говорю: не надо глубоко копать. Никогда не знаешь, что там найдешь.

Доктор Пларр сказал:

— Моя профессия требует, чтобы я поглубже копал. Догадки не помогают поставить верный диагноз.

— А каков ваш диагноз?

— Я выпишу вам лекарство, но оно не поможет, если вы не станете меньше пить.

Он снова вошел в кабинет консула. Его злило, что он потерял столько времени. Пока он выслушивал сетования почетного консула, он мог бы посетить не меньше трех или четырех больных из района бедноты. Он ушел из спальни, сел к столу и выписал рецепт. Его так же злило, что он даром потратил время, как во время посещений матери, когда она жаловалась на одиночество и головные боли, сидя над блю-

дом с эклерами в лучшей кондитерской Буэнос-Айреса. Она постоянно сетовала на то, что муж ее бросил, а ведь первейший долг мужа — перед женой и ребенком, он просто обязан был бежать вместе с ними.

Чарли Фортнум надел в соседней комнате пиджак.

— Неужели вы уходите?— крикнул он оттуда.

— Да. Рецепт я оставил на столе.

— Куда вы торопитесь? Побудьте еще, выпейте.

— Мне надо к больным.

— Да, но я ведь тоже ваш больной, верно?

— Вы не самый опасный из них,— сказал доктор Пларр.— Рецепт годен только на один раз. Таблеток вам хватит на месяц, а там посмотрим.

Доктор Пларр с облегчением закрыл за собой дверь консульства — с таким же облегчением, как покидал квартиру матери, когда выезжал в столицу. Не так уж много у него свободного времени, чтобы тратить его на неизлечимых больных.

Глава II

Прошло два года, прежде чем доктор Пларр впервые посетил заведение, которым так умело заправляла сеньора Санчес, и пришел он туда не в обществе почетного консула, а со своим приятелем и пациентом, писателем Хорхе Хулио Сааведрой. Сааведра, как он сам это признал над тарелкой жесткого мяса в «Национале», был сторонником строгого режима в области гигиены. Наблюдательный человек мог бы сам это определить по его внешности, аккуратной, однообразно серой: иссера-седые волосы, серый костюм, серый галстук. Даже в здешнюю жару он носил тот же хорошо сшитый двубортный жилет, в котором щеголял в столичных кафе. Портной его, как он сообщил доктору Пларру, был англичанином.

— Не поверите, но я мог бы по десять лет не заказывать новых костюмов.— А что касается режима в работе, то он не раз говорил: — После завтрака я обязан написать три страницы. Не больше и не меньше.

Доктор Пларр умел слушать. Он был этому обучен. Большинство его пациентов среднего достатка тратили не меньше десяти минут на то, чтобы рассказать о легком приступе гриппа. Только в квартале бедноты страдали молча, страдали, не зная слов, которые могли бы выразить, как им больно, где болит и отчего. В этих глинобитных или сколоченных из жести хижинах, где больной часто лежал ничем не прикрытый на земляном полу, ему приходилось самому определять недуг по ознобу или нервному подергиванию века.

— Режим,— повторял Хорхе Хулио Сааведра,— мне нужнее, чем другим, легче пишущим авторам. Понимаете, я ведь одержимый, тогда как другие — просто талантливы. Имейте в виду, я их таланту завидую. Талант — он покладистый. А одержимость разрушительна. Вы и вообразить не можете, какое для меня мучение писать. День за днем принуждаю себя сесть за стол и взять в руки перо, а потом пытаюсь выразить свои мысли... Помните в моей последней книге этого персонажа Кастильо, рыбака, который ведет неустанную борьбу с морем и едва сводит концы с концами. Можно сказать, что Кастильо — это портрет художника. Такие каждодневные муки, а в результате три страницы. Мизерный улов.

— Насколько я помню, Кастильо погиб в баре от револьверного выстрела, защищая одноглазую дочь от насильника.

— Ну да. Хорошо, что вы обратили внимание на этот циклопический символ,— сказал доктор Сааведра.— Символ искусства романиста. Одноглазого искусства, потому что все видишь отчетливее, когда прищуришь один глаз. Автор же, который разбрасывается, всегда двуглаз. Он вмещает в свое произведение чересчур много, как киноэкран. А насильник? Быть может, он — моя тоска, которая обуревает меня, когда я часами напролет пытаюсь выполнить ежедневный урок.

— Надеюсь, мои таблетки вам все же помогают.

— Да, да, конечно, немного помогают, но иногда я думаю, что только жесткий режим спасает меня от самоубийства.— И, замерев с вилкой у рта, доктор Сааведра повторил: — От самоубийства.

— Ну что вы, разве ваша религия вам это позволит?..

— В такие беспросветные минуты, доктор, у меня нет веры, никакой веры во-

обще. En una noche oscura[15]. Не откупорить ли нам еще бутылку? Вино из Мендосы не такое уж плохое.

После второй бутылки писатель сообщил об еще одном правиле его режима: еженедельно посещать дом сеньоры Санчес. Он объяснял это не только попыткой умиротворить свою плоть, чтобы неугодные желания не мешали работе; во время этих еженедельных визитов он многое узнает о человеческой природе. Общественная жизнь в городе не допускает контакта между различными классами. Может ли обед с сеньорой Эскобар или сеньорой Вальехо дать глубокое представление о жизни бедноты? Образ Карлоты, дочери доблестного рыбака Кастильо, был навеян девушкой, которую он встретил в заведении сеньоры Санчес. Правда, она была зрячей на оба глаза. И притом на редкость красива, но когда он писал свой роман, он понял, что красота придает ее истории фальшивый и банальный оттенок; она плохо сочетается с унылой суровостью жизни рыбака. Даже васильник при этом становится обычным пошляком. Красивых девушек постоянно и повсюду насилуют, особенно в книгах современных романистов, этих поверхностных писак, правда, обладающих несомненным талантом.

К концу обеда доктор Пларр без труда дал себя уговорить составить компанию писателю в его оздоровительном походе, хотя толкало его на это скорее любопытство, чем физическое влечение. Они встали из-за стола в полночь и пошли пешком. Хотя сеньора Санчес и пользовалась у властей покровительством, все же лучше не оставлять машину у дверей, чтобы старательный полицейский не записал ее номер. Заметку в полицейском досье могут когда-нибудь использовать против тебя. На докторе Сааведре были остроносые, до блеска начищенные туфли, а ходил он слегка подпрыгивая, потому что носки ставил внутрь. Так и казалось, что на пыльном тротуаре за ним останутся следы птичьих лапок.

Сеньора Санчес сидела перед домом в шезлонге и вязала. Это была очень толстая дама с лицом в ямочках и приветливой улыбкой, которой до странности не хватало доброты, словно она запропастилась, как куда-то сунутые очки. Писатель представил ей доктора Пларра.

— Всегда рада видеть у себя джентльмена медицинской профессии,— заявила сеньора Санчес.— Можете убедиться, какой за моими девушками уход. Обычно я пользуюсь услугами вашего коллеги, доктора Беневенто,— очень симпатичный господин.

— Да, мне об этом говорили. Но лично я с ним не знаком,— сказал доктор Пларр.

— Он посещает нас по четвергам после обеда, и все мои девушки его очень любят.

Они вошли в освещенный узкий подъезд. Если не считать сеньоры Санчес в шезлонге, то ее заведение ничем внешне не отличалось от других домов на этой чинной улице. Хорошее вино не нуждается в этикетке, подумал доктор Пларр.

Однако ж внутри этот дом был разительно непохож на подпольные дома терпимости, которые он иногда посещал в столице, где маленькие клетушки, затемненные закрытыми ставнями, загромождены мещанской мебелью. Это заведение приятно напоминало загородную усадьбу. Просторный внутренний дворик, величиной в теннисный корт, был со всех сторон окружен небольшими каморками. Когда доктор сел, две открытые двери прямо перед ним вели в такие кельи, и он подумал, что они выглядят чище, изящнее и веселее, чем номер доктора Хэмфриса в отеле «Боливар». В каждой из них был маленький алтарь с зажженной свечкой, создававшей в аккуратной комнатке атмосферу домашнюю, а не деловую. За отдельным столом сидели несколько девушек, и еще две разговаривали с молодыми людьми, прислонясь к столбам окружавшей дворик веранды. Девушки вели себя сдержанно — видно, сеньора Санчес строго за этим следит; мужчина тут мог не спешить. Один из клиентов сидел со стаканом в руке, другой, судя по одежде — peon[16], стоял у столба, завистливо наблюдая за девушками (видно, у него не было денег даже на выпивку).

К ним сразу же подошла девушка по имени Тереса и приняла у писателя заказ («Виски,— посоветовал он,—здешнему коньяку я не доверяю»), а потом без особого приглашения села рядом.

— Тереса родом из Сальты,— рассказал доктор Сааведра, отдав свою руку ей на

[15] В непроглядную ночь *(исп.)*.
[16] Крестьянин *(исп.)*.

попечение, как перчатку в раздевалке. Она вертела ее то так, то сяк, разглядывая пальцы, словно искала в них дырки.— Я собираюсь выбрать Сальту местом действия моего будущего романа.

Доктор Пларр сказал:

— Надеюсь, ваша муза не заставит вас сделать ее одноглазой.

— Вы надо мной смеетесь,— сказал доктор Сааведра,— потому что плохо себе представляете, как работает у писателя воображение. Оно должно преображать действительность. Поглядите на нее — на эти большие карие глаза, на эти пухленькие грудки, она ведь хорошенькая, правда? (Девушка благодарно улыбнулась и поскребла ногтем его ладонь.) Но что она собой представляет? Я ведь не собираюсь писать любовную историю для дамского журнала. Мои персонажи должны символизировать нечто большее, чем они есть. Мне пришло в голову, что, может быть, с одной ногой...

— Одноногую девушку легче изнасиловать.

— В моем произведении изнасилования не будет. Но красавица с одной ногой — понимаете, что это значит? Представьте себе ее неверную походку, минуты отчаяния, любовников, которые делают ей одолжение, если проводят с ней хотя бы одну ночь. Ее упорную веру в будущее, которое так или иначе будет лучше настоящего. Я впервые намерен написать политический роман,— заявил доктор Сааведра.

— Политический? — удивился доктор Пларр.

Дверь одной из каморок открылась, и оттуда вышел мужчина. Он закурил сигарету, подошел к столу и допил вино из стакана. При свете свечи на алтаре доктор Пларр разглядел худую девушку, стелившую постель. Прежде чем выйти и присоединиться к другим за общим столом, она аккуратно расправила покрывало. Ее ожидал недопитый стакан апельсинового сока. Пеон у столба следил за ней жадным, завистливым взглядом.

— Вас, наверное, злит этот человек? — спросил доктор Пларр у Тересы.

— Какой человек?

— Да тот, что там стоит и только глазеет.

— Пусть себе глазеет, бедняга, что тут плохого? У него нет денег.

— Я же вам рассказываю о моем политическом романе,— с раздражением перебил их доктор Сааведра.

Он отнял у Тересы руку.

— Но я так и не понял, в чем смысл этой одной ноги.

— Она символ нашей бедной искалеченной страны, где все мы еще надеемся...

— А ваши читатели это поймут? Может быть, вам надо что-то сказать более прямо? Возьмите хотя бы студентов, в прошлом году в Росарио...

— Если хочешь написать настоящий политический роман, а не какую-то однодневку, надо избегать мелких подробностей, привязывающих к определенному времени. Убийства, кражи людей для выкупа, пытки заключенных — все это характерно для нашего десятилетия. Но я не желаю писать только для него.

— Испанцы пытали своих узников уже триста лет назад,— пробормотал доктор Пларр и почему-то снова поглядел на девушку за общим столом.

— Вы разве сегодня со мной не пойдете? — спросила Тереса доктора Сааведру.

— Пойду, немного погодя пойду. Я обсуждаю с моим другом очень важный вопрос.

Доктор Пларр заметил на лбу у той девушки, что только что освободилась, маленькую серую родинку чуть пониже волос, на том месте, где индианки носят алый знак касты.

Хорхе Хулио Сааведра продолжал:

— Поэт, а настоящий романист непременно должен быть по-своему поэтом, имеет дело с вечными ценностями. Шекспир избегал политических вопросов своего времени, политических мелочей. Его не занимали ни Филипп, король Испании, ни такой пират, как Дрейк. Он пользовался историческим прошлым, чтобы выразить то, что я называю политической абстракцией. И сегодня писатель, желая изобразить тиранию, не должен описывать деятельность какого-нибудь генерала Стреснера [17] в Парагвае — это дело публицистики, а не литературы. Тиберий — гораздо лучший объект для поэта.

Доктор Пларр думал о том, как было бы приятно отвести ту девушку в ее ком-

---

[17] Стреснер Альфредо (род. в 1912 г.), генерал. В 1954 г. совершил государственный переворот в Парагвае и с тех пор шесть раз переизбирался президентом.

нату. Он не спал с женщиной уже больше месяца, а как легко вызывает влечение любая мелочь, даже родинка на необычном месте.

— Вы, надеюсь, поняли, что я хотел сказать? — строго спросил его писатель.

— Да. Да. Конечно.

Какая-то брезгливость мешала доктору Пларру сразу пойти по следам своего предшественника. А через какой промежуток времени он готов пойти? Через полчаса, час или хотя бы когда этого предшественника уже тут не будет? Но тот как раз заказал новую выпивку.

— Вижу, эта тема вас совсем не интересует,— с огорчением сказал доктор Сааведра.

— Тема... извините... сегодня я, как видно, чересчур много выпил.

— Я говорил о политике.

— Политика как раз меня интересует. Я ведь и сам своего рода политический беженец. А мой отец... Я даже не знаю, жив ли мой отец. Может быть, он умер. Может быть, его убили. Может быть, сидит где-нибудь в полицейском участке по ту сторону границы. Генерал не считает нужным сажать политических в тюрьмы, он предоставляет им гнить по одному в полицейских участках.

— Вот об этом-то и речь, доктор. Конечно, я вам сочувствую, но разве можно создать произведение искусства о человеке, запертом в полицейском участке?

— Почему бы и нет?

— Потому что это частный случай. Явление семидесятых годов нашего века. А я надеюсь, что мои книги будут читать — пусть только избранные — в двадцать первом веке. Я пытался создать моего рыбака Кастильо как вневременной образ.

Доктор Пларр подумал, как редко он вспоминает отца, и, вероятно почувствовав себя виноватым — сам-то он живет в безопасности и с комфортом,— вдруг обозлился.

— Ваш рыбак вне времени, потому что его никогда не существовало,— сказал он и сразу же в этом раскаялся.— Простите меня за резкость. А не выпить ли нам еще по одной? К тому же мы совсем не обращаем внимания на вашу прелестную подружку.

— На свете есть вещи поважнее Тересы,— заявил Сааведра, но снова отдал руку на ее попечение.— А разве тут нет девушки, которая вам приглянулась?

— Да, есть, но она нашла другого клиента.

Девушка с родинкой подошла к мужчине, пившему в одиночестве, и они вместе направились к ней в каморку. Она прошла мимо своего бывшего партнера, даже на него не взглянув, но и его явно не интересовало, кто стал его преемником. Публичный дом чем-то похож на клинику, и это нравилось доктору Пларру. Казалось, он наблюдает за тем, как хирург ведет нового больного в операционную,— предыдущая операция прошла удачно, и о ней уже забыли. Ведь только в больницах из телевизионных фильмов царят любовь, страх и тревога. В первые годы в Буэнос-Айресе, когда мать без конца разыгрывала трагедию и стенала над судьбой его пропавшего отца, и в более позднее время, когда она, продолжая так же многословно его оплакивать, утешалась пирожными и шоколадным мороженым, доктор Пларр стал испытывать недоверие к чувствам, которые можно утолить такими незамысловатыми способами, как постель или пирожное эклер. Ему припомнился разговор — если его можно так назвать — с Чарли Фортнумом. Он спросил Тересу:

— Вы тут знаете девушку по имени Мария?

— У нас нескольких девушек зовут Мариями.

— Она из Кордовы.

— Ах, та? В прошлом году умерла. Совсем нехорошая девушка. Кто-то зарезал ее ножом. Бедняга сел за это в тюрьму.

— Наверное, мне надо с ней пойти,— сказал Сааведра.— Очень жаль. Не часто выпадает случай побеседовать на литературные темы с образованным человеком. Пожалуй, я бы предпочел выпить еще и продолжить наш разговор.

Он поглядел на свою захваченную в плен руку, словно она принадлежала кому-то другому и он не имел права ее взять.

— У нас еще не раз будет такая возможность,— успокоил его доктор Пларр, и писатель сдался.

— Пойдем, chica [18],— сказал он, поднимаясь.— Вы меня дождетесь, доктор? Сегодня я буду недолго.

[18] Девочка *(исп.)*.

— Может, узнаете что-нибудь новое насчет Сальты.

— Да, но наступает минута, когда писатель должен сказать себе: «Хватит!» Слишком много знать вредно.

Доктору Пларру стало казаться, что под влиянием вина Хорхе Хулио Сааведра собирается повторить лекцию, которую когда-то читал в столичном женском клубе.

Тереса потянула его за руку. Он нехотя встал и пошел за ней туда, где под статуэткой святой из Авилы [19] горела свеча. Дверь за ними затворилась. Работа писателя, как он однажды с грустью признался доктору Пларру, не кончается никогда.

Вечер в заведении сеньоры Санчес выдался очень спокойный. Все двери, за исключением тех, за которыми скрылись Тереса и девушка с родинкой, были распахнуты. Доктор Пларр допил вино и ушел. Он был уверен, что, несмотря на свое обещание, писатель задержится. Ведь в конце-то концов ему надо было решить — потеряет девушка ступню или всю ногу до колена.

Сеньора Санчес по-прежнему шевелила спицами. К ней подсела подруга и тоже принялась вязать на шезлонге рядом.

— Нашли себе девушку? — спросила сеньора Санчес.

— Мой приятель нашел.

— Неужели ни одна вам не понравилась?

— Дело не в этом. Просто я перепил за обедом.

— Можете спросить о моих девушках доктора Беневенто. Они очень чистенькие.

— Не сомневаюсь. Я непременно приду еще, сеньора Санчес.

Однако пришел он сюда только через год с лишним. И тщетно высматривал девушку с родинкой на лбу. Правда, он не был этим ни удивлен, ни раздосадован. Может быть, она нездорова, к тому же девушки в таких заведениях часто меняются. Единственная, кого он узнал, была Тереса. Он провел с ней часок, и они поболтали о Сальте.

Глава III

Практика у доктора Пларра росла и приносила доход. Он ни минуты не жалел о том, что уехал от жестокой конкуренции в столице, где было слишком много врачей с немецкими, французскими и английскими дипломами; к тому же он привязался к этому небольшому городу на берегу могучей Параны. Тут бытовало поверье, что тот, кто хоть раз его посетил, непременно сюда вернется. И в его случае это поверье оправдалось. Небольшой порт, опоясанный домами в колониальном стиле, который бросился ему в глаза когда-то темной ночью, привел его сюда вновь. Даже здешний климат ему нравился — жара не была такой влажной, как в стране его детства, а когда лето наконец кончалось оглушительными раскатами грома, он любил смотреть из своего окна, как рогатые молнии вонзаются в берег Чако. Почти каждый месяц он угощал обедом доктора Хэмфриса, а теперь иногда обедал и с Чарли Фортнумом, который бывал либо трезв, немногословен и печален, либо пьян, болтлив или, как сам он любил выражаться, «в приподнятом настроении». Как-то раз доктор побывал у него в поместье, но он плохо разбирался в посевах матэ, а гектар за гектаром плантации, которые они, трясясь, объезжали на «Гордости Фортнума» (Чарли называл это «заниматься сельским хозяйством»), так его утомили, что второе приглашение он отклонил. Он предпочитал провести с Чарли вечер в «Национале», где консул не слишком вразумительно рассказывал ему о какой-то девушке.

Каждые три месяца доктор Пларр летал в Буэнос-Айрес и проводил конец недели у матери, которая становилась все толще и толще от ежедневного потребления пирожных с кремом и alfajores [20] с начинкой из dulce de leche [21]. Он уже не мог припомнить лица той красивой женщины лет за тридцать, которая прощалась с его отцом на набережной и безутешно оплакивала утраченную любовь все три дня их дороги в столицу. А так как у него не было ее старой фотографии, чтобы напоминать о прошлом, он всегда представлял ее себе такой, какой она стала теперь — с тремя подбородками, тяжелыми брылами и огромным, как у беременной, животом, обтянутым черным шелком. На книжных полках в его квартире с каждым годом при-

[19] Святая Тереза (1515—1582) — монахиня-кармелитка, родилась в Авиле.

[20] Медовых пряников *(исп.)*.

[21] Молочного сахара *(исп.)*.

бавлялось по новому роману доктора Хорхе Хулио Сааведры, но из всех его книг доктор Пларр предпочитал историю одноногой девушки из Сальты. После того первого посещения дома сеньоры Санчес он не раз спал с Тересой, и его забавляло, насколько выдумка далека от действительности. Это было чем-то вроде наглядного пособия по литературной критике. Близких друзей у доктора не было, хотя он сохранял хорошие отношения с двумя бывшими любовницами, которые вначале были его пациентками, приятельствовал с теперешним губернатором и с удовольствием посещал его большую плантацию матэ на востоке, куда летал на личном самолете губернатора и приземлялся между двумя клумбами как раз к часу великолепного ленча. Бывал он в гостях и на консервном заводе Бергмана, ближе к городу, а иногда ездил ловить рыбу в одном из притоков Параны с начальником аэропорта.

Дважды в столице происходили попытки переворота, и в «Эль литораль» появлялись об этом сообщения под жирными заголовками, но оба раза, когда он звонил матери, выяснялось, что о беспорядках она просто не знает,— газет она не читала, радио не слушала, а универмаг и ее любимое кафе бывали открыты во время любых передряг. Она ему как-то сказала, что навсегда пресытилась политикой во время жизни в Парагвае. «Отец твой ни о чем другом не мог говорить. А какие подозрительные оборванцы являлись к нам в дом, иногда даже посреди ночи. Но ты же знаешь, чем кончил твой отец». Последняя фраза звучала несколько странно: ведь ни она, ни ее сын не знали, убит ли он на гражданской войне, умер от болезни или стал политическим узником при диктатуре Генерала. Труп его не был опознан среди мертвецов, которые время от времени всплывали на аргентинском берегу реки, руки и ноги у них были связаны проволокой, однако он мог быть одним из тех скелетов, в которые превращались трупы после того, как их скидывали с самолетов на пустынную землю Чако и потом долгие годы не могли обнаружить.

Почти через три года после первого знакомства доктора Пларра с Чарли Фортнумом о нем заговорил с ним английский посол, сэр Генри Белфрейдж — преемник того посла, который так досадил почетному консулу, потребовав у него доклада о матэ. Это произошло на одном из очередных коктейлей для членов английской колонии, и доктор Пларр, навещавший в те дни свою мать, пошел вместе с ней на прием. Он никого тут не знал, разве что в лицо, в лучшем случае — был знаком шапочно. Там были Буллер — управляющий Лондонским и Южноамериканским банком, секретарь Англо-аргентинского общества Фишер и старый джентльмен по фамилии Форейдж, целые дни проводивший в своем клубе. Представитель Британского совета тоже, конечно, присутствовал — его фамилию по какой-то причуде подсознания Пларр никак не мог запомнить,— бледный, чем-то испуганный, лысый человечек, который сопровождал на приеме заезжего поэта. У поэта был тонкий голос, и он явно чувствовал себя под этими люстрами не на месте.

— Скоро мы сможем отсюда выбраться? — крикнул он во всеуслышание дискантом. И заверещал снова: — Слишком много воды в этом виски!

Только его голос и был слышен сквозь глухой непрерывный гул, словно от запущенного авиамотора; так и чудилось, будто голос этот сейчас выкрикнет что-нибудь более подобающее, вроде: «Застегните ваши привязные ремни!»

Доктор Пларр подумал, что Белфрейдж заговорил с ним только из вежливости, когда оба они оказались зажатыми между кушеткой с золочеными ножками и стулом в стиле Людовика XV. Стояли они достаточно далеко от шумной сутолоки возле буфета, и друг друга можно было расслышать. Пларру была видна мать, она решительно вторглась в толпу и размахивала бутербродом перед носом у священника. Ей всегда было хорошо в обществе священников, и доктор Пларр мог за нее не беспокоиться.

— По-моему, вы знакомы с нашим консулом где-то там, на севере? — спросил его сэр Генри Белфрейдж.

Он всегда, говоря о северной провинции, употреблял выражение «где-то там», словно подчеркивал огромную протяженность Параны, медленно петлявшей от дальних северных границ, почти недосягаемых для южной цивилизации Рио-де-ла-Платы.

— С Чарли Фортнумом? Да, изредка встречаюсь. Но вот уже несколько месяцев его не видел. Очень был занят, много больных.

— Понимаете, в такой должности, как моя, да еще когда занял новый пост, всегда получаешь в наследство какие-то осложнения. Строго между нами, но этот консул — там у вас на севере — одно из них.

— Да ну? — осторожно осведомился доктор Пларр.— Я бы как раз думал...— он запнулся, не зная, как кончить фразу, если бы это потребовалось.

— Ему там совершенно нечего делать. То есть, я хочу сказать, в нашей области. Время от времени я прошу его составить о чем-нибудь докладную записку, так, для проформы. Не хочу, чтобы он думал, будто его забыли. Он ведь когда-то оказал услугу одному из моих предшественников. Какой-то молодой дурак связался с партизанами и решил изображать Кастро, выступив против Генерала в Парагвае. С тех пор, насколько можно судить по документам, мы оплачиваем половину счетов Фортнума за телефон и чуть ли не все счета за канцелярские принадлежности.

— А разве он однажды не помог принять королевских особ? Показывал им руины?

— Что-то в этом роде было,— сказал сэр Генри Белфрейдж.— Но, насколько я помню, это были весьма второстепенные члены королевской семьи. Конечно, мне не следовало бы этого говорить, но королевская семья тоже может причинять большие осложнения. Как-то раз нам пришлось отправлять на корабле лошадь для игры в поло... Представляете, чего нам это стоило, да еще в то время, когда объявили эмбарго на мясо. — Он на минуту задумался. — Фортнум мог бы получше ладить с тамошней английской колонией.

— Насколько я знаю, в радиусе пятидесяти миль нас там всего трое. Люди с плантаций редко приезжают в город.

— Тогда ему должно быть легче. А вы знаете этого Джефриса?

— Вы хотите сказать, Хэмфриса? Если вы имеете в виду историю с национальным флагом, который был вывешен вверх ногами,— сами-то вы твердо знаете, где верх, а где низ?

— Но у меня, слава богу, есть под началом те, кто это знает. Нет, я подразумевал не это, ведь история с флагом произошла в бытность здесь Кэллоу. Неприятно другое: говорят, будто Фортнум крайне неудачно женился,— если верить этому Хэмфрису. Хорошо, если бы он перестал нам писать. Кто он такой, этот тип?

— А я и не слышал, что Фортнум женился. Староват он для такого дела. Кто она, эта женщина?

— Хэмфрис не сообщил. В сущности, он вообще писал как-то уклончиво. Фортнум, видно, держит свой брак в секрете. Да я и не принял всего этого всерьез. Государственной безопасности это не угрожает. Он ведь всего только почетный консул. Мы не обязаны выяснять подноготную его дамы. Я просто подумал, если вы часом что-нибудь слышали... В каком-то смысле избавиться от почетного консула труднее, чем от состоящего на государственной службе. И перевести его в другое место нельзя. Это слово «почетный»... в нем, если вдуматься, есть какая-то мнимость. Фортнум каждые два года ввозит новый автомобиль и продает его. Он не имеет на это права, ведь он не в штате, но ему, по-видимому, как-то удалось облапошить местные власти. Не удивлюсь, если он зарабатывает больше моего здешнего консула. Бедный старик Мартин вынужден придерживаться закона. Он не может покупать автомобили на свое жалованье, как и я. Не то что посол в Панаме. О господи, моя бедная жена никак не отделается от этого поэта. Как его зовут?

— Не знаю.

— Я только хотел сказать — ваша фамилия Пларр, не так ли?.. Вы ведь где-то там живете... Я ни разу не видел этого самого Хэмфриса... Господи, они их шлют сюда пачками.

— Хэмфрисов?

— Нет, нет. Поэтов. Если они и правда поэты. Британский совет уверяет, что да, но я никогда ни об одном из них не слышал. Послушайте, Пларр, когда вы туда вернетесь, постарайтесь что-нибудь сделать. Вам я могу это доверить, ввернните там нужное словцо... Чтобы не было скандала, понимаете, о чем я говорю?.. У меня впечатление, что такой тип, как этот Хэмфрис, может даже написать домой. В министерство иностранных дел. Нас-то в конце концов никак не касается, на ком женился Фортнум. Если бы вы могли как-нибудь потактичнее сказать этому Хэмфрису, чтобы он не лез в чужие дела и нам не надоедал! Слава богу, он стареет. Фортнум, я хочу сказать. Мы дадим ему отставку при первой же возможности. Боже мой, поглядите на мою жену! Этот поэт просто загнал ее в угол.

— Если хотите, я пойду ее вызволю.

— Дорогой, сделайте это, прошу вас. Сам я не смею. Эти поэты такие обидчи-

вые хамы. А я еще постоянно путаю их имена. Они ведь не лучше этого типа, Хэмфриса,— пишут домой, в Художественный совет. Я вам никогда этого не забуду, Пларр. Все, чем смогу быть полезен... там, на севере...

Когда доктор вернулся на север, на него навалилось больше работы, чем обычно. У него не было времени на встречу с этим старым склочником Хэмфрисом, да его и не слишком-то интересовала женитьба Чарли Фортнума, удачная она или неудачная. Однажды, когда какой-то разговор ему напомнил о том, что сказал посол, он подумал, не женился ли Чарли иа своей экономке — той женщине с хищным профилем, которая отворила ему дверь, когда он приходил в консульство. Подобный брак ие казался ему таким уж невероятным. Старики, как и священники из сектантов, часто женятся на своих домоправительницах, иногда из соображений мнимой экономии, иногда боясь одинокой смерти. Смерть представлялась доктору Пларру, едва перевалившему за тридцать, либо в виде несчастного случая на дороге, либо внезапного заболевания раком, но в сознании старика оиа была иеизбежным концом долгой, неизлечимой болезни. Быть может, пьянство Чарли Фортнума и было симптомом такого страха.

Как-то днем, когда доктор прилег на часок отдохнуть, раздался звонок. Он отворил дверь и увидел женщину с лицом коршуна, словно нахохлившегося в ожидании падали. Он чуть было не назвал ее сеньорой Фортнум.

Но тут же понял, что это было бы ошибкой. Сеньор Фортнум, сказала она, позвонил ей из своего поместья. Его жена заболела. Он просит доктора Пларра поехать туда ее осмотреть.

— А он ие сказал, чем она больна?

— У сеньоры Фортнум болит живот,— презрительно сообщила женщина.

Брак этот, видно, ей нравился не больше, чем доктору Хэмфрису.

Доктор Пларр поехал в имение вечером, когда спала жара. В сумеречном свете маленькие пруды по обочинам шоссе напоминали лужицы расплавленного свинца. «Гордость Фортнума» стояла в конце проселка под купой авокадо; тяжелые коричневые груши были величиной и формой похожи на пушечные ядра. На вераиде большого нескладного бунгало перед бутылкой виски, сифоном и, как ни странно, двумя чистыми бокалами сидел Чарли Фортнум.

— Я вас заждался,— с упреком сказал он.

— Раньше не мог. А что случилось?

— У Клары сильные боли.

— Пойду ее осмотрю.

— Сначала выпейте. Я только что к ней заглядывал, она спала.

— Тогда с удовольствием. Пить хочется. На дороге такая пыль.

— Добавить содовой? Скажите сколько.

— Доверху.

— Я все равно хотел с вами поговорить, прежде чем вы к ней пойдете. Вы, наверное, слышали о моей женитьбе?

— Мне о ней сказал посол.

— А что именно он вам сказал?

— Да ничего особенного. Почему вы спрашиваете?

— Очень уж много ходит разговоров. А Хэмфрис со мной не кланяется.

— Ну, это вам повезло.

— Видите ли...— Чарли Фортнум запнулся. — Понимаете, она такая молоденькая,— сказал он; непонятно, оправдывал ли он своих критиков или каялся сам.

Доктор Пларр сказал:

— Опять же вам повезло.

— Ей еще нет двадцати, а мне, как вы зиаете, за шестьдесят.

Доктор Пларр заподозрил, что с ним хотят посоветоваться не по поводу болей в животе у жены, а по куда более неразрешимому вопросу. Он выпил, чтобы хоть как-то заполнить неловкую паузу.

— Но беда не в этом,— сказал Чарли Фортнум. (Доктор Пларр поразился его интуиции.) — Покуда что я справляюсь... А потом... всегда ведь есть бутылка, верно? Старинный друг дома. Это я о бутылке так говорю. Помогала и отцу, старому греховоднику. Нет, я насчет нее вам хотел объяснить. Чтобы вы не очень удивились, когда ее увидите. Она такая молоденькая. И к тому же застенчивая. Не привыкла к такой жизни. К дому, к слугам. И к деревне. В деревне ведь так тихо, когда стемнеет.

— А она-то сама откуда?

— Из Тукумана. Настоящих индейских кровей. У дальних предков, конечно. Должен вас предупредить: врачей она не очень жалует. Что-то с ними связано нехорошее.

— Постараюсь заслужить ее доверие,— сказал доктор Пларр.

— А ее боли, знаете, я подумал, уж не ребенок ли это? Или что-нибудь в этом роде.

— Она не принимает пилюли?

— Вы же знаете их, испанских католичек. Все это, конечно, одни суеверия. Вроде того, что нельзя проходить под лестницей. Клара понятия не имеет, кто такой Шекспир, зато наслушалась про этот, ну, как его там, запрет папы. Но все равно, мне надо как-нибудь добыть эти пилюли, через посольство, что ли. Представляете, что там скажут? Тут их не купишь даже на черном рынке. Я-то, конечно, всегда пользовался тем, что надо, пока мы не поженились.

— Значит, брали грех на себя?— поддразнил его доктор Пларр.

— Ну, знаете, у меня с годами совесть задубела. Лишний грешок ничего не убавит и не прибавит. А если ей так приятнее... Когда вы допьете виски...

Он повел доктора Пларра по коридору, где висели викторианские гравюры на спортивные сюжеты: всадники падают в ручей, лошади заартачились перед живой изгородью, охотникам выговаривает доезжачий. Фортнум шел тихо, на цыпочках. В конце коридора чуть приоткрыл дверь и заглянул туда в щелку.

— По-моему, проснулась,— сказал он. —Я вас подожду на веранде, Тед, там виски. Не задерживайтесь.

Под статуэткой святой горела электрическая свеча, святой доктор Пларр не узнал, но она мгновенно напомнила ему кельи вокруг дворика в доме сеньоры Санчес: в каждой из них тоже горела перед статуэткой святой свеча.

— Добрый вечер,— обратился он к голове, лежавшей на подушке.

Лицо было так занавешено темными прядями, что остались видны только глаза, они блестели, как кошачьи глаза из кустарника.

— Не хочу, чтобы меня осматривали,— сказала девушка. —Не позволю, чтобы меня осматривали.

— Я и не собираюсь вас осматривать. Расскажите, где у вас болит живот, вот и все.

— Мне уже лучше.

— Ладно. Тогда я сейчас уйду. Можно зажечь свет?

— Если вам надо,— сказала она и откинула волосы с лица.

На лбу доктор Пларр заметил маленькую серую родинку, там, где индуски... Он спросил:

— В каком месте болит? Покажите.

Она отвернула простыню и показала пальцем место на голом теле. Он протянул руку, чтобы пощупать живот, но она отодвинулась. Он сказал:

— Не бойтесь. Я не буду вас осматривать, как доктор Беневенто,— и услышал, как у нее перехватило дыхание. Тем не менее она разрешила ему подавить пальцами живот.

— Здесь?

— Да.

— Ничего страшного. Небольшое воспаление кишечника, и все.

— Кишечника?

Он видел, что слово это ей незнакомо и ее пугает.

— Я оставлю для вас немного висмута. Принимайте с водой. Если добавить в воду сахар, будет не так противно. На вашем месте виски бы я не пил. Вы ведь больше привыкли к апельсиновому соку, верно?

Она поглядела на него с испугом и спросила:

— Как вас зовут?

— Пларр,— сказал он. И добавил:— Эдуардо Пларр.

Он сомневался, звала ли она по имени кого-нибудь из мужчин, кроме Чарли Фортнума.

— Эдуардо,— повторила она и на этот раз поглядела на него смелее.— Я ведь вас не знаю, а? — спросила она.

— Нет.

– Но вы знаете доктора Беневенто.

— Раза два с ним встречался.— Он встал.— Его визиты по четвергам вряд ли были приятными.— И добавил, не дав ей ответить:— Вы не больны. Вам нечего лежать в постели.

— Чарли,— она произнесла его имя с ударением на последнем слоге,— сказал, что я должна лежать, пока не придет доктор.

— Ну вот, доктор пришел. Значит, надобности больше нет...

Дойдя до двери, он обернулся и увидел, что она на него смотрит. Простыню она так и забыла натянуть.

— А я и не спросил, как зовут вас,— сказал он.

— Клара.

Он сказал:

— Я там никого не знал, кроме Тересы.

Возвращаясь назад по коридору, он вспоминал статуэтку святой Терезы Авильской, которая осеняла как его упражнения, так и более литературные занятия доктора Сааведры. А теперь, наверно, подруга святого Франциска смотрит сверху на постель Чарли Фортнума. Пларр вспомнил, что, когда он впервые увидел девушку, она стелила в своей каморке постель, гибко перегнувшись в талии, как негритянка. Теперь он уже навидался самых разных женских тел. Когда он стал любовником одной из своих пациенток, его возбуждало не ее тело, а легкое заикание и незнакомые духи. В теле Клары не было ничего примечательного, кроме немодной худобы, маленькой груди и девичьих бедер. Может быть, ей уже около двадцати, но по виду ей не дашь больше шестнадцати,— матушка Санчес набирала их спозаранку.

Он остановился возле репродукции, где был изображен всадник в ярко-красной куртке; лошадь понесла и забежала вперед гончих; багровый от злости доезжачий грозил кулаком виновнику, а перед гончими расстилались поля, живые изгороди и ручей, видимо заросший по берегам ивами,— незнакомый, иноземный ландшафт. Он с удивлением подумал: я ни разу в жизни не видел такого маленького ручья. В этой части света даже самые малые притоки огромных рек были шире Темзы из отцовской книжки с картинками. Он снова произнес слово ручей; у ручья, наверно, свое особое поэтическое очарование. Нельзя же назвать ручьем ту мелкую заводь, где он иногда ловил рыбу и где боишься купаться из-за скатов. Ручей должен быть спокойным, медлительным, затененным ивами, безопасным. Право же, здешняя земля чересчур просторна для человека.

Чарли Фортнум ожидал его с наполненными стаканами. Он спросил с притворной шутливостью:

— Ну, какой вынесен приговор?

— Ничего у нее нет. Небольшое воспаление. И лежать в постели ей незачем. Дам вам лекарство, пусть принимает с водой. До еды. Виски я ей пить не позволил бы.

— Понимаете, Тед, я не хотел рисковать. В женских делах я не очень-то разбираюсь. В их внутренностях и так далее. Первая жена никогда не болела. Она была из последователей христианской науки.

— Чем тащить меня в такую даль, в другой раз прежде позвоните по телефону. В это время года у меня много больных.

— Вы, наверное, считаете меня идиотом, но она так нуждается, чтобы о ней заботились.

Пларр сказал:

— Я-то думаю... что в тех условиях, в каких она жила... могла научиться и сама о себе позаботиться.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ведь она работала у матушки Санчес, не так ли?

Чарли Фортнум сжал кулак. В уголке его рта повисла прозрачная капля виски. Доктору Пларру показалось, что у консула поднимается кровяное давление.

— А что вы о ней знаете?

— Я ни разу с ней не оставался, если это вас беспокоит.

— Я подумал, что вы один из тех мерзавцев...

— Вы же сами были «одним из тех». По-моему, я даже помню, как вы мне рассказывали об одной девушке, кажется, Марии из Кордовы.

— То совсем другое. Там была физиология. Знаете, я ведь несколько месяцев даже не притрагивался к Кларе. Пока не убедился, что она меня хоть немножко лю-

бит. Мы просто разговаривали, и больше ничего. Я, конечно, заходил к ней в комнату, потому что иначе у нее были бы неприятности с сеньорой Санчес. Тед, вы не поверите, но я никогда ни с кем не разговаривал, как с этой девушкой. Ей интересно все, что я ей рассказываю. О «Гордости Фортнума». Об урожае матэ. О кинофильмах. Она очень хорошо разбирается в кино. Я им никогда особенно не интересовался, а она всегда знает самые последние новости о какой-то даме, которую зовут Элизабет Тейлор. Вы о ней слышали, о ней и о каком-то Бартоне? Я-то всегда думал, что Бартон — это название пива. Мы с ней разговаривали даже об Эвелин — это моя первая жена. Надо признаться, я был довольно одинок, пока не встретил Клару. Вы будете смеяться, но я полюбил ее с первого взгляда. И почему-то с самого начала ничего от нее не хотел, пока она сама тоже не захочет. Она этого понять не могла. Думала, у меня что-то не в порядке. Но я хотел настоящей любви, а не бардачной. Вероятно, вы меня тоже не поймете.

— Я не очень точно себе представляю, что означает слово любовь. Моя мать, например, любит dulce de leche. Так она сама говорит.

— Неужели ни одна женщина вас не любила? — спросил Фортнум.

Отеческая тревога в его голосе вызвала у доктора раздражение.

— Две или три в этом меня уверяли, однако, когда я с ними расстался, им не стоило труда найти мне замену. Только любовь моей матери к пирожным неизменна. Она будет любить их и в здравии и в болезни, пока смерть их не разлучит. Может, это и есть подлинная любовь.

— Вы чересчур молоды, чтобы быть таким циником.

— Я не циник. Я просто человек любознательный. Меня интересует, какое значение люди вкладывают в слова, которые они употребляют. Ведь многое тут вопрос семантики. Вот почему мы, медики, часто предпочитаем пользоваться таким мертвым языком, как латынь. Мертвый язык не допускает двусмысленностей. А как вам удалось заполучить девушку у матушки Санчес?

— Заплатил.

— И она охотно оттуда ушла?

— Сначала она была немножко растеряна и даже пугалась. Сеньора Санчес пришла просто в бешенство. Ей не хотелось терять эту девушку. Она сказала, что не возьмет ее назад, когда она мне надоест. Будто это возможно!

— Жизнь — штука долгая.

— Только не моя. Давайте говорить откровенно, Тед, вы же не станете меня уверять, что я буду жить еще десять лет, а? Даже при том, что с тех пор, как я узнал Клару, я стал меньше пить.

— А что с ней будет потом?

— Это довольно приличное именьице. Она его продаст и переедет в Буэнос-Айрес. Теперь можно не рискуя получить пятнадцать процентов годовых. Даже восемнадцать, если не побоишься рискнуть. И, как вы знаете, я имею право каждые два года выписывать из-за границы автомобиль... Может, получу еще машин пять, пока не окочурюсь. Считайте, что это даст еще по пятьсот фунтов в год.

— Да, тогда она сможет есть с моей матерью пирожные в «Ричмонде».

— Шутки в сторону, не согласится ли ваша мать как-нибудь принять Клару?

— А почему бы нет?

— Не представляете, как из-за Клары изменилась вся моя жизнь.

— Наверное, и вы порядком изменили ее жизнь.

— Когда доживешь до моих лет, накопится столько всего, о чем можно пожалеть. И приятно сознавать, что хотя бы одного человека ты сделал чуточку счастливее.

Такого рода прямолинейные, сентиментальные и самоуверенные сентенции всегда вызывали у доктора Пларра чувство неловкости. Ответить на них было немыслимо. Подобное заявление было бы грубо подвергнуть сомнению, но и согласиться с ним невозможно. Пларр извинился и поехал домой.

На всем пути по темной проселочной дороге он думал о молодой женщине на огромной викторианской кровати, которая, как и спортивные гравюры, явно принадлежала отцу почетного консула. Девушка была как птица, которую купили на базаре в самодельной клетке, а дома переселили в более просторную и роскошную, с насестами, кормушками и даже качелями для забавы.

Его удивляло, почему он так упорно о ней думает, ведь это всего-навсего мо-

лоденькая проститутка, на которую он однажды обратил внимание в заведении сеньоры Санчес из-за ее странной родинки. Неужели Чарли на ней и правда женился? Может, доктор Хэмфрис ввел посла в заблуждение, называя это браком. Вероятно, Чарли просто взял новую экономку. Если это так, можно будет успокоить посла. Жена дает больше пищи для скандала, чем любовница.

Но мысли его были похожи на намеренно незначительные слова в секретном письме, скрывавшие важные фразы, написанные между строк симпатическими чернилами, которые надо проявлять оставшись одному. В этих потайных фразах речь шла о девушке в каморке, которая нагнулась, застилая кровать, а потом вернулась к столу и взяла стакан с апельсиновым соком, словно только на минутку его оставила, потому что ее позвал к дверям какой-то разносчик; о худеньком теле с девичьей грудью, которую еще не сосал ребенок, вытянувшемся на двуспальней кровати Чарли Фортнума. Все три любовницы доктора Пларра были замужними женщинами, зрелыми, гордыми своим пышным телом, и пахли дорогими душистыми кремами. А она, как видно, умелая проститутка, если при ее фигуре она пользовалась таким успехом, но это еще не повод, чтобы думать о ней всю дорогу. Пларр попытался отвлечься от этих мыслей. В квартале бедноты у него умирали от истощения двое больных; его пациент-полицейский скоро умрет от рака горла; вспоминал он и о мрачной меланхолии доктора Сааведры и об испорченной душе доктора Хэмфриса, но, как ни старался, мысли его все время возвращались к худенькому телу девушки там, на кровати.

Интересно, сколько мужчин она знала. Последняя любовница доктора Пларра, которая была замужем за банкиром по фамилии Лопес, не без тщеславия ему рассказывала о четырех его предшественниках,— может быть, хотела пробудить в нем чувство соревнования. (Одним из этих любовников, как он узнал со стороны, был ее шофер.) Хрупкое тельце на кровати Чарли Фортнума должно было пройти через руки сотни мужчин. Ее живот был как деревенское поле, где когда-то шли бои; чахлая травка выросла и скрыла раны войны, а среди ивняка мирно течет ручеек; Пларр снова был мысленно в коридоре у дверей в спальню, разглядывал спортивные гравюры и боролся с желанием туда вернуться.

Доехав до дороги, ведущей к консервному заводу Бергмана, он резко затормозил и подумал, не повернуть ли ему назад. Вместо этого он закурил. Я не поддамся наваждению, подумал он. Почему тебя тянет в публичный дом? — это ведь так же, как иногда тянет делать ненужные покупки: купишь галстук, который тебе приглянулся, наденешь его раза два, а потом сунешь в ящик, где он будет погребен под грудой других галстуков. Почему я не проверил, какова она, когда имел такую возможность? Купи я ее в тот вечер у сеньоры Санчес, она давно бы валялась на дне ящика памяти. Возможно ли, чтобы такой рассудочный человек, который и влюбиться толком не может, стал жертвой наваждения? Он сердито повел машину к городу, где отблеск огней освещал плоский горизонт, а в небе висели три звезды на разорванной цепочке.

Несколько недель спустя доктор Пларр рано проснулся. Была суббота, и утром он не был занят. Он решил, пока еще свежо, почитать несколько часов на воздухе, но лучше сделать это не на глазах у своей секретарши, признававшей только «серьезную» литературу, в том числе и произведения доктора Сааведры.

Он взял сборник рассказов Хорхе Луиса Борхеса. С Борхесом у них были общие вкусы — доктор унаследовал их от отца,— Конан Дойл, Стивенсон, Честертон. «Ficciones»[22] будут приятным отдыхом от последнего романа доктора Сааведры, который он так и не смог осилить. Он устал от южноамериканской героики. А теперь, сидя у статуи героя-сержанта (еще один образчик machismo), который спас Сан-Мартина лет этак полтораста назад, он с огромным удовольствием читал о графине де Баньо Реджио, о Питтсбурге и Монако. Ему захотелось пить. Для того чтобы как следует насладиться Борхесом, его надо жевать, как сырную палочку, запивая аперитивом, но в такую жару доктору Пларру хотелось выпить что-нибудь более существенное. Он решил зайти к своему приятелю Груберу и попросить немецкого пива.

Грубер был одним из самых давних знакомых Пларра тут в городе. Мальчиком он в 1936 году бежал из Германии, когда там усилились преследования евреев. Он был единственным сыном, но родители настояли, чтобы он бежал за границу, хотя бы ради того, чтобы не прекратился род Груберов, и мать спекла ему на дорогу пи-

[22] «Вымыслы» *(исп.)*.

рог, где были спрятаны небольшие ценности, которые они смогли ему дать,— материнское кольцо с мелкими бриллиантами и золотое обручальное кольцо отца. Они сказали, что слишком стары, чтобы начать новую жизнь в чужой части света, а даст бог, слишком стары и для того, чтобы представлять опасность для фашистского государства. Он, конечно, никогда больше о них не слышал: они приплюсовали еще одну жалкую двойку к великой математической формуле «Кардинального Решения Вопроса». Поэтому Грубер, как и доктор Пларр, рос без отца. У него не было даже семейной могилы. Теперь он держал на главной торговой улице фотомагазин, его нависшая над тротуаром вывеска и рекламные объявления напоминали китайские лавчонки. Одновременно он был и оптиком. «Немцы,— как-то сказал он Пларру,— пользуются доверием как химики, оптики и специалисты по фотографии. Куда больше людей знают имена Цейса и Байера, чем Геббельса и Геринга, а тут у нас еще больше знают Грубера».

Грубер усадил посетителя в отгороженной части магазина, где он работал над стеклами для очков. Отсюда доктор мог наблюдать за всем, что происходит, а самого его не было видно, потому что Грубер (у него была страсть ко всякого рода приспособлениям) оборудовал небольшое телевизионное устройство, которое позволяло ему следить за покупателями. По каким-то причинам — сам Грубер тоже не мог этого объяснить — в его магазин прибегали самые хорошенькие девушки города (никакая модная лавка не могла с ним тягаться), словно красота и фотография были как-то связаны. Они слетались сюда стайками за своими цветными снимками и разглядывали их, восхищенно щебеча, как птички. Доктор Пларр наблюдал за ними, попивал пиво и слушал, как Грубер рассказывает местные сплетни.

— Видели вы дамочку Чарли Фортнума? — спросил доктор Пларр.

— Вы имеете в виду его жену?

— Да не может она быть его женой. Чарли Фортнум в разводе. А тут вторичный брак не разрешается — весьма удобный закон для холостяков вроде меня.

— Разве вы не слышали, что жена его умерла?

— Нет. Я уезжал. А когда несколько дней назад я его видел, он ничего об этом не сказал.

— Фортнум съездил с этой девушкой в Росарио и там на ней женился. Так, по крайней мере, говорят. Толком, конечно, ничего не известно.

— Странный поступок. И в нем не было необходимости. Вы же знаете, где он ее нашел?

— Да, но она очень хорошенькая,— сказал Грубер.

— Верно. Одна из лучших девиц мамаши Санчес. Но и на хорошеньких не обязательно жениться.

— Из таких девушек, как она, часто выходят примерные жены, особенно для стариков.

— Почему для стариков?

— Старики не очень требовательны, а такие девушки рады отдохнуть.

Выражение «такие девушки» почему-то резануло доктора Пларра. Прошло семь дней, а ничем не примечательная девушка, о которой так походя отозвался Грубер, все еще не давала ему покоя. И вот на экране телевизора он увидел какую-то девушку, которая так же наклонилась над прилавком, разглядывая ролик цветной пленки, как Клара над своей кроватью у сеньоры Санчес. Она была красивее жены Чарли Фортнума, но не пробудила в нем ни малейшего желания.

— Такие девушки бывают очень довольны, когда их оставляют в покое,— повторил Грубер.— Знаете, они ведь считают, что им повезло, когда попадается импотент или такой пьяный, что ничего не может. У них тут даже местное название для подобных клиентов есть, не помню, как это по-испански, но означает посетителя, соблюдающего пост.

— А вы часто бываете в заведении у мамаши Санчес?

— Зачем? Поглядите, сколько соблазнов у меня тут под носом — все эти прелестные покупательницы. Кое-какие пленки из тех, что они приносят проявлять, весьма интимного свойства, и когда я их возвращаю, в глазах у девушки озорство. «Он, видно, заметил, как у меня там спустились бикини»,— думает она, а я и правда заметил. Кстати, на днях сюда заходили какие-то двое и расспрашивали о вас. Хотели узнать, тот ли вы Эдуардо Пларр, которого много лет назад они знали в Асунсь-

оне. Прочли ваше имя на пленках, которые я посылал вам в четверг. Я, конечно, сказал, что понятия не имею.

— Они из полиции?

— По виду не похожи, однако все равно рисковать не стоит. Слышал, как один называл другого отцом. А тот по годам вряд ли мог быть его отцом. Но одет был не как священник — вот это и показалось мне подозрительным.

— У меня с местным начальником полиции отношения хорошие. Он меня иногда приглашает, когда доктор Беневенто в отпуску. Думаете, это люди с той стороны границы? Может, агенты Генерала? Но какой я для него представляю интерес? Я ведь был еще мальчишкой, когда уехал...

— Легка на помине...— сказал Грубер.

Доктор Пларр быстро взглянул на экран телевизора, он ожидал, что там появятся фигуры двух незнакомых мужчин, но увидел только худенькую девушку в непомерно больших солнечных очках — впору разве что аквалангисту.

— Покупает солнечные очки, как другие бижутерию. Я продал ей уже пары четыре, не меньше.

— Кто она?

— Вы должны ее знать. Только что о ней говорили. Жена Чарли Фортнума. Или, если хотите, его девица.

Доктор Пларр поставил пиво и вышел в магазин. Девушка разглядывала солнечные очки и так была этим поглощена, что не обратила на него внимания. Стекла у очков были ярко-фиолетовые, оправа желтая, а дужки инкрустированы осколками чего-то похожего на аметисты. Она сняла свои очки и примерила новые, они сразу состарили ее лет на десять. Глаз было совсем не видно; на стеклах двоилось лишь фиолетовое отражение его собственного лица.

Продавщица сказала:

— Мы их только что получили из Мар-дель-Платы. Там они в большой моде.

Доктор Пларр знал, что Грубер, наверное, следит за ним по телевизору, но что ему до этого? Он спросил:

— Они вам нравятся, сеньора Фортнум?

Она обернулась:

— Кто?.. Ах, это вы, доктор... доктор...

— Пларр. Они вас очень старят, но вам ведь можно и прибавить себе несколько лет.

— Они слишком дорогие. Я примерила их просто так...

— Заверните,— сказал доктор продавщице.— И дайте футляр...

— У них свой футляр,— сказала та и стала протирать стекла.

— Не надо,— сказала Клара.— Я не могу...

— От меня можете. Я друг вашего мужа.

— Вы думаете, что тогда можно?

— Да.

Она подпрыгнула; как он потом узнал, так она выражала радость, получая любой подарок, даже пирожное. Он не встречал женщин, которые до того простодушно принимали бы подарки, безо всякого кривлянья. Она сказала продавщице:

— Давайте я их надену. А старые положите в футляр.

В этих очках, подумал он, когда они вышли из магазина Грубера, она больше похожа на мою любовницу, чем на мою младшую сестру.

— Это очень мило с вашей стороны,— произнесла она, как хорошо воспитанная школьница.

— Пойдем посидим у реки, там можно поговорить.— Когда она заколебалась, Пларр добавил: — В этих очках вас никто не узнает. Даже муж.

— Вам они не нравятся?

— Нет. Не нравятся.

— А я думала, что у них очень шикарный вид,— сказала она разочарованно.

— Они хороши как маскировка. Поэтому я и хотел, чтобы они у вас были. Теперь никто не узнает, что я иду с молодой сеньорой Фортнум.

— Да кто меня может узнать? Я ни с кем не знакома, а Чарли дома. Он отпустил меня со старшим рабочим. Я сказала, что хочу что-то купить.

— Что?

— Да что-нибудь. Сама не знаю, что именно.

Она охотно шла рядом, следуя за ним, куда ему вздумается. Его смущало, что дело оборачивается так просто. Он вспоминал, как глупо боролся с собой, когда ему вдруг захотелось повернуть машину и поехать назад, в поместье, сколько раз на прошлой неделе ему не спалось, когда он раздумывал, как бы изловчиться и снова ее увидеть. Неужели он не понимал, что это так же легко, как пойти с ней в каморку у сеньоры Санчес?

— Сегодня я вас не боюсь,— сказала она.

— Потому что я сделал вам подарок?

— Да, может, поэтому. Никто ведь не станет дарить подарки тем, кто ему не нравится, правда? А тогда я думала, что вам не нравлюсь. Что вы мой враг.

Они вышли на берег Параны. В реку выдавалось небольшое пятиугольное здание, окруженное белыми колоннами, в нем, как в храме, стояла обнаженная статуя, полная классической невинности, и глядела на воду. Уродливый желтый дом, где он снимал квартиру, был скрыт за деревьями. Листья, похожие на легчайшие перышки, создавали ощущение прохлады, потому что были в вечном движении — они шевелились от ветерка, не ощутимого даже кожей. Вверх по реке, фырча против течения, прошла тяжелая баржа, а над Чако тянулась всегдашняя черная полоса дыма.

Она села и стала смотреть на Парану; когда он глядел на нее, он видел лишь собственное лицо, отраженное в зеркале очков.

— Бога ради, снимите эти очки,— сказал он.— Я не собираюсь бриться.

— Бриться?

— Я и так смотрю на себя в зеркало два раза в день, с меня этого хватит.

Она покорно сняла очки, и он увидел ее глаза — карие, невыразительные, неотличимые от глаз других испанок, которых он знал. Она сказала:

— Не понимаю...

— Да я уж и сам не помню, что сказал. Правда, что вы замужем?

— Да.

— И как вам это нравится?

— По-моему, это все равно как если бы я надела платье другой девушки, а оно на меня не лезло,— сказала она.

— Зачем же вы это сделали?

— Он так хотел на мне жениться. Из-за денег, когда он умрет, чтобы они не пропали. А если будет ребенок...

— Вы уже и об этом позаботились?

— Нет.

— Что ж, вам теперь все-таки лучше, чем у матушки Санчес.

— Тут все по-другому,— сказала она.— Я по девочкам скучаю.

— А по мужчинам?

— Ну, до них-то мне какое дело?

Они были одни на длинной набережной Параны; мужчины в этот час работают, женщины ходят за покупками. Здесь на все свое время: время для Параны — вечер, тогда вдоль нее гуляют молодые влюбленные, держась за руки, и молчат. Он спросил:

— Когда вам надо быть дома?

— Capataz [23] в одиннадцать зайдет за мной к Чарли в контору.

— А сейчас девять. Что вы до тех пор собираетесь делать?

— Похожу по магазинам, потом выпью кофе.

— Старых друзей навестите?

— Девочки сейчас спят.

— Видите тот дом за деревьями? — спросил доктор Пларр.— Я там живу.

— Да?

— Если хотите выпить кофе, я вас угощу.

— Да?

— Могу и апельсиновым соком.

— Ну, я апельсиновый сок не так уж и люблю. Сеньора Санчес говорила, что нам нельзя пьянеть, вот почему мы его пили.

Он спросил:

— Вы пойдете со мной?

— А это не будет нехорошо? — сказала она, словно выспрашивала у кого-то, кого давно знает и кому доверяет.

[23] Старший рабочий *(исп.)*.

— У матушки Санчес это же не было плохо...

— Но там надо было зарабатывать на жизнь. Я посылала деньги домой в Тукуман.

— А как с этим теперь?

— Ну, деньги в Тукуман я все равно посылаю. Чарли мне дает.

Он встал и протянул ей руку:

— Пошли.

Он бы рассердился, если бы она заколебалась, но она взяла его за руку все с той же бездумной покорностью и пошла через дорогу, словно ей предстояло пройти всего лишь по дворику сеньоры Санчес. Однако войти в лифт она решилась не сразу. Сказала, что никогда еще не поднималась в лифте,— в городе было не много домов выше чем в два этажа. Она сжала его руку — то ли от волнения, то ли от страха, а когда они поднялись на верхний этаж, спросила:

— А можно сделать это еще раз?

— Когда будете уходить.

Он повел ее прямо в спальню и стал раздевать. Застежка на платье заела, и она сама ее дернула. Когда она уже лежала на кровати и ждала его, она сказала:

— Солнечные очки обошлись вам гораздо дороже, чем поход к сеньоре Санчес.

И он подумал, не считает ли она, что этими очками он заплатил ей вперед.

Он вспомнил, как Тереса пересчитывала песо, а потом клала их на полочку под статуэткой своей святой, словно это был церковный сбор. Позднее они будут аккуратно поделены между ней и сеньорой Санчес; то, что сверх таксы, давали отдельно.

Когда он лег, он с облегчением подумал: вот и кончилось мое наваждение,— а когда она застонала, подумал: вот опять я свободен, могу проститься с сеньорой Санчес — пусть себе вяжет в своем шезлонге,— и с легким сердцем пойду назад по берегу реки, чего не чувствовал, когда выходил из дома. На столе лежал свежий номер «Бритиш медикл джорнэл», он уже целую неделю валялся нераспечатанным, а у него было настроение почитать что-нибудь еще более точное по изложению, чем рассказ Борхеса, и более полезное, чем роман Хорхе Хулио Сааведры. Он принялся читать крайне оригинальную статью — так ему во всяком случае показалось — о лечении кальциевой недостаточности, написанную доктором, которого звали Цезарем Борджиа.

— Вы спите? — спросила девушка.

— Нет.— Но тем не менее был удивлен, когда, открыв глаза, увидел солнечные лучи, падавшие сквозь щели жалюзи. Он думал, что уже ночь и что он один.

Девушка погладила его по бедру и пробежалась губами по телу. Он чувствовал лишь легкое любопытство, интерес к тому, сможет ли она снова пробудить в нем желание. Вот в чем секрет ее успеха у матушки Санчес: она давала мужчине вдвое за его деньги. Она прижалась к нему, выкрикнула какую-то непристойность, прикусила его ухо, но наваждение ушло вместе с вожделением, оставив гнетущую пустоту. Целую неделю его донимала навязчивая мысль, а теперь он тосковал по ней, как могла бы тосковать мать по крику нежеланного ребенка. Я никогда ее не хотел, думал он, я хотел лишь того, что вообразил себе. У него было желание встать и уйти, оставив ее одну убирать постель, а потом искать другого клиента.

— Где ванная? — спросила она.

В ней не было ничего, что отличало бы ее от других женщин, которых он знал, разве что умение разыгрывать комедию с большей изобретательностью и темпераментом.

Когда она вернулась, он уже был одет и с нетерпением ждал, чтобы оделась она. Он боялся, что она попросит обещанный кофе и надолго задержится, пока будет его пить. В этот час он обычно посещал квартал бедноты. Женщины теперь уже заканчивали работы по дому, а дети успели наносить воды. Он спросил:

— Хотите, я завезу вас в консульство?

— Нет,— сказала она. — Лучше пойду пешком. Может, capataz меня уже ждет.

— Вы не много сделали покупок.

— А я покажу Чарли солнечные очки. Он же не будет знать, какие они дорогие.

Пларр вынул из кармана бумажку в десять тысяч песо и протянул ей. Она ее повертела, словно хотела разглядеть, что это за купюра, а потом сказала:

— Никто еще не давал мне больше пяти тысяч. Обычно две. Матушка Санчес не любила, чтобы мы брали больше. Боялась, что это будет вроде как вымогательство.

Но она не права. Мужчины в этом смысле народ странный. Чем меньше они могут, тем больше дают.

— Будто вам не все равно,— сказал он.

— Будто нам не все равно,— согласилась она.

— Клиент, который дал обет поститься.

Девушка засмеялась:

— До чего хорошо, когда можно говорить, что хочешь. С Чарли я так не могу разговаривать. По-моему, ему вообще хотелось бы забыть о сеньоре Санчес.— Она протянула ему деньги.— Теперь это нехорошо, раз я замужем. Да они мне и не нужны. Чарли щедрый. И очки стоили очень дорого.— Она их снова надела, и он опять увидел свое лицо в миниатюре, которое уставилось на него, словно кукольное личико из окна кукольного домика. Она спросила: — Я вас еще увижу?

Ему хотелось ответить: «Нет. Теперь уже конец»,— но привычная вежливость и облегчение от того, что она забыла про кофе, заставили его церемонно ответить как хозяина гостье, которую он бы вовсе не хотел снова видеть у себя:

— Конечно. Как-нибудь, когда вы будете в городе... Я дам вам мой номер телефона.

— И вовсе не надо каждый раз делать мне подарки,— заверила она его.

— А вам — разыгрывать комедию.

— Какую комедию?

Он сказал:

— Я знаю, некоторые мужчины хотят верить, что вы получаете такое же удовольствие, как они. У матушки Санчес вам, конечно, приходилось играть роль, чтобы заслужить подарок, но тут вам играть не надо. Может, с Чарли вам и приходится притворяться, но со мной не стоит. Со мной ничего не надо изображать.

— Извините,— сказала она.— Я что-то сделала не так?

— Меня это всегда раздражало там, в вашем заведении,— сказал доктор Пларр.— Мужчины вовсе не такие болваны, как вам кажется. Они знают, что пришли сами получить удовольствие, а не для того, чтобы доставить его вам.

Она сказала:

— А я, по-моему, очень хорошо притворялась, потому что получала более дорогие подарки, чем другие девушки.

Она ничуть не обиделась. Видно, привыкла видеть, как мужчина, удовлетворившись, начинает испытывать тоску. Он ничем не отличался от других, даже в этом. И это ощущение пустоты, подумал он — неужели она права? — всего лишь временная tristitia [24], которую большинство мужчин испытывает потом?

— Сколько времени вы там пробыли?

— Два года. Когда я приехала, мне было уже почти шестнадцать. На мой день рождения девочки подарили мне сладкий пирог со свечками. Я таких раньше не видела. Очень был красивый.

— А Чарли Фортнум любит, чтобы вы вот так делали вид?

— Он любит, чтобы я была очень тихая,— сказала она,— и очень нежная. Вам бы тоже это понравилось? Простите... Я-то думала... Вы ведь гораздо моложе Чарли, вот я и решила...

— Мне бы нравилось, чтобы вы были такой, как есть. Даже равнодушной, если вам так хочется. Сколько мужчин вы знали?

— Разве я могу это помнить?

Он показал ей, как пользоваться лифтом, но она попросила, чтобы он спустился с ней вместе,— лифт ее еще немножко пугал, хотя ей и было интересно. Когда она нажала кнопку и лифт пошел вниз, она подпрыгнула, как тогда, в магазине у Грубера. В дверях она призналась, что боится и телефона.

— А как вас зовут?.. Я забыла ваше имя.

— Пларр. Эдуардо Пларр.— И он впервые вслух произнес ее имя: — А вас ведь Кларой, правда? — Он добавил: — Если вы боитесь телефона, мне придется самому позвонить вам. Но ведь может взять трубку Чарли.

— До девяти он обычно объезжает имение. А по средам почти всегда ездит в город, но он любит брать меня с собой.

— Неважно,— сказал доктор Пларр.— Что-нибудь придумаем.

Он не проводил ее на улицу и не поглядел ей вслед. Он был свободен

[24] Грусть *(исп.)*.

А между тем ночью, стараясь уснуть, он почему-то огорчился, подумав, что лучше помнит, как она, вытянувшись, лежит на кровати Фортнума, чем на его собственной. Наваждение может на время притаиться, но не обязательно исчезнет; не прошло и недели, как ему снова захотелось ее видеть. Хотя бы услышать ее голос по телефону, как бы равнодушно он ни звучал, но телефон так и не позвонил, чтобы сообщить ему важную для него весть.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Доктор Пларр вернулся домой только около трех часов утра. Из-за полицейских патрулей Диего поехал в обход и высадил его недалеко от дома сеньоры Санчес, так, чтобы в случае нужды он мог объяснить, откуда шел пешком на рассвете. Он пережил неприятную минуту, когда дверь этажом ниже открылась и чей-то голос спросил:

— Кто там?

Он крикнул:

— Доктор Пларр. И почему только дети рождаются в такие несусветные часы?

Он лег, но почти не спал. Тем не менее он выполнил свои утренние обязанности быстрее обычного и поехал в поместье Чарли Фортнума. Он не представлял себе, что его там ждет, и чувствовал себя усталым, нервным, сердитым, предвидя, что ему придется иметь дело с женщиной в истерике. Лежа ночью в постели без сна, он подумывал, не обратиться ли ему в полицию, но это означало бы обречь Леона и Акуино почти на верную смерть, а может, и Фортнума тоже.

Когда он приехал в поместье, был уже душный, прогретый солнцем полдень и в тени авокадо, возле «Гордости Фортнума» стоял полицейский «джип». Он без звонка вошел в дом; в гостиной начальник полиции беседовал с Кларой. Вопреки его ожиданиям, она вела себя отнюдь не как истеричная дама; на диване чинно сидела молоденькая девушка и покорно выслушивала приказания начальника.

— ... все, что мы можем,— говорил полковник Перес.

— Что вы здесь делаете? — спросил доктор Пларр.

— Я приехал к сеньоре Фортнум, а вы, доктор?

— Я приехал по делу к консулу.

— Консула нет,— сказал полковник Перес.

Клара с ним не поздоровалась. Она, казалось, безучастно ждет, как не раз ждала в дворике публичного дома, чтобы кто-нибудь из мужчин ее увел,— ведь приставать к ним матушка Санчес запрещала.

— В городе его нет,— сказал доктор Пларр.

— Вы были у него в конторе?

— Нет. Позвонил по телефону.

Он сразу же пожалел, что это сказал: полковник Перес был не дурак. Никогда не следует давать непрошеные сведения полиции. Доктор Пларр не раз наблюдал, как спокойно и мастерски ведет дело Перес. Как-то раз обнаружили труп зарезанного человека на плоту, который проплыл две тысячи миль по Паране. В отсутствие доктора Беневенто к излучине реки возле аэропорта, откуда отгружались бревна, вызвали доктора Пларра. Спустившись по небольшой скользкой деревенской тропке, где в подлеске шуршали змеи, он увидел маленькую пристань — так называемый лесосплавный порт.

На плоту целый месяц жила семья. Доктор Пларр, спотыкаясь на бревнах, шел вслед за Пересом и восхищался, как легко полицейский сохраняет равновесие; сам он боялся поскользнуться, когда бревна под его ногами то погружались в воду, то всплывали наверх. Ему казалось, что он, как наездник в цирке, стоя на лошади, гарцует вокруг арены.

— Вы говорили с его экономкой? — спросил полковник Перес.

Доктор Пларр снова выругал себя за необдуманную ложь. Он ведь лечил Клару. Почему было просто не сказать, что это очередной визит врача к беременной женщине? Ложь размножалась в присутствии полицейского, как бактерии. Он сказал:

— Нет. Никто не ответил.

Полковник Перес молча обдумывал его ответ.

Пларр вспоминал, как быстро и легко Перес шагал по вздыбившимся бревнам, словно по ровному городскому тротуару. Бревна тянулись до середины реки. В самом центре этого обширного полегшего леса стояла группа людей, издали они казались совсем маленькими. Пересу и ему, чтобы дойти до них, приходилось перепрыгивать с одного плота на другой, и всякий раз, делая прыжок, доктор боялся, что упадет в воду между плотами, хотя расстояние между ними было, как правило, меньше метра. По мере того, как бревна под его тяжестью погружались, а потом всплывали снова, его ботинки зачерпывали все больше воды.

— Предупреждаю,— сказал Перес,— зрелище будет не из приятных. Семья путешествовала на плоту с мертвецом не одну неделю. Было бы куда лучше, если бы они просто спихнули его в реку. Мы бы так ничего и не знали.

— А почему они этого не сделали? — спросил доктор Пларр, раскинув руки, как канатоходец.

— Убийца хотел, чтобы труп похоронили по-христиански.

— Значит, он признался в убийстве?

— Ну как мне-то не признаться? — ответил Перес.— Ведь мы же люди свои.

Когда они подошли к тем, кто стоял на плоту — там было двое мужчин, женщина, ребенок и двое полицейских,— доктор Пларр заметил, что полиция даже не потрудилась отнять у убийцы нож. Он сидел, скрестив ноги, возле отвратительного трупа, словно был обязан его стеречь. Лицо его выражало скорее грусть, чем сознание вины.

Теперь полковник Перес объяснял:

— Я приехал, чтобы сообщить сеньоре о том, что машина ее мужа была найдена в Паране недалеко от Посадаса. Тело не обнаружено, поэтому мы надеемся, что консулу удалось спастись.

— Несчастный случай? Вы, конечно, знаете, а сеньора не будет в претензии, если я это скажу,— Фортнум довольно много пил.

— Да. Но тут могут быть и другие объяснения,— сказал полковник.

Доктору было бы легче играть свою роль перед полицейским и перед Кларой, если бы они были порознь. Он боялся, что кто-либо из них подметит фальшь в его тоне.

— Как по-вашему, что произошло? — спросил он.

— Любое происшествие так близко к границе может иметь политический характер. Об этом никогда не следует забывать. Помните врача, которого похитили в Посадасе?

— Конечно. Но зачем похищать Фортнума? Он не имеет никакого отношения к политике.

— Он — консул.

— Всего лишь почетный консул.

Даже начальник полиции не мог уяснить этой разницы.

Полковник Перес обратился к Кларе:

— Как только мы узнаем что-нибудь новое, тут же вам сообщим.— Он взял Пларра под руку: — Доктор, я хотел кое-что у вас спросить.

Полковник повел доктора Пларра через веранду, где бар с фирменными стаканами «Лонг Джона», казалось, подчеркивал непонятное отсутствие Чарли Фортнума (он-то, уж конечно, предложил бы им хлебнуть перед уходом), в густую тень от купы авокадо. Перес поднял падалицу, опытным взглядом проверил, поспела ли она, и аккуратно положил на заднее сиденье полицейской машины, куда не падали солнечные лучи.

— Красота,— сказал он.— Люблю их натереть и слегка полить виски.

— Что вы хотели у меня спросить? — задал вопрос доктор.

— Меня смущает одно небольшое обстоятельство.

— Неужели вы действительно думаете, что Фортнума похитили?

— Это одна из версий. Я даже предполагаю, что он мог стать жертвой глупейшей ошибки. Видите ли, при осмотре развалин он был с американским послом. Посол, конечно, куда более заманчивая добыча для похитителей. Если это так, похитители люди не здешние, может быть, они из Парагвая. Мы с вами, доктор, никогда не совершили бы подобной ошибки. Я говорю «с вами», потому что вы почти свой. Конечно, не исключено, что и вы причастны к этому делу. Косвенно.

— Я вряд ли подхожу для роли похитителя, полковник.

— Но я вспомнил — ведь ваш отец по ту сторону границы? Вы как-то говорили, что он либо мертв, либо в тюрьме. Так что у вас может быть подходящий мотив. Про-

стите, доктор, что я думаю вслух, я всегда немножко теряюсь, когда имею дело с политическим преступлением. В политике преступления часто совершают caballer[25]. Я больше привык к преступлениям, которые совершают преступники, в крайнем случае люди, склонные к насилию, или бедняки. Из-за денег или похоти.

— Или machismo,— осмелился поддразнить доктор.

— Ну, здесь у нас всем правит machismo,— заметил Перес и улыбнулся так дружелюбно, что у доктора отлегло от сердца.— Здесь machismo только другое слово для понятия «жизнь». Для воздуха, которым мы дышим. Когда у человека нет machismo, он мертвец. Вы поедете назад в город, доктор?

— Нет. Раз я уже здесь, я осмотрю сеньору Фортнум. Она ждет ребенка.

— Да. Она мне сказала.— Начальник полиции взялся за дверцу машины, но в последнюю минуту обернулся и тихо произнес по-дружески, словно делал признание:— Доктор, зачем вы сказали, что позвонили в консульство и вам не ответили? Я ведь там все утро держал человека на случай, если позвонят.

— Вы же знаете, как у нас в городе работает телефон.

— Когда телефон испорчен, слышишь частые, а не редкие гудки.

— Не всегда, полковник. Впрочем, гудки могли быть и частыми. Я не очень-то вслушивался.

— И проделали весь этот путь в имение?

— Все равно подошло время для осмотра сеньоры Фортнум. Зачем бы я стал вам врать?

— Мне надо учитывать все возможности, доктор. Бывают ведь преступления и на почве страсти.

— Страсти? — улыбнулся доктор.— Я же англичанин.

— Да, это маловероятно, знаю. И в случае сеньоры Фортнум... вряд ли такой человек, как вы, при ваших возможностях, сочтет необходимым... Однако мне попадались преступления на почве страсти даже в публичном доме.

— Чарли Фортнум мой друг.

— Ну, друг... В таких случаях именно друзей и предают... Не правда ли? — Полковник Перес положил руку доктору на плечо.— Вы меня простите. Я достаточно хорошо с вами знаком, чтобы разрешить себе, когда мне что-то непонятно, маленько поразмыслить. Вот как сейчас. Я слыхал, что у вас с сеньорой Фортнум весьма близкие отношения. И все же, вы правы, не думаю, чтобы вам так уж понадобилось избавиться от ее мужа. Однако я все же удивляюсь, зачем вам было лгать.

Он влез в машину. Кобура его револьвера скрипнула, когда он опускался на сиденье. Он откинулся, проверяя, хорошо ли лежит авокадо, чтобы его не побило от толчков.

Доктор Пларр сказал:

— Я просто не подумал, полковник, когда вам это сказал. Полиции лжешь почти машинально. Но я не подозревал, что вы так хорошо обо мне осведомлены.

— Город-то маленький,— сказал Перес.— Когда спишь с замужней женщиной, всегда спокойней предполагать, что все об этом знают.

Доктор Пларр проводил взглядом машину, а потом нехотя вернулся в дом. Тайна, думал он, составляет львиную долю привлекательности в любовной связи. В откровенной связи всегда есть что-то абсурдное.

Клара сидела там же, где он ее оставил. Он подумал: первый раз мы вдвоем и ей не надо спешить на встречу в консульство или бояться, что Чарли ненароком вернется с фермы. Она спросила:

— Ты думаешь, он уже умер?

— Нет.

— Может, если бы он умер, всем было бы лучше.

— Но не самому Чарли.

— Даже Чарли. Он так боится совсем постареть,— сказала она.

— И все же не думаю, чтобы в данную минуту ему хотелось умереть.

— Ребенок утром так брыкался.

— Да?

— Хочешь, пойдем в спальню?

— Конечно.— Он подождал, чтобы она встала и пошла вперед.

[25] Тут — аристократ *(исп.)*.

Они никогда не целовались в губы (это было частью воспитания, полученного в публичном доме), и он шел за ней с медленно поднимавшимся возбуждением. Когда любишь по-настоящему, думал он, женщина интересует тебя потому, что она — нечто от тебя отличное; но потом, мало-помалу она к тебе применяется, перенимает твои привычки, твои идеи, даже твои выражения и становится частью тебя. Какой же интерес она может тогда представлять? Нельзя ведь любить самого себя, нельзя долго жить рядом с самим собой; всякий нуждается в том, чтобы в постели лежал кто-то чужой, а проститутка всегда остается чужой. На ее теле расписывалось так много мужчин, что ты уже никак не можешь там разобрать свою подпись.

Когда они затихли и ее голова опустилась ему на плечо, где ей и было положено мирно, любовно лежать, она сказала фразу, которую он по ошибке принял за слишком часто произносимые слова:

— Эдуардо, это правда? Ты в самом деле...

— Нет,— твердо ответил он.

Он думал, что она ожидает ответа на все тот же банальный вопрос, который постоянно вымогала у него мать после того, как они покинули отца. Ответа, которого рано или поздно добивалась каждая из его любовниц: «Ты в самом деле меня любишь, Эдуардо?» Одно из достоинств публичного дома — что слово любовь там редко или вообще никогда не произносится. Он повторил:

— Нет.

— А как ты можешь быть в этом уверен? — спросила она.— Только что ты так твердо сказал, что он жив, а ведь даже полицейский думает, что его убили.

Доктор Пларр понял, что ошибся, и от облегчения поцеловал ее чуть не в самые губы.

Новость сообщила местная радиостанция, когда они сидели за обедом. Это была их первая совместная трапеза, и оба чувствовали себя неловко. Есть, сидя рядом, казалось доктору Пларру чем-то гораздо более интимным, чем лежать в постели. Им подавала служанка, но после каждого блюда она пропадала где-то в обширных, неубранных помещениях обветшалого дома, куда он еще ни разу не проникал. Сперва она подала им омлет, потом отличный бифштекс (он был много лучше гуляша в Итальянском клубе или жесткого мяса в «Национале»). На столе стояла бутылка чилийского вина из запасов Чарли, гораздо более крепкого, чем кооперативное вино из Мендосы. Доктору было странно, что он так чинно и охотно ест с одной из девушек сеньоры Санчес. Это открывало неожиданную перспективу совсем другой жизни, семейной жизни, равно непривычной и ему и ей. Словно он поплыл в лодке по одному из мелких притоков Параны и вдруг очутился в огромной дельте, такой, как у Амазонки, где теряешь всякую ориентацию. Он почувствовал внезапную нежность к Кларе, которая сделала возможным это странное плавание. Они старательно выбирали слова, ведь им впервые приходилось их выбирать; темой для разговора была пропажа Чарли Фортнума.

Доктор Пларр заговорил о нем так, будто он и в самом деле наверняка мертв, казалось, что так спокойнее: ведь в противном случае Клара заинтересовалась бы, на чем покоится его оптимизм. И только когда она заговорила о будущем, он изменил этой тактике, чтобы уклониться от опасной темы. Он заверил ее, что Чарли еще, может быть, жив. Вести свое суденышко по этим просторам Амазонки, полным омутов и мелей, оказалось не так легко — даже глагольные времена путались.

— Вполне возможно, что ему удалось выбраться из машины, а потом, если он ослабел, его сильно отнесло течением... Он мог вылезти на сушу далеко от всякого жилья...

— Но почему его машина оказалась в воде? — Она с огорчением добавила: — Ведь это новый «кадиллак». Он хотел продать его на будущей неделе в Буэнос-Айресе.

— Может, у него было какое-то дело в Посадасе. Он же такой человек, который вполне мог...

— Ах нет, я же знаю, что он вовсе не собирался в Посадас. Он ехал ко мне. Он не хотел ездить на эти развалины. И не хотел быть на обеде у губернатора. Он беспокоился обо мне и о ребенке.

— Почему? Не вижу причин. Ты такая крепкая девушка.

— Я иногда делаю вид, что больна, чтобы он тебя позвал. Тебе тогда проще.

— Ну и мерзавка же ты,— сказал он не без восхищения.

— Он взял самые лучшие солнечные очки, те, что ты подарил. Теперь мне их больше не видать. А это мои самые любимые очки. Такие шикарные. Да еще из Мар-дель-Платы.

— Завтра схожу к Груберу и куплю тебе другие,— пообещал он.

— Таких там больше нет.

— Он сможет заказать еще одну пару.

— Чарли их у меня уже брал и чуть не разбил.

— Наверное, вид у него в этих очках был довольно нелепый,— сказал доктор Пларр.

— А ему все равно, как он выглядит. Он когда выпьет, всегда очень плохо выглядит.

Прошедшее и настоящее времена качались взад-вперед, как стрелка барометра при неустойчивой погоде.

— Он любил тебя, Клара?

Вопрос этот никогда раньше его не занимал. Чарли Фортнум как муж Клары всегда представлял для него только неудобство, когда он чувствовал потребность поскорее получить его жену. Но Чарли Фортнум, лежавший под наркозом на ящике в грязной каморке, превратился в серьезного соперника.

— Он всегда был со мной очень добрым.

Им подали мороженое из авокадо, Пларр снова почувствовал к ней влечение. До вечера у него не было визитов к больным; можно насладиться послеобеденным отдыхом, не прислушиваясь к рокочущему приближению «Гордости Фортнума», и продлить удовольствие почти на весь день. После того, первого раза у него в квартире она никогда больше не пыталась изображать страсть, и ее равнодушие даже начало слегка его бесить. Когда он бывал один, он иногда мечтал вызвать у нее искренний возглас удовольствия.

— Чарли когда-нибудь говорил, почему он на тебе женился?

— Я же тебе сказала. Из-за денег. Когда он умрет. А теперь он умер.

— Может быть.

— Хочешь еще мороженого? Я позову Марию. Тут есть звонок, но звонит всегда только Чарли.

— Почему?

— Я не привыкла к звонкам. Все эти электрические штуки — я их боюсь.

Ему было забавно видеть, как чинно она сидит за столом, словно настоящая хозяйка. Он вспомнил о своей матери; в прежние времена в поместье, когда няня приводила его к десерту в столовую, там тоже часто подавали мороженое из авокадо. Мать была гораздо красивее Клары, никакого сравнения, но он вспоминал, сколько всякой косметики для своей красоты она тогда покупала; притирания стояли в два ряда вдоль длинного туалетного стола, который тянулся от стены до стены. Иногда он подумывал, что даже в те дни отец у нее занимал второе место после Герлена и Элизабет Арден [26].

— А как тебе Чарли?

Клара даже не потрудилась ответить. Она сказала:

— Радио... надо его послушать. Могут передать что-нибудь новое.

— Новое?

— Ну, о Чарли, конечно. О чем ты думаешь?

— Думаю, что мы можем вместе провести весь день.

— А если он явится?

Пойманный врасплох, он ответил:

— Не явится.

— Почему ты так уверен, что он уже умер?

— Я вовсе в этом не уверен, но если он жив, он сначала позвонит по телефону. Не захочет тебя напугать, тебя и ребенка.

— Все равно, надо слушать радио.

Он нашел сперва Асунсьон, потом переключился на местную станцию. Никаких новостей не сообщили. В эфире звучала только грустная индейская песня и арфа. Клара спросила:

— Ты любишь шампанское?

[26] Парфюмерные фирмы.

— Да.

— У Чарли есть шампанское. Ему его обменяли на виски «Лонг Джон», он сказал, что это настоящее французское шампанское.

Музыка прекратилась. Диктор назвал станцию и объявил выпуск новостей; начал он с сообщения о Чарли Фортнуме. Похищен британский консул — диктор опустил уничижительный эпитет. Об американском после не упоминалось. Леон, по-видимому, как-то связался со своими сообщниками. Без эпитета титул Чарли звучал довольно внушительно. Делал его фигурой, достойной того, чтобы его похитили. Диктор сообщил, что власти считают, будто консула похитили парагвайцы. Думают, что его вывезли за реку, а похитители предъявляют свои требования через аргентинское правительство, чтобы запутать следы. По-видимому, они требуют освобождения десяти политических заключенных, содержащихся в Парагвае. Любая полицейская акция в Парагвае или Аргентине поставит под угрозу жизнь консула. Заключенных следует отправить самолетом в Гавану или в Мехико-сити... За этим последовал обычный подробный перечень условий. Сообщение было сделано всего час назад по телефону из Росарио газете «Насьон» в Буэнос-Айресе. Диктор сказал, что нет оснований предполагать, будто консула прячут в столице, потому что машину обнаружили возле Посадаса, более чем в тысяче километров от Буэнос-Айреса.

— Не понимаю,— сказала Клара.

— Помолчи и послушай.

Диктор продолжал объяснять, что похитители довольно ловко выбрали время, так как генерал Стреснер в настоящее время находится с неофициальным визитом на юге Аргентины. Ему сообщили о похищении, но, по слухам, он сказал: «Меня это не касается. Я приехал ловить рыбу». Похитители дают правительству Парагвая срок до полуночи в воскресенье; о согласии на их условия должно быть объявлено по радио. Когда это время истечет, они будут вынуждены пленного казнить.

— Но при чем тут Чарли?

— Наверное, произошла ошибка. Другого объяснения быть не может. Не волнуйся. Через несколько дней он будет дома. Скажи служанке, что ты никого не хочешь видеть: боюсь, что сюда нагрянут репортеры.

— Ты останешься?

— Да, на какое-то время останусь.

— Мне сегодня что-то не хочется...

— Да. Конечно. Понимаю.

Она пошла по длинному коридору, увешанному спортивными гравюрами, и доктор Пларр остановился, чтобы еще раз взглянуть на узкий ручей, затененный ивами, который тек на маленьком северном островке, где родился его отец. Ни один генерал не ездил со своими полковниками ловить рыбу в таких ручьях. Мысль о покинутом доме отца преследовала его и в спальне. Он спросил:

— Тебе хочется вернуться в Тукуман?

— Нет,— сказала она,— конечно, нет. Почему ты спрашиваешь?

Она прилегла на кровать не раздеваясь. В загороженной ставнями комнате с кондиционером было прохладно, как в морском гроте.

— А что делает твой отец?

— Когда наступает сезон, режет сахарный тростник, но он уже стареет.

— А не в сезон?

— Они живут на деньги, которые я посылаю. Если я умру, они помрут с голоду. Но я же не умру, правда? Из-за ребенка?

— Да конечно нет. А у тебя есть братья или сестры?

— Был брат, но он уехал, никто не знает куда.— Он сидел на краю кровати, и ее рука на миг дотронулась до его руки, но она тут же ее отняла. Может быть, испугалась, что он примет это за попытку изобразить нежность и будет недоволен.— Как-то утром в четыре часа он пошел резать тростник и не вернулся. Может, умер. А может, просто уехал.

Это напомнило ему исчезновение отца. Тут ведь они живут на материке, а не на острове. Какое это огромное пространство земли с зыбкими границами — повсюду горы, реки, джунгли и болота, где можно потеряться,— на всем пути от Панамы до Огненной Земли.

— И брат ни разу не написал?

— Как же он мог? Он не умел ни читать, ни писать.

— Но ты же умеешь.

— Немного. Сеньора Санчес меня научила. Она хочет, чтобы девушки у нее были образованные. Чарли мне тоже помогал.

— А сестер у тебя не было?

— Сестра была. Она родила в поле ребенка, придушила его, а потом и сама умерла.

Он никогда раньше не расспрашивал ее о родне. Непонятно, что заставило его спросить теперь, может быть захотелось выяснить, чем объясняется его наваждение. Чем она отличалась от других девушек, которых он видел в заведении сеньоры Санчес? Быть может, если он определит эту особенность, наваждение пройдет, как болезнь после того, как найдешь ее причину. Он бы с радостью придушил это наваждение, как ее сестра своего ребенка.

— Я устал,— сказал он.— Дай я прилягу рядом с тобой. Мне надо поспать. Я сегодня не спал до трех часов утра.

— А что ты делал?

— Навещал больного. Ты разбудишь меня, когда стемнеет?

Кондиционер возле окна жужжал так, словно наступило настоящее лето; сквозь сон ему показалось, что он слышит, как звонит колокол, большой пароходный колокол, подвешенный на веревке к стропилам веранды. Он смутно почувствовал, что она встала и ушла. Вдали послышались голоса, шум отъезжающей машины, а потом она вернулась, легла рядом, и он снова заснул. Ему приснилось, как уже не снилось несколько лет, поместье в Парагвае. Он лежал на своей детской кроватке над лестницей, прислушиваясь к шуму защелкиваемых замков и задвигаемых щеколд — отец запирал дом,— и все равно ему было страшно. А вдруг внутри заперли того, кого надо было оставить снаружи?

Доктор Пларр открыл глаза. Металлический край кроватки превратился в прижатое к нему тело Клары. Было темно. Он ничего не видел. Протянув руку, он дотронулся до нее и почувствовал, как шевельнулся ребенок. Пларр коснулся пальцем ее лица. Глаза у нее были открыты. Он спросил:

— Ты не спишь?

Но она не ответила. Тогда он спросил:

— Что-нибудь случилось?

Она сказала:

— Я не хочу, чтобы Чарли вернулся, но и не хочу, чтобы он умер.

Его удивило, что она проявила какое-то чувство. Она не выказала ни малейшего чувства, когда сидела и слушала полковника Переса, а в разговоре с ним самим после того, как Перес ушел, вспомнила только о «кадиллаке» и о пропаже очков от Грубера.

— Он так хорошо ко мне относился,— сказала она.— Он очень добрый. Я не хочу, чтобы его мучили. Я только хочу, чтобы его здесь не было.

Он стал гладить ее, как гладил бы напуганную собачонку, и потихоньку, ненамеренно они обнялись. Он не чувствовал вожделения, и когда она застонала, не почувствовал и торжества.

Пларр с грустью подумал: почему я когда-то так этого хотел? Почему я думал, что это будет победой? Играть в эту игру не было смысла, ведь теперь он знал, какие ходы ему надо сделать, чтобы выиграть. Ходами были сочувствие, нежность, покой — подделки под любовь. А его привлекало в ней ее безразличие, даже враждебность. Она попросила:

— Останься со мной на ночь.

— Разве я могу? Служанка узнает. А вдруг она расскажет Чарли?

— Я могу уйти от Чарли.

— Слишком рано об этом думать. Надо прежде его как-нибудь спасти.

— Конечно, но потом...

— Ты ведь только что о нем беспокоилась.

— Не о нем,— сказала она.— О себе. Когда он здесь, я ни о чем не могу разговаривать, только о ребенке. Ему хочется забыть, что сеньора Санчес вообще существует, поэтому я не могу видеться с подругами, ведь они все там работают. А что ему за радость от меня? Он со мной больше не бывает, боится, что это повредит ребенку. Как? Иногда меня так и тянет ему сказать: ведь все равно он не твой, чего ты так о нем заботишься?

— А ты уверена, что ребенок не его?

— Уверена. Может, если бы он о тебе узнал, он бы меня отпустил.

— А кто сюда недавно приходил?

— Два репортера.

— Ты с ними разговаривала?

— Они хотели, чтобы я обратилась с воззванием к похитителям — в защиту Чарли. Я не знала, что им сказать. Одного из них я видела раньше, он иногда меня брал, когда я жила у сеньоры Санчес. По-моему, он рассердился из-за ребенка. Наверное, про ребенка ему рассказал полковник Перес. Говорит, ребенок — вот еще новости! Он-то думал, что нравится мне больше других мужчин. Поэтому считает, что оскорблен его machismo. Такие, как он, всегда верят, когда ты представляешься. Это тешит их гордость. Он хотел показать своему приятелю-фотографу, что между нами что-то есть, но ведь ничего же нет! Ничего. Я разозлилась и заплакала, и они меня сняли на фото. Он сказал: «Хорошо! О'кей! Хорошо! Как раз то, что нам надо. Убитая горем жена и будущая мать». Он так сказал, а потом они уехали.

Причину ее слез было нелегко понять. Плакала ли она по Чарли, со злости или по себе самой?

— Ну и странный же ты зверек, Клара,— сказал он.

— Я сделала что-нибудь не так?

— Ты же сейчас опять разыгрывала комедию, правда?

— Что ты говоришь? Какую комедию?

— Когда мы с тобой занимались любовью.

— Да,— сказала она,— разыгрывала. А я всегда стараюсь делать то, что тебе нравится. Всегда стараюсь говорить то, что тебе нравится. Да. Как у сеньоры Санчес. Почему же нет? Ведь у тебя тоже есть твой machismo.

Он почти ей поверил. Ему хотелось верить. Если она говорит правду, все еще осталось что-то неизведанное, игра еще не кончена.

— Куда ты идешь?

— Я и так тут потратил чересчур много времени. Наверное, я все же как-то могу помочь Чарли.

— А мне? А как же я?

— Тебе лучше принять ванну,— сказал он.— А то твоя служанка по запаху догадается, чем мы занимались.

Глава II

Доктор Пларр поехал в город. Он твердил себе, что надо немедленно чем-то помочь Чарли, но не представлял себе, чем именно. Может, если он промолчит, дело будет улажено в обычном порядке: английский и американский послы окажут необходимое дипломатическое давление, Чарли Фортнума как-нибудь утром обнаружат в одной из церквей и он отправится домой... домой?.. а десять узников в Парагвае будут отпущены на свободу... не исключено, что среди них окажется и его отец. Что он может сделать кроме того, чтобы дать событиям идти своим ходом? Он ведь уже солгал полковнику Пересу, значит, он замешан в этом деле.

Конечно, чтобы облегчить совесть, можно обратиться с прочувствованной просьбой к Леону Ривасу отпустить Чарли Фортнума «во имя былой дружбы». Но Леон себе не хозяин, да к тому же доктор Пларр не очень хорошо себе представлял, как его найти. В квартале бедноты все топкие дороги похожи одна на другую, повсюду растут деревья авокадо, стоят одинаковые глинобитные или жестяные хижины и дети со вздутыми животами таскают канистры с водой. Они уставятся на него бессмысленными глазами, уже зараженными трахомой, и будут молчать в ответ на все его вопросы. Он потратит часы, если не дни, чтобы отыскать хижину, где прячут Чарли Фортнума, а что в любом случае даст его вмешательство? Он тщетно пытался уверить себя, что Леон не из тех, кто совершает убийства, да и Акуино тоже, но они только орудия — там ведь есть еще этот никому не известный Эль Тигре, кем бы он ни был.

Пларр впервые услышал об Эль Тигре вечером, когда шел мимо Леона и Акуино, сидевших рядышком в его приемной. Они были такими же для него посторонними, как и другие пациенты, и он на них даже не взглянул. Всеми, кто сидел в приемной, должна была заниматься его секретарша.

Секретаршей у него служила хорошенькая молодая девушка по имени Ана. Она была умопомрачительно деловита и к тому же дочь влиятельного чиновника из отдела здравоохранения. Доктор Пларр иногда недоумевал, почему его к ней не тянет. Может, его останавливал белый накрахмаленный халат, который она ввела в обиход по своей инициативе,— если до нее дотронешься, он, глядишь, заскрипит или хрустнет, а то и подаст сигнал полиции о налете грабителей. А может, его удерживало высокое положение отца или ее набожность — искренняя или напускная. Она всегда носила на шее золотой крестик, и однажды, проезжая через соборную площадь, он увидел, как она вместе со своей семьей выходит из церкви, неся молитвенник, переплетенный в белую кожу. Это мог быть подарок к первому причастию, так он был похож на засахаренный миндаль, который раздают в подобных случаях.

В тот вечер, когда к нему пришли на прием Леон и Акуино, он отпустил остальных больных, прежде чем очередь дошла до этих двух незнакомцев. Он их не помнил, ведь его внимания постоянно требовали все новые лица. Терпение и терапия — тесно связанные друг с другом слова. Секретарша подошла к нему, потрескивая крахмалом, и положила на стол листок.

— Они хотят пройти к вам вместе,— сказала она.

Пларр ставил на полку медицинский справочник, в который часто заглядывал при больных: пациенты почему-то больше доверяли врачу, если видели картинки в красках,— эту особенность человеческой психологии отлично усвоили американские издатели. Когда он повернулся, перед его столом стояли двое мужчин. Тот, что пониже, с торчащими ушами, спросил:

— Ведь ты же Эдуардо, верно?

— Леон! — воскликнул Пларр.— Ты Леон Ривас? — Они неловко обнялись. Пларр спросил: — Сколько же прошло лет?.. Я ничего о тебе не слышал с тех пор, как ты пригласил меня на свое рукоположение. И очень жалел, что не смог приехать на церемонию, для меня это было бы небезопасно.

— Да ведь с этим все равно покончено.

— Почему? Тебя прогнали?

— Во-первых, я женился. Архиепископу это не понравилось.

Доктор Пларр промолчал.

Леон Ривас сказал:

— Мне очень повезло. Она хорошая женщина.

— Поздравляю. Кто же в Парагвае отважился освятить твой брак?

— Мы дали обет друг другу. Ты же знаешь, в брачном обряде священник всего-навсего свидетель. В экстренном случае... а это был экстренный случай.

— Я и забыл, что бывает такой простой выход.

— Ну, можешь поверить, не так-то это было просто. Тут надо было все хорошенько обдумать. Наш брак более нерушим, чем церковный. А друга моего ты узнал?

— Нет... по-моему... нет...

Доктору Пларру захотелось содрать с лица другого жидкую бородку, тогда бы он наверное узнал кого-нибудь из школьников, с которыми много лет назад учился в Асунсьоне.

— Это Акуино.

— Акуино? Ну как же, конечно, Акуино! — Они снова обнялись, это было похоже на полковую церемонию: поцелуй в щеку и медаль, выданная за невозвратное прошлое в разоренной стране. Он спросил: — А ты что теперь делаешь? Ты же собирался стать писателем. Пишешь?

— В Парагвае больше не осталось писателей.

— Мы увидели твое имя на пакете в лавке у Грубера,— сообщил Леон.

— Он мне так и сказал, но я подумал, что вы полицейские агенты оттуда.

— Почему? За тобой следят?

— Не думаю.

— Мы ведь действительно пришли оттуда.

— У вас неприятности?

— Акуино был в тюрьме,— сказал Леон.

— Тебя выпустили?

— Ну, власти не так уж настаивали на моем уходе,— сказал Акуино.

— Нам повезло,— объяснил Леон.— Они перевозили его из одного полицейского участка в другой, и завязалась небольшая перестрелка, но убит был только тот

полицейский, которому мы обещали заплатить. Его случайно подстрелили их же люди. А мы ему дали только половину суммы в задаток, так что Акуино достался нам по дешевке.

— Вы хотите здесь поселиться?

— Нет, поселиться мы не хотим,— сказал Леон.— У нас тут есть дело. А потом мы вернемся к себе.

— Значит, вы пришли ко мне не как больные?

— Нет, мы не больные.

Доктор Пларр понимал всю опасность перехода через границу. Он встал и отворил дверь. Секретарша стояла в приемной возле картотеки. Она сунула одну карточку на место, потом положила другую. Крестик раскачивался при каждом движении, как кадильница. Доктор затворил дверь. Он сказал:

— Знаешь, Леон, я не интересуюсь политикой. Только медициной. Я не пошел в отца.

— А почему ты живешь здесь, а не в Буэнос-Айресе?

— В Буэнос-Айресе дела у меня шли неважно.

— Мы думали, тебе интересно знать, что с твоим отцом?

— А вы это знаете?

— Надеюсь, скоро сможем узнать.

Доктор Пларр сказал:

— Мне, пожалуй, лучше завести на вас истории болезни. Тебе, Леон, запишу низкое кровяное давление, малокровие... А тебе, Акуино, пожалуй, мочевой пузырь... Назначу на рентген. Моя секретарша захочет знать, какой я вам поставил диагноз.

— Мы думаем, что твой отец еще, может быть, жив,— сказал Леон.— Поэтому, естественно, вспомнили о тебе...

В дверь постучали, и в кабинет вошла секретарша.

— Я привела в порядок карточкн. Если вы разрешите, я теперь уйду...

— Возлюбленный дожидается?

Она ответила:

— Ведь сегодня суббота,— словно это должно было все ему объяснить.

— Знаю.

— Мне надо на исповедь.

— Ага, простите, Ана. Совсем забыл. Конечно, ступайте.— Его раздражало, что она не кажется ему привлекательной, поэтому он воспользовался случаем ее подразнить.— Помолитесь за меня,— сказал он.

Она пропустила его зубоскальство мимо ушей.

— Когда кончите осмотр, оставьте их карточки у меня на столе.

Платье ее захрустело, когда она выходила из комнаты, как крылья майского жука.

Доктор Пларр сказал:

— Сомневаюсь, чтобы ей долго пришлось исповедоваться.

— Те, кому не в чем каяться, всегда отнимают больше времени,— сказал Леон Ривас.— Хотят ублажить священника, подольше его занять. Убийца думает только об одном, поэтому забывает все остальное, может, грехи и почище. С ним мало возни.

— А ты все еще разговариваешь как священник. Почему ты женился?

— Я женился, когда утратил веру. Человеку надо что-то беречь.

— Не представляю себе тебя неверующим.

— Я говорю ведь только о вере в церковь. Или скорее в то, во что они ее превратили. Я, конечно, убежден, что когда-нибудь все станет лучше. Но я был рукоположен, когда папой был Иоанн[27]. У меня не хватает терпения ждать другого Иоанна.

— Перед тем, как идти в священники, ты собирался стать abogado. А кто ты сейчас?

— Преступник,— сказал Леон.

— Шутишь.

— Нет. Поэтому я к тебе и пришел. Нам нужна твоя помощь.

— Хотите ограбить банк? — спросил доктор.

[27] Иоанн XXIII (1881—1963), избран папой в 1958 году. Проводил курс на мирное сосуществование стран с различным строем.

Глядя на эти торчащие уши и после всего, что он о нем узнал, Пларр не мог принимать Леона всерьез.

— Ограбить посольство, так, пожалуй, будет вернее.

— Но я же не преступник, Леон.— И тут же поправился: — Если не считать парочки абортов.— Ему хотелось поглядеть, не дрогнет ли священник, но тот и глазом не моргнул.

— Дурно устроенное общество,— сказал Леон Ривас,— и честных людей превратит в преступников.

Фраза прозвучала чересчур гладко. Видно, это была хорошо известная цитата. Доктор Пларр вспомнил, что Леон сперва изучал книги по юриспруденции,— как-то раз он ему объяснил, что такое гражданское правонарушение. Потом на смену им пошли труды по теологии. Леон умел при помощи высшей математики придать достоверность даже троице. Наверное, и в его новой жизни тоже есть свои учебники. Может быть, он цитирует Маркса?

— Новый американский посол собирается в ноябре посетить север страны,— сказал Леон.— У тебя есть связи, Эдуардо. Все, что нам требуется,— это точный распорядок его визита.

— Я не буду соучастником убийства.

— Никакого убийства не будет. Убийство нам ни к чему. Акуино, расскажи, как они с тобой обращались.

— Очень просто,— сказал Акуино.— Совсем несовременно. Без всяких электрических штук. Как conquistadores [28], обходились ножом...

Доктора Пларра мутило, когда он его слушал. Он был свидетелем многих неприятных смертей, но почему-то переносил их спокойнее. Можно было что-то сделать, чем-то помочь. Его тошнило от этого рассказа, как когда-то, когда много лет назад он анатомировал мертвеца с учебной целью. Только когда имеешь дело с живой плотью, не теряешь любопытства и надежды. Он спросил:

— И ты им ничего не сказал?

— Конечно, сказал,— ответил Акуино.— У них все это занесено в картотеку. Сектор ЦРУ по борьбе с партизанами остался мною очень доволен. Там были два их агента, и они дали мне три пачки «Лаки страйк». По пачке за каждого человека, которого я выдал.

— Покажи ему руку, Акуино,— сказал Леон.

Акуино положил правую руку на стол, как пациент, пришедший к врачу за советом. На ней не хватало трех пальцев; рука без них выглядела как нечто вытащенное сетью из реки, где разбойничали угри. Акуино сказал:

— Вот почему я начал писать стихи. Когда у тебя только левая рука, от стихов не так устаешь, как от прозы. К тому же их можно запомнить наизусть. Мне разрешали свидание раз в три месяца (это еще одна награда, которую я заслужил), и я читал ей свои стихи.

— Хорошие были стихи,— сказал Леон.— Для начинающего. Что-то вроде «Чистилища» в стиле villancico [29].

— Сколько тут вас? — спросил доктор Пларр.

— Границу перешло человек двенадцать не считая Эль Тигре. Он уже находится в Аргентине.

— А кто он такой, ваш Эль Тигре?

— Тот, кто отдает приказания. Мы его так прозвали, но это просто ласковая кличка. Он любит носить полосатые рубашки.

— Безумная затея, Леон.

— Такие вещи уже проделывали.

— Зачем похищать здешнего американского посла, а не того, что у вас в Асунсьоне?

— Сперва мы так и задумали. Но Генерал принимает большие предосторожности. А здесь, сам знаешь, после провала в Сальте гораздо меньше опасаются партизан.

— Но тут вы все же в чужой стране.

— Наша страна — Южная Америка, Эдуардо. Не Парагвай. И не Аргентина.

---

[28] Конкистадоры *(исп.)*.

[29] Старинные испанские народные песни, нечто вроде рождественских колядок *(исп.)*.

Знаешь, что сказал Че Гевара? «Моя родина — весь континент». А ты кто? Англичанин или южноамериканец?

Доктор Пларр и сейчас помнил этот вопрос, но, проезжая мимо белой тюрьмы в готическом стиле при въезде в город, которая всегда напоминала ему сахарные украшения на свадебном торте, по-прежнему не смог бы на него ответить. Он говорил себе, что Леон Ривас — священник, а не убийца. А кто такой Акуино? Акуино — поэт. Ему было бы гораздо легче поверить, что Чарли Фортнуму не грозит гибель, если бы он не видел, как тот в беспамятстве лежит на ящике такой странной формы, что он мог оказаться и гробом.

Глава III

Чарли Фортнум очнулся с такой жестокой головной болью, какой он у себя еще не помнил. Глаза резало, и все вокруг он видел как в тумане. Он прошептал: «Клара» — и протянул руку, чтобы до нее дотронуться, но наткнулся на глинобитную стену. Тогда в его сознании возник доктор Пларр, который ночью стоял над ним, светя электрическим фонариком. Доктор рассказывал ему какую-то чушь о якобы происшедшем с ним несчастном случае.

Сейчас был уже день. В щель под дверью в соседнюю комнату, падая на пол, пробивался солнечный свет, и, несмотря на резь в глазах, он видел, что это не больница. Да и жесткий ящик, на котором он лежал, не был похож на больничную койку. Он спустил ноги и попытался встать. Голова закружилась, и он чуть не упал. Схватившись за край ящика, он обнаружил, что всю ночь пролежал на перевернутом гробе. Это, как он любил выражаться, просто его огорошило.

— Тед! — позвал он.

Доктора Пларра он не представлял себе способным на розыгрыши, но тут требовались объяснения, и ему хотелось поскорее назад, к Кларе. Клара перепугается. Клара не будет знать, что делать. Господи, она ведь боится даже позвонить по телефону.

— Тед! — прохрипел он снова.

Виски еще никогда на него так не действовало, даже местное пойло. С кем же, дьявол его побери, он пил и где? Мейсон, сказал он себе, а ну-ка, не распускайся. Он всегда сваливал на Мейсона худшие свои ошибки и недостатки. В детстве, когда он еще ходил на исповедь, это Мейсон вставал на колени в исповедальне и бормотал заученные фразы о плотских прегрешениях, но из кабинки выходил уже не он, а Чарли Фортнум, после того как Мейсону были отпущены его грехи, и лицо его сияло блаженством.

— Мейсон, Мейсон,— шептал он теперь,— ах ты сопляк несчастный, что же ты вчера вытворял?

Он знал, что, выпив лишнее, способен забыть, что с ним было, но до такой степени все забыть ему еще не приходилось... Спотыкаясь, он шагнул к двери и в третий раз окликнул доктора Пларра.

Дверь толчком распахнулась, и оттуда появился какой-то незнакомец, помахивая автоматом. У него были узкие глаза, угольно-черные волосы, как у индейца, и он закричал на Фортнума на гуарани. Фортнум, несмотря на сердитые уговоры отца, удосужился выучить всего несколько слов на гуарани, но тем не менее понял, что человек приказывает ему снова лечь на так называемую кровать.

— Ладно, ладно,— сказал по-английски Фортнум — незнакомец так же не мог его понять, как он гуарани.— Не кипятись, старик.— Он с облегчением сел на гроб и сказал: — Ну-ка, мотай отсюда.

В комнату вошел другой незнакомец, голый до пояса, в синих джинсах, и приказал индейцу выйти. Он внес чашку кофе. Кофе пах домом, и у Чарли Фортнума стало полегче на душе. У человека торчали уши, и Чарли припомнился соученик по школе, которого Мейсон за это безбожно дразнил, хотя Фортнум потом раскаивался и отдавал жертве половину своей шоколадки. Воспоминание вселило в него уверенность. Он спросил:

— Где я?

— Все в порядке, успокойтесь,— ответил тот и протянул ему кофе.

— Мне надо поскорей домой. Жена будет волноваться.

— Завтра. Надеюсь, завтра вы сможете уехать.

— А кто тот человек с автоматом?

— Мигель. Он человек хороший. Пожалуйста, пейте кофе. Вы почувствуете себя лучше.

— А как вас зовут? — спросил Чарли Фортнум.

— Леон.

— Я спрашиваю, как ваша фамилия?

— Тут у нас ни у кого нет фамилий, поэтому мы люди без роду, без племени.

Чарли Фортнум попытался разжевать это сообщение, как непонятную фразу в книге; но и прочтя ее вторично, так ничего и не понял.

— Вчера вечером здесь был доктор Пларр,— сказал он.

— Пларр? Пларр? По-моему, я никого по имени Пларр не знаю.

— Он мне сказал, что я попал в аварию.

— Это сказал вам я.

— Нет, не вы. Я его видел. У него в руках был электрический фонарь.

— Он вам приснился. Вы пережили шок... Ваша машина серьезно повреждена. Выпейте кофе, прошу вас... Может, тогда вы вспомните все, что было, яснее.

Чарли Фортнум послушался. Кофе был очень крепкий, и в голове у него действительно прояснилось. Он спросил:

— А где посол?

— Я не знаю ни о каком после.

— Я оставил его в развалинах. Хотел повидать жену до обеда. Убедиться, что она хорошо себя чувствует. Я не люблю ее надолго оставлять. Она ждет ребенка.

— Да? Для вас это, наверное, большая радость. Хорошо быть отцом.

— Теперь вспоминаю. Поперек дороги стояла машина. Мне пришлось остановиться. Никакой аварии не было. Я уверен, что никакой аварии не было. А зачем автомат? — Рука его слегка дрожала, когда он подносил ко рту кофе.— Я хочу домой.

— Пешком отсюда слишком далеко. Вы для этого еще недостаточно окрепли. А потом вы же не знаете дороги.

— Дорогу я найду. Могу остановить любую машину.

— Лучше вам сегодня отдохнуть. После перенесенного удара. Завтра мы, может, найдем для вас какое-нибудь средство передвижения. Сегодня это невозможно.

Фортнум плеснул остаток своего кофе ему в лицо и кинулся в другую комнату. Там он остановился. В десятке шагов от него, у выходной двери стоял индеец, направив автомат ему в живот. Темные глаза блестели от удовольствия — он водил автоматом то туда, то сюда, словно выбирал место между пупком и аппендиксом. Он сказал что-то забавное на гуарани.

Человек по имени Леон вышел из задней комнаты.

— Видите? — сказал он.— Я же вам говорил. Сегодня уехать вам не удастся.— Одна щека у него была красная от горячего кофе, но говорил он мягко, без малейшего гнева. У него было терпение человека, больше привыкшего выносить боль, чем причинять ее другим.

— Вы, наверное, проголодались, сеньор Фортнум. Если хотите, у нас есть яйца.

— Вы знаете, кто я такой?

— Да, конечно. Вы — британский консул.

— Что вы собираетесь со мной делать?

— Вам придется какое-то время побыть у нас. Поверьте, мы вам не враги, сеньор Фортнум. Вы нам поможете избавить невинных людей от тюрьмы и пыток. Наш человек в Росарио уже позвонил в «Насьон» и сказал, что вы находитесь у нас.

Чарли Фортнум начал кое-что понимать.

— Ага, вы, как видно, по ошибке схватили не того, кого надо? Вам нужен был американский посол?

— Да, произошла досадная ошибка.

— Роковая ошибка. Никто не станет морочить себе голову из-за Чарли Фортнума. А что вы тогда будете делать?

Человек сказал:

— Уверен, что вы ошибаетесь. Вот увидите. Все будет в порядке. Английский посол переговорит с президентом. Президент поговорит с Генералом. Он сейчас тут, в Аргентине, отдыхает. Вмешается и американский посол. Мы ведь всего-навсего просим Генерала выпустить нескольких человек. Все было бы так просто, если бы один из наших людей не совершил ошибки.

— Вас подвели неверные сведения, правда? С послом ехали двое полицейских. И его секретарь. Поэтому мне не нашлось места в его машине.

— Мы бы с ними справились.

— Ладно. Давайте ваши яйца,— сказал Чарли Фортнум,— но скажите этому Мигелю, чтобы он убрал свой автомат. Портит мне аппетит.

Человек по имени Леон опустился на колени перед маленькой спиртовкой, стоявшей на глиняном полу, и стал возиться со спичками, сковородой и кусочком топленого сала.

— Я бы выпил виски, если оно у вас есть.

— Прошу извинить. У нас нет никакого алкоголя.

На сковороде запузырилось сало.

— Вас ведь зовут Леон, а?

— Да.— Человек разбил о край сковороды одно за другим два яйца. Когда он держал половинки скорлупы над сковородой, пальцы его чем-то напомнили Фортнуму жест священника у алтаря, ломающего облатку над потиром.

— А что вы будете делать, если они откажутся?

— Я молю бога, чтобы они согласились,— сказал человек на коленях.— Надеюсь, что они согласятся.

— Тогда и я надеюсь, что бог вас услышит,— сказал Чарли Фортнум.— Не пережарьте яичницу.

Ближе к вечеру Чарли Фортнум услышал о себе официальное сообщение. Леон в полдень включил портативный приемник, но батарейка отказала посреди передачи индейской музыки, а запасной у него не было. Молодой человек с бородкой, которого Леон звал Акуино, пошел за батарейками в город. Его долго не было. С базара пришла женщина, принесла продукты и сварила им еду — овощной суп с несколькими кусочками мяса. Она стала энергично наводить в хижине порядок, поднимая пыль в одном углу, после чего та сразу же оседала в другом. У нее была копна нечесаных черных волос и бородавка на лице, к Леону она обращалась с угодливой фамильярностью. Он звал ее Мартой.

Смущаясь присутствием женщины, Чарли Фортнум признался, что ему нужно в уборную. Леон приказал индейцу отвести его на двор в кабинку за хижиной. На двери уборной не хватало петли, и она не затворялась, а внутри была лишь глубокая яма, на которую набросили парочку досок. Когда он оттуда вышел, индеец сидел в нескольких шагах и поигрывал автоматом, нацеливаясь то в дерево, то в пролетающую птицу, то в бродячую дворнягу. Сквозь деревья Чарли Фортнум разглядел другую хижину, еще более жалкую, чем та, куда он возвращался. Он подумал, не побежать ли туда за помощью, но не сомневался, что индеец будет только рад пустить оружие в ход. Вернувшись, он сказал Леону:

— Если вы сможете достать парочку бутылок виски, я за них заплачу.

Кошелек его, как он заметил, никто и не думал красть, и он вынул оттуда нужную сумму.

Леон передал деньги Марте.

— Придется потерпеть, сеньор Фортнум,— сказал он.— Акуино еще не вернулся. А пока он не придет, никто из нас уйти не может. Да и до города не близко.

— Я заплачу за такси.

— Боюсь, что ничего не выйдет. Тут нет такси.

Индеец снова сел на корточки у двери.

— Я немного посплю,— сказал Фортнум.— Вы мне вкатили сильное снотворное.

Он пошел в заднюю комнату, растянулся на гробе и попытался уснуть, но мысли мешали ему спать. Его беспокоило, как Клара управляется в его отсутствие. Он ни разу не оставлял ее на целую ночь одну. Чарли ничего не смыслил в деторождении, но боялся, что потрясение или даже беспокойство могут дурно отразиться на еще не родившемся ребенке. После женитьбы на Кларе он даже пытался поменьше пить — если не считать той первой брачной ночи с виски и шампанским в отеле «Италия» в Росарио, когда они впервые могли остаться наедине без помехи; отель был старомодный, и там приятно пахло давно осевшей пылью, как в старинных книгохранилищах.

Он остановился там потому, что боялся, как бы Клару не испугал отель «Ривьера» — новый, роскошный, с кондиционерами. Ему надо было выправить кое-какие бумаги в консульстве на Санта-Фе, 9-39 (он запомнил номер, потому что это была цифра

месяца и года его первого брака), бумаги, которые, если поступит запрос, докажут, что никаких препятствий к его второму браку не существует; не одна неделя прошла, прежде чем он получил копию свидетельства о смерти Эвелин из маленького городка Айдахо. К тому же в сейфе консульства он оставил в запечатанном конверте свое завещание. Консулом тут был симпатичный человек средних лет. Почему-то речь у них зашла о лошадях, и они с Чарли Фортнумом сразу нашли общий язык. После гражданской и религиозной церемоний консул пригласил молодоженов к себе и откупорил бутылку настоящего французского шампанского. Эта скромная выпивка среди канцелярских шкафов выгодно отличалась от приема в Айдахо после его первой женитьбы. Он с ужасом вспоминал белый торт и родственников жены в темных костюмах и даже с крахмальными воротничками, хотя брак был гражданский и в Аргентине его бы вообще не считали за брак. Вернувшись домой, они с женой вели себя осторожно и никому об этом не рассказывали. Венчаться по католическому обряду жена не пожелала из-за своих убеждений. Она состояла в секте христианской науки. К тому же гражданский брак ставил под угрозу ее наследные права, что тоже было унизительно. Чарли хотел, чтобы положение Клары было надежным: второй его брак должен был покоиться на прочном фундаменте.

Через какое-то время он погрузился в глубокий сон без всяких сновидений, разбудило его радио из соседней комнаты, которое то и дело повторяло его имя: сеньор Карлос Фортнум. «Полиция,— сообщал диктор,— считает, что его, вероятно, увезли в Росарио, было установлено, что телефонный звонок в «Насьон» был оттуда». В городе с более чем полумиллионным населением нельзя произвести повальные обыски, а похитители дали властям только четыре дня на удовлетворение предъявленных ими требований. Чарли Фортнум подумал, что один из этих четырех дней уже прошел; Клара, конечно, слушает передачу, но, слава богу, рядом с ней Тед, он ее успокоит. Тед знает, что произошло. Тед к ней поедет. Тед уж как-нибудь постарается, чтобы она не волновалась. Тед скажет ей, что даже если его убьют, ей нечего опасаться. Она так страшилась своего прошлого; он это видел по тому, что она никогда о нем не поминала. Это и было одной из причин, почему он на ней женился; он хотел ее убедить, что ей никогда и ни при каких обстоятельствах не придется вернуться назад к матушке Санчес. Он даже чересчур рьяно о ней заботился, как неуклюжий долдон, которому доверили нечто ему не принадлежащее и очень хрупкое. Его донимал постоянный страх, как бы не нарушить ее душевный покой. По радио заговорили об аргентинской футбольной команде, разъезжавшей по Европе.

— Леон! — позвал он.

Маленький человек с ушами, как у летучей мыши, и внимательным взглядом хорошего слуги заглянул в дверь. Он сказал:

— Долго же вы спали, сеньор Фортнум. Это очень хорошо.

— Я слышал радио, Леон.

— Ах да,— в руке Леон нес стакан, под мышками у него торчали две бутылки виски.— Жена принесла из города две бутылки,— сказал он и, с гордостью их показав (марка виски была аргентинская), тщательно отсчитал сдачу.— Вы только успокойтесь. Через несколько дней все будет кончено.

— В том смысле, что меня прикончат? Дайте-ка мне виски.

Он налил треть стакана и выпил.

— Уверен, еще сегодня сообщат, что они приняли наши условия. И тогда завтра вечером вы сможете отправиться домой.

Чарли Фортнум налил себе еще порцию виски.

— Вы чересчур много пьете,— заботливо упрекнул его человек, которого звали Леон.

— Нет. Я свою норму знаю. А тут главное знать свою норму. Как ваша фамилия, Леон?

— Я же вам говорил, что у меня нет фамилии.

— Но духовный сан-то у вас есть? Скажите, что вы делаете в этой компании, отец Леон?

Он мог поклясться, что уши у того дрогнули, как у пса, услышавшего знакомый окрик: только слово «отец» заменило «гулять» или «кошка».

— Вы ошибаетесь. Вы же видели мою жену, Марту. Она принесла вам виски.

— Но священник всегда остается священником, отец мой. Я вас разгадал, когда вы разбивали над сковородкой яйца. Так и вижу вас возле алтаря.

— Вы это придумали, сеньор Фортнум.

— Да, но что придумали вы? За посла вы могли бы получить хороший выкуп, а за меня — шиш. Никто за меня и песо не даст, кроме моей жены. Странно, если священник станет убийцей, но, вероятно, для этой работы вы найдете кого-нибудь другого.

— Нет,— с глубочайшей серьезностью возразил Леон,— если не дай бог до этого дело дойдет, я возьму все на себя. Вину ни на кого перекладывать не буду.

— Тогда мне лучше оставить вам немного виски. Рекомендую прежде выпить глоток... через сколько дней они сказали, кажется, через три?

Собеседник отвел глаза. Вид у него был испуганный. Шаркая, он сделал два шага к двери, словно отходил от алтаря и боялся наступить на подол слишком длинного облачения.

— Посидели бы вы, поболтали со мной,— сказал Чарли Фортнум.— Я больше боюсь, когда один. Вам мне признаться не стыдно. Если нельзя сказать священнику, кому же тогда можно? А вот тот индеец... Он глазеет на меня и улыбается. Ему охота убивать.

— Ошибаетесь, сеньор Фортнум. Мигель человек хороший. Он просто не понимает по-испански и улыбается, чтобы показать, как он хорошо к вам относится. Попытайтесь еще поспать.

— Хватит, выспался. Мне хочется с вами поговорить.

Человек развел руками, и Чарли Фортнум представил себе его в церкви делающим ритуальные жесты.

— У меня много дел.

— А я ведь могу вас удержать, если захочу.

— Нет, нет! Мне необходимо уйти.

— Могу вас удержать. Запросто. Знаю как.

— Обещаю, что скоро вернусь.

— Чтобы вас удержать, мне ведь только надо сказать: отец мой, я хочу исповедаться.

Человек застрял в пролете двери спиной к нему. Его большие уши торчали, как детские ручки над церковной кружкой.

— С тех пор как я в последний раз исповедался, отец...

Человек обернулся и сердито сказал:

— Такими вещами не шутят. Если вы будете шутить, я вас слушать не стану...

— Да это вовсе не шутки, отец мой. И не в том я положении, чтобы шутить по какому бы то ни было поводу. Право же, когда человек вот-вот умрет, ему есть в чем покаяться.

— Я лишен своего сана,— упрямо возразил его собеседник.— Если вы действительно католик, то должны понимать, что это значит.

— Я, кажется, лучше вас знаю правила, отец мой. При чрезвычайных обстоятельствах, если под рукой нет другого священника — а ведь тут его нет, правда? — соблюдать формальности не нужно. Ваши люди ведь не позволят никого сюда привести...

— Никаких чрезвычайных обстоятельств пока что нет.

— Все равно времени осталось немного... и если я прошу...

Этот человек снова напомнил ему собаку, собаку, которую обругали, а за что, она и сама толком не понимала.

— Сеньор Фортнум, поверьте мне,— взмолился он,— чрезвычайных обстоятельств не будет... и вам никогда не понадобится...

— «Господи, прости нам грехи наши» — так, кажется, полагается начать? Черт-те сколько времени прошло... За последние сорок лет я только раз был в церкви... не так давно, когда женился. Но на исповедь не ходил, вот уж чего не было! Чересчур много надо на это времени, нехорошо заставлять даму ждать.

— Прошу вас, сеньор Фортнум, не смейтесь надо мной!

— Да я не над вами смеюсь, отец мой. Может, немножко смеюсь над собой. Пока действует виски, еще могу.— Он добавил: — Смешно ведь, если вдуматься: «Ныне к вам прибегаю, да избавите душу мою от муки вечные...» Ведь такова, кажется, формула? А у вас все время револьвер наготове. Вам не кажется, что нам лучше начать сейчас? Пока револьвер не заряжен. У меня столько накопилось на душе.

— Я не буду вас слушать.— Он поднял руки к своим оттопыренным ушам. Уши прижались к черепу и тут же отскочили обратно.

Чарли Фортнум его успокоил:

— Да не переживайте, ладно вам. Я же несерьезно. И какое это имеет значение?

— В каком смысле?

— Я ведь, отец мой, ни во что не верю. И не стал бы венчаться в церкви, если бы не законы эти. Вопрос был в деньгах. Для моей жены. А из каких побуждений вы-то женились? — Он быстро поправился: — Извините. Я не имел права это спрашивать.

Но человечек, по-видимому, не рассердился. Вопрос даже чем-то, казалось, его заинтересовал. Он медленно пересек комнату, приоткрыв рот, как умирающий с голоду, который тянется к куску хлеба. В уголках рта скопилось немного слюны. Он подошел и присел на корточки возле гроба. А потом тихо произнес (можно было подумать, что он сам стоит на коленях в исповедальне):

— Думаю, что от злости и одиночества, сеньор Фортнум. Я не хотел причинить вред этой бедной женщине.

— Одиночество — это мне понятно,— сказал Чарли Фортнум.— И я от него страдал. Но при чем тут злость? На кого вы были злы?

— На церковь,— сказал тот и добавил с насмешкой: — На матерь мою церковь.

— Я бывал зол на своего отца. Мне казалось, он меня не понимает и на меня плюет. Я его ненавидел. И тем не менее мне стало очень тоскливо, когда он умер. А теперь...— и он поднял свой стакан,— я ему даже подражаю. Хотя пил он больше, чем я. Все равно отец есть отец, но я не понимаю, как можно питать злобу к матери нашей церкви. Я бы никогда не мог разозлиться на учреждение, хоть и самое дерьмовое.

— Она ведь ипостась,— сказал тот,— утверждают, что она — ипостась Христа на земле, я даже и сейчас немножко в это верю. Такой человек, как вы,— un Inglés [30] — не может понять, как мне было стыдно того, что они заставляли меня читать людям. Я был священником в бедном районе Асунсьона возле реки. Вы заметили, что беднота всегда теснится поближе к реке? Все равно как если бы они собирались в один прекрасный день куда-то уплыть, но плавать не умеют, да и плыть-то им некуда. По воскресеньям я должен был читать им из Евангелия.

Чарли Фортнум слушал его без особого сочувствия, но с весьма хитрым прицелом. Жизнь его зависела от этого человека, и ему было крайне необходимо знать, что им движет. Может быть, ему удастся затронуть какую-то струну взаимопонимания. Человек говорил без умолку, словно жаждущий, который никак не может напиться. Вероятно, ему уже давно не удавалось высказываться начистоту, видно, он только и мог выговориться перед человеком, который все равно умрет и запомнит из того, что он сказал, не больше, чем священник в исповедальне. Чарли Фортнум спросил:

— А чем плохо Евангелие, отец мой?

— Бессмыслица,— сказал бывший священник,— во всяком случае, в Парагвае. «Продай имение твое и раздай нищим» [31],— я должен был им это читать, в то время как тогдашний наш старый архиепископ ел вкусную рыбу из Игуазу и пил французское вино с Генералом. Народ, правда, не подыхал с голоду, ему можно не дать умереть, кормя одной маниокой, а для богачей наше недоедание куда безопаснее голода. Настоящий голод доводит человека до отчаяния. А недоедание так ослабляет, что он не в силах поднять кулак. Американцы отлично это понимают, помощь, которую они нам оказывают, как раз и обеспечивает это состояние. Наш народ не подыхает, он чахнет. Слова «Пустите детей приходить ко мне... ибо таковых есть Царствие Божие» [32] застывали у меня на языке. Вот передо мной в передних рядах сидят эти дети со вздутыми животами и пупками, торчащими, как дверные ручки. «А кто соблазнит малых сих, лучше было бы, если бы...» [33]. «И отдашь голодному» [34]... Что отдашь? Маниоку? А потом я делил между ними облатки, хоть они и не такие питательные, как хорошая лепешка, а вино пил сам. Вино! Кто из этих несчастных когда-нибудь его пробовал? Почему нельзя причащаться водой? Он же причащал

[30] Англичанин *(исп.)*.
[31] Евангелие от Матфея 19:21.
[32] Евангелие от Луки 18:16.
[33] Евангелие от Матфея 18:6.
[34] Книга пророка Исайи 58:10.

ею в Кане Галилейской. А разве во время тайной вечери не стоял кувшин с водой, которую он мог бы пить вместо вина?

К изумлению Чарли Фортнума его собачьи глаза заблестели непролитыми слезами.

— Только не думайте,— говорил он,— что все такие плохие христиане, как я. Иезуиты делают все, что могут. Но за ними следит полиция. Телефоны их прослушиваются. Если кто-то из них внушает опасение, его живо переправляют за реку. Но не убивают. Янки будут недовольны, если убьют священника, да ведь и не так уж мы опасны. Я как-то в проповеди упомянул об отце Торресе, которого застрелили вместе с партизанами в Колумбии. Только сказал, что не в пример Содому в церкви может найтись хоть один праведник, поэтому ей и не грозит такая участь, как Содому. Полиция донесла об этом архиепископу, и архиепископ запретил мне читать проповеди. Ну что ж, бедняга был уж очень стар, Генералу он нравился, и тот, наверное, думал, что поступает правильно, отдавая кесарю кесарево...

— Все это не моего ума дело, отец,— сказал Чарли Фортнум; приподнявшись на локте, он смотрел вниз на темные волосы, где еще проглядывала былая тонзура, как доисторическое капище в поле, если на него смотреть с самолета. Он вставлял слова «отец мой» при малейшей возможности; его почему-то это ободряло. Отцы обычно не убивают своих сыновей, хотя с Авраамом это чуть было не произошло.— Но я же ни в чем не виноват, отец мой.

— Да я вас и не виню, сеньор Фортнум, боже избави.

— Я понимаю, с вашей точки зрения похищение американского посла вполне оправдано. Но я... я ведь даже не настоящий консул, да англичан эта ваша борьба и не касается.

Священник рассеянно пробормотал избитую фразу:

— Сказано, что один человек должен пострадать за всех людей...

— Но это сказали не христиане, а те, кто распинал Христа.

Священник поднял на него глаза:

— Да, вы правы. Я это привел не подумав. Вы, оказывается, знаете священное писание.

— Не читал его с самого детства. Но такие вещи западают в память. Как Struwwelpeter [35].

— Кто-кто?

— Ну, ему еще большие пальцы отрезали.

— Никогда о нем не слышал. Он что, ваш мученик?

— Нет, нет. Это из детской книжки, отец мой.

— У вас есть дети? — резко спросил священник.

— Нет, но я же вам говорил. Через несколько месяцев у меня должен родиться ребенок. Уже здорово брыкается.

— Да, вспомнил.— И добавил: — Не беспокойтесь, скоро вы будете дома.— Эта фраза словно была обведена частоколом вопросительных знаков, и он хотел, чтобы пленник, согласившись, ободрил его самого: «Да, конечно. Само собой».

Однако Чарли Фортнум не пожелал играть в эту игру.

— А к чему этот гроб, отец мой? По-моему, в этом есть что-то упадочное.

— На земле спать чересчур сыро, даже если что-нибудь постелить. Мы не хотели, чтобы вы заболели ревматизмом.

— Что же, это очень гуманно, отец мой.

— Мы же не варвары. Тут в квартале есть человек, который делает гробы. Вот мы и купили у него один. Это безопаснее, чем покупать кровать... В квартале на гробы куда больший спрос, чем на кровати. Гроб ни у кого не вызовет интереса.

— И, верно, подумали, что потом он пригодится, чтобы сунуть туда труп?

— Клянусь, этого у нас и в мыслях не было. Но доставать кровать было бы опасно.

— Что ж, пожалуй, я еще немножко выпью. Выпейте со мной, отец мой.

— Нет. Понимаете, я дежурю. Мне надо вас сторожить.— Он робко улыбнулся.

— Ну, с вами было бы нетрудно совладать. Даже такому старику, как я.

— Дежурят у нас всегда двое,— пояснил священник.— Снаружи Мигель с автоматом. Это приказ Эль Тигре. И еще потому, что одного можно уговорить. Или

[35] Персонаж сказки немецкого писателя Генриха Гофмана (1809—1894), нечто вроде нашего Степки-растрепки.

даже подкупить. Все мы только люди. Кто из нас выбрал бы такую жизнь по своей воле?

— Индеец не говорит по-испански?

— Нет, и это тоже хорошо.

— Вы не возражаете, если я немного разомнусь?

— Пожалуйста.

Чарли Фортнум подошел к двери и проверил, правду ли говорит священник. Индеец сидел у двери на корточках, положив на колени автомат. Он заговорщицки улыбнулся Фортнуму, словно оба они знали что-то смешное. И почти неприметно передвинул свой автомат.

— А вы говорите на гуарани, отец мой?

— Да. Я когда-то вел службу на гуарани.

Несколько минут назад между ними возникла близость, симпатия, даже дружба, но все это улетучилось. Когда исповедь окончена, оба — и священник и кающийся — остаются в одиночестве. И если встретятся в церкви, оба сделают вид, будто не знакомы друг с другом. Казалось, что это кающийся стоит сейчас возле гроба, глядя на часы. Чарли Фортнум подумал: он высчитывает, сколько часов еще осталось.

— Может, передумаете и выпьете со мной, отец?

— Нет. Нет, спасибо. Может, когда все кончится...— Он добавил: — Он запаздывает. Мне уже давно пора было уйти.

— Кто это «он»?

Священник сердито ответил:

— Я же вам сказал, что у таких, как мы, нет имени.

Темнело, и в проходной комнате, где были закрыты ставни, кто-то зажег свечу. Дверь к нему они оставили открытой, и ему был виден индеец, сидевший с автоматом у порога. Интересно, подумал Чарли, когда настанет его черед спать. Человек по имени Леон давно ушел. Тут был еще и негр, которого он раньше не замечал. Если бы у меня был нож, подумал он, смог бы я проделать в стене дыру, чтобы сбежать?

Человек, которого звали Акуино, внес свечу, держа ее в левой руке. Чарли Фортнум заметил, что правую руку он не вынимает из кармана джинсов. Может, он держит там револьвер... или нож...

Он снова стал обдумывать свой явно безнадежный план пробуравить дырку в глинобитной стене. Но в немыслимом положении только и остается что искать немыслимый выход.

— Где отец? — спросил он.

— У него дела в городе, сеньор Фортнум.

Он заметил, что все они обращаются с ним крайне вежливо, словно пытаясь его заверить, будто «во всей этой истории нет ничего личного. Когда она кончится, мы сможем остаться друзьями». Но не исключено, что это обычная вежливость, которую, как говорят, тюремный надзиратель проявляет перед казнью даже к самому отпетому убийце. Люди так же почтительно относятся к смерти, как к знатному незнакомцу, приехавшему в город, пусть даже визит его вовсе некстати.

Он сказал:

— Я так хочу есть, что, кажется, съел бы вола.

Это было неправдой, но вдруг они так глупы, что дадут ему нож? У него создалось впечатление, что он попал в руки не к профессионалам, а к любителям.

— Потерпите немного, сеньор Фортнум,— сказал Акуино.— Мы ждем Марту. Она обещала сварить похлебку. Готовит она не очень вкусно, но если бы вы посидели в тюрьме, как я...

Он подумал: ага, похлебку. Значит, мне снова дадут только ложку.

— Тут осталось немного виски,— сказал он.— Может, выпьете со мной?

Акуино сказал:

— Нам пить не полагается.

— Капельку, за компанию.

— Ну разве что совсем капельку. Закушу луковицей, Марта принесла их для похлебки. Лук отобьет запах. Огорчать Леона не хочется. Он человек воздержанный, ему так положено, но мы-то, слава богу, не священники. Вы мне слишком много налили,— запротестовал он.

— Много? Да всего половину того, что налил себе. Salud[36].

— Salud.

Он заметил что Акуино так и не вынул правую руку из кармана.

— А вы кто, Акуино?

— В каком смысле кто?

— Вы рабочий?

— Я преступник,— с гордостью сказал Акуино.— Мы все преступники.

— Это ваше постоянное занятие? — Фортнум поднял стакан, и Акуино последовал его примеру.— Но ведь не с этого же вы начинали?

— Ну, я, как и все, ходил в школу. Нас там учили священники. Они были хорошие люди, и школа была хорошая. Леон там тоже учился, он хотел стать адвокатом. А я — писателем. Но ведь и писателю надо на что-то жить, поэтому я стал торговать — продавал на улице американские сигареты. Контрабандные из Панамы. И хорошо зарабатывал... Даже мог позволить себе снять комнату еще с тремя парнями, и у нас хватало денег на чипа. От них здорово толстеешь. Они куда питательнее маниокн.

— У меня за городом именье,— сказал Чарли Фортнум.— Мне был бы очень кстати новый capataz. Вы человек образованный. Вам было бы легко обучиться этому делу.

— Ну, теперь у меня другая работа,— с гордостью заявил Акуино.— Я же вам сказал, что я преступник. И поэт.

— Поэт?

— В школе Леон помогал мне писать. Сказал, что у меня талант; но вот как-то раз в Асунсьоне я послал статью с критикой янки в газету. У нас в стране Генерал запрещает что-нибудь печатать против янки, и после этого они не стали даже читать те статьи, что я им посылал. Подозревали, что там есть какой-то двойной смысл, от чего у них будут неприятности. Решили, что я — politico[37], и что мне тогда оставалось? Я и стал politico. За это они посадили меня в тюрьму. Так всегда бывает, если ты politico и не колорадо[38], то есть не из партии Генерала.

— В тюрьме было плохо?

— Еще как плохо,— сказал Акуино. Он вынул правую руку и показал ее Чарли.— Вот тогда я и стал писать стихи. Чтобы научиться писать левой рукой, надо очень много времени, и потом пишешь медленно. А я ненавижу все медленное. Лучше быть мышью, чем черепахой, хотя черепаха и живет гораздо дольше.— После второго глотка виски он стал разговорчивым.— Меня восхищает орел, он камнем падает с неба на жертву, не то что гриф, который, медленно махая крыльями, слетает вниз и поглядывает, совсем ли она подохла. Поэтому я и взялся за стихи. Проза течет медленно, а поэзия падает, как орел, и бьет, прежде чем опомнишься. Конечно, в тюрьме мне не давали ни пера, ни бумаги, но стихи и не надо записывать. Я их заучивал наизусть.

— А стихи были хорошие? — спросил Чарли Фортнум.— Правда, я-то в них не разбираюсь.

— По-моему, кое-какие были хорошие,— сказал Акуино. Он допил виски.— Леон говорил, что некоторые были хорошие. Сказал, что они похожи на стихи какого-то Вийона. Тот тоже был преступником вроде меня.

— Первый раз о нем слышу,— сказал Чарли Фортнум.

— Стих, который я сначала написал в тюрьме,— рассказывал Акуино,— был о нашей самой первой тюрьме, о той, в которой мы все побывали. У моего стихотворения был припев: «Отца я вижу только сквозь решетку». Понимаете, я писал о загородках, куда в буржуазных домах сажают детей. У меня в стихотворении отец преследует сына всю жизнь: сначала он школьный учитель, потом священник, потом полицейский и тюремный надзиратель и в конце концов сам генерал Стреснер. Генерала я как-то видел, когда он объезжал страну. Он зашел в полицейский участок, где я сидел, и я его видел через решетку.

---

[36] Привет *(исп.)*.

[37] Политик *(исп.)*.

[38] «Колорадо» — национально-республиканская правительственная партия, основанная в 1887 г., опора диктатуры Стреснера.

— У меня скоро родится ребенок,— сказал Чарли Фортнум.— И я хотел бы увидеть этого маленького негодника, пусть даже на часок. Но, знаете, не через решетку. Хотел бы дожить до того, чтобы узнать, мальчик это или девочка.

— Когда он родится?

— Месяцев через пять или вроде этого. Точно не знаю. В таких делах я плохо разбираюсь.

— Не беспокойтесь. Вы будете дома, сеньор, задолго до этого.

— Если вы меня убьете, не буду,— ответил Чарли Фортнум, все же надеясь, несмотря ни на что, получить их обычный ободряющий ответ, как бы фальшиво он ни звучал; но не удивился, когда его не услышал: он начинал жить в царстве правды.

— Я написал много стихов о смерти,— весело, с удовлетворением сообщил Акуино, подняв на свет стакан с остатками виски, чтобы поймать в нем отблеск свечн.— Больше всего мне нравится одно с таким рефреном: «Смерть всего лишь сорняк, дождь ей вовсе не нужен». А Леону не нравится, он говорит, что я пишу как крестьянин, я ведь когда-то и собирался стать крестьянином. Ему больше нравится то, где сказано: «В чем бы ни была твоя вина — пищу всем дают одну и ту же». И есть еще одно, которым я доволен, хоть и сам толком не знаю, что я хотел сказать, но когда хорошо его прочтешь, оно звучит красиво: «Когда о смерти речь, то говорит живой».

— Да вы чертову уйму этих стихов написали о смерти.

— По-моему, чуть не половина моих стихов — о смерти,— сказал Акуино.— А для мужчины и есть только две стоящие темы: любовь и смерть.

— Я не хочу умереть, пока у меня не родится ребенок.

— Лично я вам желаю всяческого счастья, сеньор Фортнум. Но ни у кого из нас нет выбора. Может, завтра я умру под машиной или от лихорадки. А умереть от пули — это одна из самых быстрых и достойных смертей.

— Вот, наверное, так вы меня и убьете.

— Естественно... А как же иначе? Мы не жестокие люди, сеньор Фортнум. Пальцев мы у вас отрезать не будем.

— Однако и без нескольких пальцев жить можно. Вы же без них обходитесь, верно?

— Я понимаю, боль вас пугает, я-то знаю, что боль делает с человеком, что она сделала со мной, но не пойму, почему вы так боитесь смерти. Смерти ведь все равно не избежать, и если священники правы, потом будет долгая жизнь за гробом, а если не правы, значит, и бояться нечего.

— А вы верили в эту жизнь за гробом, когда вас пытали?

— Нет,— признался Акуино.— Но и о смерти не думал. Была только боль.

— У нас есть такая поговорка: лучше синица в руке, чем журавль в небе. Лично я про эту загробную жизнь никогда не думал. Знаю только, что хотел бы прожить еще лет десять у себя в поместье и смотреть, как растет мой малыш.

— Но вы вообразите, сеньор Фортнум, чего только не может произойти за десять лет! И ребенок ваш вдруг умрет — дети ведь здесь мрут как мухи — и жена изменит, а вас замучает медленный рак. Пуля же — это так просто и так быстро.

— Вы уверены?

— Пожалуй, еще капля виски мне не повредит,— сказал Акуино.

— Да у меня и у самого горло пересохло. Знаете старую поговорку: англичанину всегда не хватает двух рюмок до нормы.

Он налил виски очень скупо — осталось меньше четверти бутылки — и с грустью подумал о своем поместье, о баре на веранде, где всегда под рукой непочатая бутылка.

— Вы женаты? — спросил он.

— Не совсем,— ответил Акуино.

— А я был дважды женат. Первый раз у меня что-то не заладилось. А во второй — сам не знаю, почему,— чувствую совсем по-другому. Хотите, покажу фотографию?

Он нашел у себя в бумажнике цветной квадратик. Клара сидела за рулем «Гордости Фортнума», косясь на аппарат с таким страхом, словно он сейчас выстрелит.

— Хорошенькая,— вежливо отозвался Акуино.

— Понимаете, на самом деле она править не умеет,— сказал Фортнум,— и снимок чересчур засинен. Видите, какого цвета авокадо. Грубер обычно проявляет луч-

ше.— Он с сожалением посмотрел на фотографию.— К тому же она не совсем в фокусе. И хуже здесь, чем на самом деле, но я тогда перебрал против нормы и рука у меня, верно, дрогнула.

Он с тревогой посмотрел на жалкий остаток в бутылке.

— Как правило, ничего нет лучше виски, чтобы побороть эту дрожь. Как насчет того, чтобы прикончить бутылку?

— Мне самую малость,— сказал Акуино.

— У каждого человека своя норма. Я никого не стану попрекать, если она у него не такая, как у меня. Норма — она вроде бы встроена в твой организм, как лифт в жилой дом.— Чарли внимательно следил за Акуино. Он правильно рассчитал — нормы у них совсем разные. И сказал: — Мне понравился тот ваш стих насчет смерти.

— Который?

— Память у меня кошмарная. А что вы сделаете с трупом?

— С каким трупом?

— С моим трупом.

— Сеньор Фортнум, зачем говорить о таких неприятных вещах? Я пишу о смерти, это правда, но о смерти совершенно отвлеченно. Я не пишу о смерти друзей.

— Понимаете, ведь те люди в Лондоне, они обо мне никогда и не слышали. Им-то что? Я ведь не член их клуба.

— «Смерть всего лишь сорняк, и дождь ей вовсе не нужен». Вы об этом стихотворении говорили?

— Да, да, именно! Теперь вспомнил. Но все равно, Акуино, даже если смерть дело обычное, умирать все же надо с достоинством. Согласны? Salud.

— Salud, сеньор Фортнум.

— Зовите меня Чарли, Акуино.

— Salud, Чарли.

— Я не хотел бы, чтобы меня нашли в таком виде: грязным, небритым...

— Я могу вам дать миску с водой.

— А бритву?

— Нет.

— Хотя бы безопасную. Что я могу натворить безопасной бритвой?

Да, дело в норме. Теперь ему казалось, что он все может. Будь у него хотя бы ножницы, глинобитную стену он сперва намочит.

— А ножницы, чтобы подровнять волосы?

— Надо спросить разрешения у Леона, Чарли.

А острую палочку? — он придумывал, как бы ее назвать поубедительнее. Теперь, когда он выпил свою норму и голова у него работала, он был уверен, что убежать можно.

— Я хочу написать Кларе, моей жене,— сказал он.— Той девушке на фотографии. Письмо можете держать у себя, пока все не кончится и вы не будете в безопасности. Я просто хочу ей сказать, что перед смертью думал о ней. Дайте мне карандаш, острый карандаш,— неосторожно добавил он, взглянув на стену и вдруг усомнившись, не был ли он чересчур самонадеян.

Там, правда, видно местечко, где стена была рыхлая, из нее торчала солома, которую подмешивали к глине.

— У меня есть шариковая ручка,— сказал Акуино.— Но я все-таки спрошу Леона, Чарли.

Он вынул ручку из кармана и внимательно ее осмотрел.

— А какой от нее может быть вред, Акуино? Я сам бы спросил твоего приятеля, но, понимаешь, со священниками мне почему-то не по себе.

— Вы должны нам отдать все, что напишете,— сказал Акуино.— Нам придется это прочесть.

— Конечно. Давайте начнем вторую бутылку?

— Вы хотите меня напоить? Да я ведь кого хочешь перепью.

— Что вы! Я еще сам своей нормы не выпил. Мне хватает одной рюмки сверх полбутылки, а вот вы только половину моей нормы и выпили.

— Может, нам еще долго не удастся купить вам виски.

— «Будем есть и пить, ибо завтра умрем!» [39] Это вроде как из Библии. Видно,

[39] Книга пророка Исайи 22:13.

и во мне просыпается сочинитель. А все виски. Вообще-то я не мастак писать письма. Но я первый раз в разлуке с Кларой с тех пор как мы вместе.

— Вам и бумага будет нужна, Чарли.

— Да, о ней я и забыл.

Акуино принес ему пять листиков бумаги, вырванных из блокнота:

— Я их сосчитал. Вы должны будете все до одного мне вернуть, используете вы их или нет.

— И дайте немного воды, помыться. Не хочу, чтобы письмо было в грязных пятнах.

Акуино подчинился, но на этот раз слегка поворчал.

— Это вам, Чарли, не отель,— сказал он, грохнув таз на земляной пол и расплескав по нему воду.

— Если бы это был отель, я бы повесил на двери: «Прошу не беспокоить». Возьмите виски, выпейте еще.

— Нет. С меня хватит.

— Будьте другом, прикройте дверь. Не выношу, когда этот индеец на меня смотрит.

Оставшись один, Чарли Фортнум намочил рыхлое место на стене водой и принялся ковырять его шариковой ручкой. Через четверть часа на полу лежала щепотка пыли, а в стене образовалось крошечное углубление. Если бы не виски, он бы отчаялся. Чарли сел на пол, чтобы скрыть вмятину в стене, вымыл ручку и принялся писать. Ему надо было как-то объяснить, на что у него ушло время.

«Моя дорогая детка»,— начал он и задумался. Официальные отчеты он писал на пишущей машинке, которая, казалось, сама складывала нужные фразы. «В ответ на ваше письмо от 10 августа...», «Подтверждая получение вашего письма от 22 декабря...», «Как я по тебе соскучился»,— писал он сейчас. Это ведь и было самое главное, что он должен сказать; все, что он добавит, будет лишь повторением или перепевом той же мысли. «Кажется, прошли годы с тех пор, как я уехал из поместья. В то утро у тебя болела голова. Прошла теперь? Прошу тебя, не принимай слишком много аспирина. Это вредно для желудка, да и для ребенка, наверное, тоже. Ты проследи, очень тебя прошу, чтобы «Гордость Фортнума» закрыли брезентом,— вдруг пойдут дожди».

Письмо, думал он, доставят либо когда он уже будет дома, либо когда он уже будет мертв; он вдруг почувствовал, какое огромное расстояние между глинобитной хижиной и его поместьем, между гробом и «джипом», стоящим под купой авокадо, между ним и Кларой, поздно встававшей с двуспальной кровати, баром с напитками на веранде, которым никто не пользуется. Глаза щипало от слез, и он вспомнил, как попрекал его отец: «Не трусь, Чарли, будь же мужчиной. Плакса!.. Терпеть не могу, когда себя жалеют. Тебе должно быть стыдно. Стыдно. Стыдно». Слово это звучало как похоронный звон по всякой надежде. Иногда, хоть и не часто, он пытался защищаться. «Да я же не о себе плачу. Утром я ставнем раздавил ящерицу. Нечаянно. Хотел ее выпустить. Я о ящерице плачу, а не о себе». Он и сейчас плакал не о себе. Слезы были из-за Клары и немножко из-за «Гордости Фортнума» — ведь оба были брошены на произвол судьбы и беззащитны. Сам-то он терпел лишь страх и неудобства. А одиночество, как он знал по опыту, терпеть куда тяжелее.

Он перестал писать, глотнул еще виски и снова стал ковырять стену шариковой ручкой. Стена впитала воду и скоро опять стала сухой, как кость. Через полчаса он прекратил это занятие. Дыру он раскопал величиной с мышиную норку, не больше двух сантиметров в глубину. Чарли опять взялся за письмо и написал, словно бросая кому-то вызов: «Могу тебе сказать, что Чарли Фортнум готов идти напролом. Я не такой слабак, как они думают. Я твой муж и слишком тебя люблю, чтобы позволить какой-то мрази встать между нами. Я что-нибудь придумаю и сам отдам это письмо тебе в руки, то-то мы тогда посмеемся и выпьем того хорошего французского шампанского, которое я берег для особого случая. Мне говорили, что шампанское повредить ребенку не может». Он отложил письмо, потому что у него действительно зрела мысль, правда пока еще очень туманная. Он отер со лба пот, и на миг ему почудилось, будто он сгоняет и пары виски, отчего голова становится ясная.

— Акуино! — позвал он.— Акуино!

Акуино нехотя, настороженно вошел в комнату.

— Виски больше не хочу,— сказал он.

— Мне надо в уборную.

— Я скажу Мигелю, чтобы он с вами сходил.

— Нет, Акуино... Меня будет стеснять, если этот индеец сядет снаружи и станет тыкать в меня своим автоматом. Ему так и не терпится пустить его в ход.

— Мигель не хочет вам зла. Ему просто нравится автомат. У него никогда его раньше не было.

— Все равно я его боюсь. Почему бы вам не взять у него автомат и самому меня не стеречь? Я знаю, Акуино, вы не станете стрелять без надобности.

— Он обидится, если у него возьмут его автомат.

— Ну тогда, черт бы вас подрал, я сделаю свои дела здесь!

— Хорошо, я с ним поговорю,— сказал Акуино.

Большинству людей нелегко хладнокровно застрелить расположенного к вам человека,— план Чарли Фортнума был очень прост.

Когда Акуино вернулся, в руках у него был автомат.

— Ладно,— сказал он,— пойдем. У меня только левая рука, но имейте в виду, когда у тебя автомат, снайпером быть не требуется. Одна из пуль наверняка попадает в цель.

— Даже пуля поэта,— деланно улыбаясь, сказал Чарли Фортнум.— Я хотел бы, чтобы вы списали мне то стихотворение. Приятно будет сохранить его на память.

— Которое?

— Да вы же знаете, о чем я говорю. Насчет смерти.

Он прошел через проходную комнату. Индеец на него не смотрел. Он с тревогой уставился на автомат, словно нечто бесценное попало в неверные руки.

Всю дорогу до навеса под авокадо Чарли Фортнум болтал без умолку. Когда он был без сознания, часы его встали, и теперь он понятия не имел, сколько сейчас времени, но тени уже вытянулись. Под деревьями, густо увешанными темно-коричневыми плодами, стояла мгла.

— Я почти дописал письмо,— сказал он.— До чего же трудно писать!

Когда он дошел до двери сарайчика, он повернулся и вымученно улыбнулся Акуино. Если тот улыбнется в ответ, это будет хороший признак, но Акуино не улыбнулся. Может, он был просто чем-то озабочен. Может, он сочинял стихотворение о смерти. А может быть, он выпил не ту норму, что надо.

Чарли Фортнум, собираясь с духом, посидел в загородке сколько положено. Потом быстро вышел и резко свернул направо, чтобы хижина оказалась между ним и Акуино. Надо было пройти всего несколько шагов, а там, под деревьями, его скроет темнота. Он услышал короткую очередь, крик, ответный крик и ничего не почувствовал.

— Не стреляйте, Акуино! — крикнул он.

Снова ударили выстрелы, и он рухнул прямо туда, где сгущалась темнота.

Перевели с английского Е. ГОЛЫШЕВА и Б. ИЗАКОВ

(Окончание следует)